

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КУБАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
КАФЕДРА ЖУРНАЛИСТИКИ И ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА

**РОССИЯ И КАВКАЗ В ПРОСТРАНСТВЕ
ЕДИНОЙ ДЕРЖАВЫ**

Международная научно-практическая конференция
(22-23 ноября 2013 года)

Краснодар, 2014

УДК 323.1(470+571) (479) (063)

ББК 66.5 (2)

Р 76

Редакционная коллегия:

доктор филологический наук, профессор О.Т. Паламарчук

кандидат исторических наук, профессор А.В. Жинкин

доктор филологических наук, профессор Н.М. Шиков

кандидат филологических наук, доцент Н.И. Щербакова

Р 76

Россия и Кавказ в пространстве единой Державы: материалы Международной научно-практической конференции. – Краснодар, КСЭИ, 2014. – 314 с.

ISBN 978-5-91276-073-0

В сборнике публикуются материалы Международной научно-практической конференции, посвященной проблемам духовного и культурно-исторического диалога России и Кавказа, межнациональных отношений в современном медийном пространстве, исследования языка как основы межнациональной коммуникации, историософской специфики национальной самоидентификации народов России.

Рекомендуется ученым, исследователям гуманитарного направления, занимающимся проблемами межнациональных отношений и культурно-исторической интеграции.

УДК 323.1(470+571) (479) (063)

ББК 66.5 (2)

Р 76

ISBN 978-5-91276-073-0

Кубанский социально-экономический институт, 2014

Авторы статей, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии.....6

РАЗДЕЛ I. Духовное и культурно-историческое пространство диалога России и Кавказа

<i>Губанукаева М.М.</i> «Кавказский излом» в творчестве Льва Николаевича Толстого (на материале произведений «Хаджи-Мурат», «Казачьи сыновья»).....7	7
<i>Данильченко А.Е.</i> Гривенско-Черкесский казак Пшекуй Могуков.....12	12
<i>Ефименко Л.Н.</i> Проблема национального характера в литературной критике и публицистике А.И. Куприна.....20	20
<i>Инаркаева С.И.</i> Понятие «национальный характер» и его проявление в творчестве вайнахских просветителей.....29	29
<i>Индербаяев Г.В., Товсултанова Д.С.</i> К вопросу об отношении горцев Кавказа к труду (На материале кавказских поэм А.С. Пушкина).....35	35
<i>Исмаилова М. В., Багаев З.А.</i> Поэтика прозы М. Бексултанова (философия символа).....40	40
<i>Кубова Ф.</i> Социально-исторические условия возникновения адыгской просветительской литературы и специфика ее развития.....46	46
<i>Мамедова А.Н.</i> Роман Алисы Ганиевой «Праздничная гора» в контексте текущей словесности.....58	58
<i>Мурадова А.К.</i> Общеэпический контекст произведений западноевропейского средневекового эпоса и его значение для чеченской национальной литературы.....63	63
<i>Мусукаева А.Х.</i> О взаимовлиянии литератур народов Северного Кавказа.....70	70
<i>Ханаева З.К.</i> Циклообразующие мотивы сказаний о Батраде.....74	74
<i>Чекалов П.К.</i> О некоторых содержательных и формальных особенностях сборника К. Мхце «В миг полулета-полуосени».....80	80
<i>Шиков Н.М.</i> Новые подходы к изображению человека и принципы сюжетологии в художественной прозе русскоязычных адыгских писателей XIX века.....89	89

РАЗДЕЛ II. Межнациональные отношения в современном медийном пространстве

<i>Касьянова О.А.</i> Дискурс-анализ как метод исследования доброжелательности на страницах портала «Кавказский узел».....100	100
<i>Наток С.Х.</i> Развитие межкультурных коммуникаций в условиях глобализации современных массмедиа.....109	109
<i>Наток С.Х.</i> Истоки транснационального тупика и освещение проблем диаспор в СМИ.....115	115
<i>Паламарчук О.Т.</i> Российская нация: проблемы, перспективы.....121	121

<i>Парастаева М.</i> Архитектонические особенности публицистики Н. Джусойты (последнее десятилетие XX – начало XXI вв.).....	127
<i>Паршина М.В.</i> Национальный колорит анекдотов (на материале региональной прессы XIX-XX веков).....	138
<i>Петрова Н.Н.</i> Психологические универсалии казаков и горцев в произведениях публицистов XIX века.....	143
<i>Ракачева Я.В.</i> Миграция и мигранты в периодической печати Краснодарского края.....	150
<i>Таутиева И.Х.</i> Модные слова в лексике русского языка рубежа XX-XXI веков и причины активизации включения их в речедетельность СМИ.....	154
<i>Хакуашева М.А.</i> Современные проблемы адыгского мира.....	162
<i>Фоксел Э.</i> Ставрополь – линия фронта между Россией и Северным Кавказом.....	171

РАЗДЕЛ III. Язык как основа межнациональной коммуникации

<i>Бибилова Р.П.</i> Основы построения методической системы обучения учащихся предикативной основе предложения в условиях осетинско-русского двуязычия.....	177
<i>Индербаяев Г.В.</i> Русский язык как язык творчества инонациональных писателей.....	183
<i>Пазов С.У.</i> Абазинский язык: экстралингвистические факторы функционирования и развития на современном этапе.....	193
<i>Пархоменко Е.В.</i> Речевая агрессия как коммуникативное явление.....	201
<i>Пашкова Н.В.</i> Разговор – ключ к спасению!.....	208
<i>Хадашева С.А.</i> Перевод как средство интенсификации процесса обучения определяющим конструкциям в национальной школе.....	213
<i>Хакуз П.М.</i> Имитация разговора как причина непонимания.....	220
<i>Цховребова З.И.</i> Роль русского языка в развитии гуманитарного сотрудничества.....	225

РАЗДЕЛ IV. Историсофия национальной самоидентификации и межнациональных отношений

<i>Авидзба А.Ф.</i> Проблема маргинализма как фактор Отечественной войны в Абхазии 1992-1993 гг.....	230
<i>Аполлонов И.А.</i> Национальная гордость и толерантность: проблема границ этничности в самосознании человека.....	239
<i>Ачугба Т.А.</i> Абхазская диаспора: проблемы этнической идентичности и репатриации.....	247
<i>Богатырева С.В.</i> Государственная национальная политика и кросс-культурные коммуникации.....	256
<i>Джамбекова Т.Б.</i> О теме депортации в чеченской литературе.....	263

<i>Мирзоев О.Р.</i> Об участии союзов сельских общин во взаимоотношениях Дагестана с Россией в первой половине XIX в. (на примере Ахтыпаринского союза).....	270
<i>Мусукаев А.И.</i> О миграции фамилий у народов Северного Кавказа.....	275
<i>Ракачев В.Н.</i> Образ Абхазии и абхазов в представлении россиян.....	283
<i>Салакая С.Ш.</i> Изучение вхождения Абхазского княжества в состав Российской империи в абхазской исторической науки.....	287
<i>Тучина О.Р.</i> Традиционные ценности в эпоху глобализации (на материале исследования адыгских студентов).....	293
<i>Шовгенов Т.М.</i> Экономический портрет курдской семьи в Республике Адыгея.....	300
<i>Щербакова Н.И.</i> Россия и Кавказ: метафизика национального сближения.....	306

Импульс научной интеграции

Насколько злободневны сегодня на всем российском пространстве проблемы межэтнических отношений, насколько успешно они решаются в современных условиях развития России, говорят многочисленные совещания, симпозиумы и конференции, которые проводятся довольно часто. Знаменательным фактом является и то, что заседания Совета по межнациональным отношениям при Президенте России, который серьезно и всесторонне обсуждает положение дел в различных территориальных образованиях, каждые полгода проводятся в столицах национальных республик Российской Федерации. Тем не менее, последние события, произошедшие в Бирюлёво и Волгограде, показали, что в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений ситуация в стране продолжает оставаться напряженной. Интеллигенция не должна и не может оставаться в стороне от решения этих проблем, судьбоносных для России – единой для всех народов и национальностей Державы!

Уважаемые коллеги!

Факультет печати и журналистики Кубанского социально-экономического института приглашает участников Международной научно-практической конференции «РОССИЯ И КАВКАЗ в пространстве единой Державы» – учителей, журналистов, государственных и общественных деятелей – к продуктивному научному диалогу, который, несомненно, сыграет значимую роль в оптимизации интеграционных процессов и создания единого политического, экономического и культурно-исторического пространства современной России.

РАЗДЕЛ I. ДУХОВНОЕ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА РОССИИ И КАВКАЗА

*Губанукаева М.М. – к.ф. н, доцент,
Чеченский государственный педагогический институт,
г. Грозный*

«Кавказский излом» в творчестве Льва Николаевича Толстого (на материале произведений «Хаджи-Мурат», «Кзаки»)

«Кавказский излом» в творчестве Льва Николаевича Толстого начинается с произведений «Хаджи-Мурат», «Кзаки», «Кавказский пленник». Работа над повестью «Хаджи-Мурат» была начата в августе 1896 года и продолжалась, с перерывами, до 1904 года. Опубликована в 1912 году, в третьем томе «Посмертных художественных произведений Л.Н. Толстого» (московское издание – с цензурными искажениями и пропусками, берлинское – полное). Исток замысла указан Толстым в записной книжке и дневнике 18-19 июля 1896 года: «Татарин на дороге»; «Вчера иду по предвоенному черноземному пару. Пока глаз окинет, ничего кроме черной земли – ни одной зеленой травки. И вот на краю пыльной, серой дороги куст татарина (репья), три отростка: один сломан, и белый, загрязненный цветок висит; другой сломан, и забрызган грязью, черный, стебель надломлен и загрязнен; третий отросток торчит вбок, тоже черный от пыли, но все еще жив и в серединке краснеется. Напомнил Хаджи-Мурата. Хочется написать. Отстаивает жизнь до последнего, и один среди всего поля, хоть как-нибудь, да отстоял ее» [1. С.93].

Первый набросок назван «Репей», потом появился «Хазават»; очень скоро окончательное – «Хаджи-Мурат». Непокорность, умение отстаивать свободу действий и жизнь всегда восхищали Толстого и, может быть, с особен-

ной силой это мировосприятие воплотилось в повести, созданной на склоне лет. Основная работа проходила в 1902-1904 годах, после тяжелых болезней, едва не кончившихся смертью. В 1902 году лечившему его врачу Толстой сказал: «А я все не сдаюсь». Сила, энергия жизни победила; этот автобиографический подтекст чувствуется в повествовании. Писатель говорил, что Хаджи-Мурат его «личное увлечение», а про свое писание – «все это младость».

В лаконичной (как всегда в сочинениях Толстого позднего периода) форме создан, в сущности, исторический роман из времени царствования Николая I, Кавказской войны, длившейся тогда почти 50 лет. Герой противопоставлен власти вообще – и русскому императору, и всесильному имаму. Толстой свидетельствовал, что его в этом сочинении занимали «два полюса властного абсолютизма – азиатского и европейского». В повести намеренно подчеркнуто сходство двух властителей: жестокость, лицемерие, склонность к любовным утехам. У простых людей – и русских, и горцев – Хаджи Мурат вызывает лишь благородные чувства: преданность, восхищение, симпатию, сострадание. При работе над повестью было использовано множество источников: исторических, литературных, фольклорных (составленный А.П. Сергеевко список включает 172 названия). Ни в одной из них нет «детской улыбки», которая настойчиво, много раз повторяется как характерная черта непокорного горца.

Кавказский фольклор Толстой знал с молодых лет, сам записывал (впервые в истории) чеченские песни; в 70-е годы с восторгом читал «Сборники сведений о кавказских горцах» и в письмах А.А.Фету приводил замечательные образчики песен и легенд. Самое удивительное состоит в том, что не для каждой песни из «Хаджи-Мурата» находится первоисточник. Такова песня, которую поет своему мальчику мать, прижимая его к раненой груди: эту песню сочинил сам Толстой. В рукописях – несколько его вариантов.

Появление в 1911-1912 годах трех томов «Посмертных художественных произведений», где находился и «Хаджи-Мурат», изумило современников.

Казалось, что Толстой-художник последние десятилетие жизни замолчал, занятый публицистикой и нравоучительными книгами. Нет, он просто не отдавал написанное в печать, думая, впрочем, что можно отделать еще лучше.

По этому поводу справедливо недоумевал М. Горький («Разве можно «Хаджи-Мурата» написать лучше?»), восхищавшийся пластичностью толстовских образов. В январе 1912 года Н.Д. Телешов писал И.А. Бунину: «Прочитал вчера «Хаджи-Мурата», только что вышедшего. Читал ли ты? Прочитай скорее эту изумительную, величайшую повесть. Это такая высота и красота, такая спокойная сила, такое сокровище, что нельзя рассказать. Нет в мире такого писателя, который мог бы так написать. Нечто исключительное, захватывающее по мастерству и технике. За четверть века не читал подобного. А может быть, и никогда не читал такого» [2.С.67].

Замысел создания повести «Казачья повесть» – возник на Кавказе, где Толстой находился с июня 1851 по январь 1854 года. В 1857-1858 годах сочинение писалось как роман с остро драматической коллизией: «Беглец», «Беглый казак». В 1862 году для печати завершена первая часть этого романа и опубликована в журнале «Русский вестник» (1863 г., №1) под заглавием «Казачья повесть 1852 года». Продолжения, однако, не последовало. Произведение оказалось завершенным. Сюжет «о беглом казаке» (муж Марьяны ранил русского офицера, бежал в горы, потом вернулся в станицу и был казнен) позднее возникал в творческом воображении художника, но дальше написанных до 1862 года фрагментов дело не пошло. Напечатав «кавказскую повесть», Толстой записал в дневнике: «эпический род мне становится один естествен». Началось создание «Войны и мира».

В процессе работы, длившейся, с перерывами, десять лет, особенно важным стали поиски нужного тона повествования: как соединить поэтическую, лирическую струю, описание прекрасной природы Кавказа, глубоко личных, субъективных переживаний Оленина, с эпически величавой характеристикой целого народа, его быта, веры, трудов и дней, с объективной сфе-

рой, столь занимавшей создателя в этом сочинении? В 1857 (апрель-май) году, находясь в заграничном путешествии, Толстой жаловался другу, литературному критику П.В. Анненкову: «Ту серьезную вещь, про которую я вам говорил как-то, я начал в четырех различных тонах, каждую написал листка по три и остановился, не знаю, что выбрать или как слить, или должен все бросить. Дело в том, что эта субъективная поэзия искренности – вопросительная поэзия – и опротивела мне немного и нейдет ни к задаче, ни к тому настроению, в котором я нахожусь. Я пустился в необъятную и твердую положительную, объективную сферу и ошалел: во-первых, по обилию предметов, или, скорее, сторон предметов, которые мне представились, и по разнообразию тонов, в которых можно выставлять все эти предметы. Кажется мне, что копошится в этом хаосе смутное правило, по которому я в состоянии буду выбрать; но до сих пор это обилие и разнообразие равняется бессилию» [З. С.57].

В конце концов задача оказалась решена – путем гармоничного сочетания лирики и эпоса. Рукописи этой повести составляют около 600 листов (при этом не все сохранилось).

Работая над «Кзаками», Толстой не только по памяти восстанавливал свои кавказские впечатления и переживания, но и специально перечитывал для этой цели кавказские дневники. Из дневника перешли в повесть и глупая улыбка слуги Ванюши; и беседы с Ерошкой (Епифаном Сехиным); и похождения на охоту; и любовь к казачке; и ночные стуки в окошко; и любованье казачьими хороводами с песнями и стрельбой; и мечты купить дом и поселиться в станице; и эпизод с Белецким, рассказанный здесь так: «Сулимовский при мне сказал Оксане, что я ее люблю. Я убежал и совсем потерялся»; и сознательные попытки искать и сделать каждый день «доброе дело»; и рассуждение о том, что надо «без всяких законов пускать из себя во все стороны, как паук, цепкую паутину любви» и т.п. Но читая письма Толстого с Кавказа, мы не находим в них ни того восхищения станичной жизнью, ни того негодо-

вания против оставленной в России светской жизни, какое содержится в письме Оленина к приятелю. Все это пришло к автору позднее.

«Казачи» вобрали в себя и опыт участника Севастопольской обороны, и стремление решить крестьянский вопрос, и любовь к яснополянской крестьянке Аксинье Базыкиной, и опыт школы для крестьянских детей, и размышления о судьбе России и ее народа, волновавшие Толстого на рубеже 60-х годов. После Крымской компании, после знакомства с кругом «Современник» и заграничных поездок Толстой шире понял свое прошлое, иначе обобщил факты.

Впервые в своем творчестве Толстой создал в «Казачах» не зарисовки народных типов, а цельные, ярко очерченные, своеобразные, не похожие друг на друга характеры людей из народа – величавой красавицы Марьяны, удальца Лукашки, мудреца Ерoшки. Оленин (как и автор) неудержимо тянется к этому миру и все же, непонятный и сам далеко не все понимая и принимая, покидает его. Поразительно при этом то, что обе стороны оказываются правы. Обе утверждают себя: и эпически величавый строй народной жизни, покорный своей традиции, и разрушающий все традиции, вечно неуспокоенный, стремящийся к нравственному возрождению герой Толстого. Они еще не сходятся, но они оба должны существовать, чтобы когда-нибудь сойтись.

Повесть «Казачи» горячо встретили писатели-современники (и потомки) и строго осудила литературная критика 60-х годов. Шедевром назвал ее в письме 4 апреля 1863 году А.А. Фет: «Все повести из прoстонародного быта нельзя читать без смеха после «Казачоков». <...> Неизъяснимая прелесть таланта.<...> «Казачи» должны явиться на всех языках» [4.С.92].

И.С. Тургенев в 1878 г. говорил, что это «лучшая повесть, написанная на нашем языке».

А.И. Куприн был влюблен в повесть не меньше, чем герой его рассказа «Анафема».

Ромен Роллан назвал «Кзаков» «лучшим из лирических романов», «песнью юности» Толстого: «Снежные горы, вырисовывающиеся на фоне ослепительного неба, наполняют своей гордой красотой всю книгу» [5. С.32].

В своих «Зеленых холмах Африки» Эрнест Хемингуэй пишет, что читал и перечитывал эту «прекрасную повесть».

Критика же 1860-х годов, увлеченная социальными идеями времени, упрекала автора «Кзаков» в апологии дикости, отсталости взглядов и даже отсутствии оригинальности.

Библиография:

1. Заборова Р.Б. Основные образы повести «Кзаки». Л.Н. Толстой. Сборник статей и материалов. М.,1951.С. 93.,

2. Палиевский П.В. Реалистический метод позднего Толстого (Повесть «Хаджи-Мурат») Л.Н. Толстой. Сборник статей о творчестве. М., 1959. С.67.

3. Бурсов Б. Лев Толстой. Идеиные искания и творческий метод. 1847-1862. М.,1960 (глава шестая). С.57.

4. Опульская Л.Д. Повесть Л.Н. Толстого «Кзаки». Творческая история «Кзаков». М., 1963.С.92.

5. Чуприна И.В. Нравственно-философские искания Л. Толстого в 60-е и 70-е годы. Саратов, 1974 (глава II).С.32.

Данильченко А.Е.

Гривенско-Черкесский казак Пшекуй Могуков

История взаимоотношений адыго-черкесов и русских уходит своими корнями в седую древность тысячелетий. Многие их связывает, многое было в общей истории. Но есть в этой истории славные страницы боевого братства и содружества. В летописях и памяти сохранилось немало имен, которые вы-

зывают гордость и уважение у обоих народов. Среди них и имя генерал-майора российской армии П.Д. Могукова.

Черкесы-казаки, кто они? В 1796 году в Шапсугии произошло восстание крестьян-тфо-котлей против установления над ними крепостного права дворянами Шеретлуковыми. После Бзи-юкской битвы, в которой князья и дворяне потерпели поражение, несмотря на поддержку черноморских казаков, шапсугский дворянин Али Султан Шеретлуков дважды ездил с депутацией к российской императрице Екатерине Великой – сначала с просьбой о помощи против возмущившихся простолюдинов, а затем с просьбой о разрешении поселиться на земле черноморских казаков.

Непрекращавшаяся вражда между отдельными черкесскими племенами и борьба между владельцами некоторых аулов постоянно заставляла потерпевших поражение вместе с их семьями бежать на русскую сторону и, не считаясь с запрещением, переходить через Кубань.

В 1799 году черкесам было дозволено поселиться отдельным куренем (так до 1842 года именовались казачьи станицы), который получил название Гривенский (у адыгов станица была известна как аул Грунэхабль). Также новые русско-подданные черкесы числом в 100 душ поселились на избранном Али Шеретлуковым месте в урочище Ангелинский ерик в 60 верстах от Кубани. Еще были поселены в Гривенский черкесский аул 46 душ ногайцев и 140 душ татар. В разгар Отечественной войны, 27 сентября 1812 г., Александр I вынужден был по дипломатическим причинам подписать распоряжение о том, чтобы не принимать «из заграницы, как из Анапы, так и черкесских селений, яко под владением турецким состоящих, людей за исключением русских пленников».

В октябре 1821 г. Ермолов приказал «принимать выбегающих из-за Кубани, подвергающих себя покровительству и вечно подданству российского престола людей». Тогда же он разрешил освободить содержавшихся под аре-

стом в г. Екатеринодаре беглых адыгских крестьян и водворить их на жительство в Гривенской станице.

В 1847 г. станица имела уже до 462 душ мужского населения. Генерал Г.А. Рашпиль еще в 1845 г. докладывал высшему военному начальству, что вследствие усиливавшейся эмиграции горцев казаки стали ощущать заметный недостаток в земельных угодьях, особенно жители станиц Пашковской и Старокорсунской.

В 1846 г. генерал Рашпиль настоятельно просил генерала Н.С. Заводовского прекратить дальнейшее заселение мирными черкесами правобережной прикубанской полосы и указывал на неуместность хуторов десяти черкесских дворян, стеснявших вместе со своими подданными жителей казачьих станиц в землепользовании. В том же 1846 г. было сделано распоряжение о предоставлении мирным черкесам права выселения из аулов Адды и Гривенского на казачьи земли не ближе ста верст от Кубани, а хуторян-черкесов, сидевших на юртах станиц Старокорсунской и Гривенской, приказано было совсем выселить.

В то же время приговором 21 сентября 1847 г. общество станицы Новожижестеблиевской возбудило ходатайство о выселении из ближайшего к станице аула Гривенского черкесов, армян и греков, захвативших земли станиц и стеснивших в этом отношении казаков. Пришедший к такой же точке зрения генерал Г.А. Рашпиль просил 18 ноября 1847 г. у Н.С. Заводовского разрешения полностью ликвидировать Гривенский аул и расселить его жителей по черноморским станицам не ближе ста верст от Кубани.

Всему этому предшествовали волнения адыгов-казаков Черноморского войска в 1844-1846 гг., связанные с недовольством казачьей бедноты произволом станичного офицерства и попытками ее закрепощения. Казаки станицы Гривенской в сентябре 1844 г. подали генералу Рашпилю докладную записку, в которой просили установить у них управление «по русскому закону».

Отстранение от власти Пшекуя Могукова и назначение атаманом станицы хорунжего Гацука Тотакжа и судьей урядника Бейз-рука Баронова не сняли напряжения. Часть недовольных была арестована, но затем освобождена под давлением бедноты. Дело принимало серьезный оборот. Генерал Рашпиль, понимая сложность создавшейся обстановки, не решился пустить в ход оружие. Однако генерал Заводовский потребовал немедленно покончить с «гривенским вопросом» самыми суровыми мерами. Привести в исполнение распоряжение Заводовского можно было лишь при условии применения военной силы. Наместник Кавказа – князь Воронцов счел возможным отступить от традиционной тактики поддержки адыгского дворянства и пошел на уступки. 9 февраля 1847 г. при полном сборе станичного общества командированный в Гривенскую полковник Борзик прочел предписание князя Воронцова, в котором тот отстранял от управления станицей сторонников Могукова и разрешал произвести перевыборы станичного правления. Расселение станицы Гривенско-Черкесской было приостановлено, она просуществовала до осени 1892 года, когда черкесы-казаки были переселены к своим единоверцам за Кубань, большей частью в аул Псейтук.

Выходцем из станицы Гривенско-Черкесской был один из сподвижников З.А. Чепиги – Пшекуй Довлетчериевич Могуков, человек, чья жизнь заметной строкой запечатлелась в истории Черномории. Как и многие его соплеменники-черкесы, юный Пшекуй добровольно поступил на службу в Черноморское казачье войско. Он прошел боевой путь от унтер-офицера до генерал-майора русской армии, начальника 3-й части Черноморской кордонной линии. Родился в 1788 г., 225 лет назад, в Черкесии. Из закубанских владельцев (дворян), шапсуг.

Службу начал казаком 11 августа 1808 г. и почти сразу был отправлен в Дунайскую армию, где черноморские казаки использовались как десантники при захвате турецких крепостей по берегам Дуная. В его формулярном списке о службе и достоинстве отмечается: «В походах и делах противу неприятеля

был в войну с турками (с) 1808 г. на черноморских гребных баркасах; 1809 г. сентября 14 при взятии крепости Измаила; ноября 9 – Браилова; 1810 г. мая 29 – Силистрии; июня 20 и 29 – при разбитии под городами Рущуком и Журжею неприятельских батарей; 1811 г. июня 4 – в прорыве с правого на левый фланг Рущука промежду крепостей и батарей по обе стороны реки Дуная устроенных; августа 29 по сентября 3 – при истреблении неприятельской армии и взятии острова под городом Лошпаленским; октября 1 – в действии противу неприятельской армии повыше Рущу-ка... За оказанную тут храбрость и мужество в действии награжден чином хорунжего (первый офицерский чин в казачьих войсках) и находился до окончания войны с турками при полку безотлучно». Известие о вторжении войск Наполеона в Россию застало войска Дунайской армии адмирала Чичагова в Валахии (ныне – Румыния), а 9-й Черноморский пеший казачий полк, в котором служил Могукоров, – на пути в Сербию. Этот полк был пополнен казаками других казачьих частей и к моменту ухода на другую войну состоял из одного штаб-офицера (командира полка, сына Черноморского войскового атамана, войскового старшины П.Ф. Бурсака), 18 обер-офицеров (4 есаулов, 8 сотников и 6 хорунжих) и 523 казаков.

По информации войскового архивариуса И.И. Кияшко, полк прибыл в действующий против французов корпус графа Мусина-Пушкина 22 сентября 1812 г., но конкретные сведения о его боевых действиях в распоряжении Кияшко стали известны только с декабря. 9 декабря казаки отличились в сражении под местечком Окопы; 20 – под местечком Дубенки; 1 января 1813 г. – при местечке Холм; с 9 на 10 января – под местечком Ухань, где были захвачены в плен офицер и до 100 рядовых французов; с 16 на 17 января – в сражении при местечке Условичи; 2 февраля – под Владиславичами и Красноставом. В формулярном списке самого Могукорова записано коротко: «Потом в походе противу французских войск, пришедших в Россию, по 2 февраля 1813

г. (и за отличие) при овладении местечками Хельмы, Окопаухап и Владиславичи получил серебряную медаль».

14 мая 1813 г. хорунжий Могукоров вернулся в Екатеринодар, а 30 мая последовал высочайший приказ о производстве его в сотники. В ночь со 2 на 3 октября 1821 г. он участвовал в знаменитом Калаусском сражении: «За оказанную здесь храбрость Всемилостивейше награжден орденом Святой Анны 3-й степени...». В формулярном списке об этом периоде службы сказано: «С 1820 по 1826 г. находился бессменно на службе и по разным поручениям по Границе, за каковое усердие и рачительность Высочайше награжден золотой медалью на Александровской ленте».

В период между двумя очередными войнами, служба на границе, 20 октября 1816 г. он был произведен в есаулы, а 14 мая 1828 г. – в войсковые старшины. Во время Русско-турецкой войны войсковой старшина Могукоров, командуя 11-м Черноморским конным полком, с 5 июня 1828 г. участвует в боевых действиях под турецкой крепостью Анапой. За боевые отличия при взятии Анапы он был награжден орденом Святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени с мечом.

По Адрианопольскому миру от 2 сентября 1829 г. Анапа вошла в состав Российской империи. Жители окрестных аулов во главе со своим князем переехали в Турцию. Освободившуюся землю было предложено заселить черноморцам, но те, ссылаясь на Жалованную грамоту, категорически отказались это сделать. Затем поступило предложение заселить эти земли казаками Дунайского казачьего войска. Для обозрения земель была организована экспедиция, которой командовал П.Д. Могукоров.

С 1 по 16 марта 1830 г. земли были осмотрены, предложения отправлены в Санкт-Петербург. В итоге в окрестностях Анапы поселили несколько станиц из разного рода свободных людей. Во время Крымской войны (1853-1856 гг.) эти станицы были снесены, а жители расселены среди казаков Кавказского линейного казачьего войска. Сейчас на месте Николаевской станицы

расположена Анапская станица, Суворовской – Суворово-Черкесский поселок и Благовещенской – одноименная станица.

С 16 мая по 14 июня 1830 г. П.Д. Могуков командовал отрядом из 800 человек, который охранял производивших съемку местности в районе Анапы легендарного штабс-капитана Г.В.Новицкого и прапорщика корпуса топографов Станиславова. Натухайцы активно мешали этому. Тогда он был награжден орденом Святой Анны 2-й степени. В том же году, с 9 ноября по 5 декабря, по поручению командира Отдельного Кавказского корпуса графа И.Ф. Паскевича-Эриванского он вместе с князем Палавандовым приводил к присяге на подданство России племена темиргоевцев, натухайцев, жанечеченевцев и хамышейцев.

Больше года, с 24 апреля 1833 по 18 июня 1834 г., со своим полком служит в подкреплении Кавказской кордонной линии в районе Кавказских Минеральных Вод. За отличие по службе 3 мая 1835 г. производится в подполковники. Летом следующего года руководит исправлением плотин через Аушецкие и Тляфофижские болота. За боевые отличия 25 февраля 1837 г. награждается георгиевским оружием (золотой саблей с надписью «За храбрость»), 28 мая того же года – орденом Святой Анны 2-й степени с Императорскою короною, 4 ноября 1839 г. – орденом Святого Станислава 2-й степени. Орден Святого Станислава 1-й степени он получил в 1852 г., а Святой Анны 1-й степени – 28 ноября 1854 г. В начальный период Крымской войны генерал-майор П.Д. Могуков был начальником (атаманом) Таманского военного округа.

Пшекуй Могуков был известен также как Петр Дмитриевич. Был опекуном черкесского просветителя и офицера Султана Хан-Гирея Мамат-Гиреевича и женат на его родной сестре – Ханифе Мамат-Гиреевне. Детей, к сожалению, у четы Могуковых не было. Умер генерал-майор Пшекуй Мо-

гукиров в 1871 г. Он был не только известным военачальником в Кубанском казачьем войске, но и крупным землевладельцем, имея 1140 десятин земли.

В 40-х годах на его землях на реке Гречаная Балка стали поселяться русские, украинские, молдавские крестьяне. Поселение со временем стало называться хутором Могу коровка, который и поныне существует в Калининском районе Краснодарского края. В 1870 году в нем действовало 174 крестьянских хозяйства, в которых насчитывались 1045 человек. Сегодня в нем проживают 870 человек, в хуторе есть начальная школа, в которой бережно хранят память об основателе хутора генерал-майоре Могукирове.

Под стать Пшекую Могукирову были и его родные. Урусбей Довлетчериевич Могукиров службу начал простым казаком в 1819 г. Через три года, в 1822 г., произведен в урядники. Участвовал в Русско-турецкой войне 1828-1829 гг. Воевал под Силистрией, Руцуком. Он также дослужился до звания генерал-майора, был награжден орденами Святого Станислава 2, 3-й степеней, Святой Анны 2-й, 3-й и 4-й степеней, георгиевским золотым оружием.

В Крымском районе существует хутор Могукировский, названный в его честь.

Бешук Довлетчериевич (1796 г. – не ранее 1854) начал службу простым казаком в 1819 году, дослужился до подполковника. Был награжден орденами: Святой Анны – 3-й и 4-й степеней, Святого Владимира – 4-й степени. Имел четырех сыновей. Его сын – воспитанник 2-го кадетского корпуса Арслан-Гирей Могукиров, племянник генерала Пшекуя Могукирова, служил в гусарском Его величества короля Вюртем-бергского полку, затем был переведен в 7-й полк Черноморского казачьего войска. Исполнял обязанности командира Анапского горского полуэскадрона, произведен в подполковники. Был награжден орденами Святой Анны 2-й, 3-й и 4-й степеней. В 1871 году был назначен младшим штаб-офицером в 6-й конный полк, в 1872 г. – в Ейский полк, оставил двух сыновей.

*Ефименко Л.Н. – к.ф.н., зав. кафедрой
журналистики и издательского дела
Кубанского социально-экономического института,
г. Краснодар*

**Проблема национального характера
в литературной критике и публицистике А.И. Куприна**

Без всякого преувеличения можно сказать, что с начала литературной деятельности и до самой смерти творчество Куприна отражает его постоянный интерес к многообразному творчеству народа; в нем писатель неизменно видел источник огромных художественных ценностей. Куприна всегда восхищал фольклор, который Горький впоследствии назовет основой художественной культуры нации. И мы слышим голос самого Куприна в восклицании Сердюкова (героя купринского рассказа «Болото», 1902г.): «У народа своя медицина, своя поэзия, своя житейская мудрость, свой великолепный язык...».

Необходимость изучать сокровища устного народного творчества вытекала из самой художественной концепции Куприна. Он справедливо полагал, что реалистически-полнокровное отражение действительности обязательно включает в себя освоение исторического опыта народа, культурных многовековых традиций. И для того чтобы узнать «душу народа», надо не понаслышке, а лично общаться с простыми людьми, проникаясь их взглядами на жизнь, их привычками и обычаями, изучая их язык и искусство. Этому принципу Куприн всегда неукоснительно следовал, и потому долгие годы эмиграции, оторвавшие его от родной почвы, обозначили неизбежность творческого кризиса.

Достаточно самого беглого знакомства с купринским художественным наследием, чтобы увидеть, как именно фольклор вливал в него живительные

соки подлинной жизни, освежал и обновлял язык автора, расширял не только сюжетные и тематические, но и жанровые рамки творчества писателя.

К 1908 г., когда в издательстве «Знание» появился изящно оформленный Е.Лансере томик «Сирийских рассказов» С. Кондурушкина, имя их автора многим было знакомо как имя вездесущего публициста, лично изучившего быт и нравы Сирии. Степан Семенович Кондурушкин (1874-1919) обладал страстным и пытливым характером путешественника, очерки которого как раз и отличаются достоверностью личных впечатлений и переживаний. Его газетные корреспонденции 70-х г.г. об эпидемии чумы и о голодающем крестьянстве Поволжья, о деле Бейлиса и фабричных забастовках и сейчас любопытно перечитывать. В них слышен голос человека демократического склада, наблюдательного и одаренного журналиста.

Рецензия А. Куприна [1], анализирующая достоинства и недостатки «Сирийских рассказов», интересна в двух отношениях. Во-первых, она дает возможность сравнить его точку зрения с оценкой сборника С. Кондурушкина другими критиками. А во-вторых, эта рецензия неизбежно подводит нас к пониманию того, как Куприн решает в своих статьях, очерках и рассказах проблему этнографических и фольклорных особенностей культуры различных народов.

Выводы, к которым приходил Куприн-критик, и его рекомендации автору абсолютно не совпадают с тем, что писали на этот счет другие критики. Куприн отлично видел художественные изъяны «Сирийских рассказов», многие из которых, по его словам, «мелки по содержанию», скучны, растянуты, чему способствуют «весьма длинные вступления» и режущие глаза и вкус «нередкие обращения автора к читателю». Для Куприна-критика было ясно также, что «рассказы занимательны, благодаря необычности описываемой среды»...

Но не внешняя описательность, а проникновение в самый дух народа, художественное обобщение внутренних процессов народной жизни, – вот что

привлекает Куприна-критика в лучших вещах С.Кондурушкина. и если критики проходили мимо социальных мотивов «Сирийских рассказов», то Куприн останавливается, прежде всего, на этих мотивах, называя «лучшими» в сборнике социально-заостренные новеллы: «На рубеже пустыни», «Могильщик» и «Шагин-Ходля».

Особенно удачным, и не без оснований, считает Куприн рассказ «На рубеже пустыни». По-журналистски беглая, очерковая манера С. Кондурушкина сказывается в этом рассказе в описаниях и в публицистичности объяснений «от автора», но центральная сцена действительно выписана художественно-правдиво, выпукло и ярко.

«Невольно чувствуется, – писал Куприн в указанной рецензии, – что многое в книге С. Кондурушкина почти сфотографировано наблюдательным и даровитым автором... В других рассказах при их несомненных достоинствах чувствуется невольно какой-то внутренний холодок. Слишком мало в них солнца, зноя, раскаленного песка и камня, не хватает экзотических красок, звуков, фигур, жестов».

Для Куприна же само понятие этнографии было шире того смысла, который принято вкладывать в это слово. В связи с неудачными «Сирийскими рассказами» С. Кондурушкина он с огорчением замечает: «Душа Востока не горит в них».

Что же Куприн понимает под душой народа? Вопрос это далеко не праздный, ибо он прямо связан и со всей системой литературно-публицистических взглядов Куприна и особенно с тем, как он относился к устному народному творчеству.

В раннем купринском творчестве в обращении с фольклором чувствуется еще писательская робость, литературная неопытность, а кое-где и неразборчивость при отборе материала. Куприн, например, без колебаний включает в свой рассказ «На реке» (1896) фальшивую легенду «о Булавине-кровопийце». Он не замечает излишней назидательности и неуклюжей ма-

нерности аллегории в «Сказке» (1896). Правда, уже на заре литературной деятельности Куприн бережно записывает и умело использует в рассказах полесские легенды о «нечистой силе», несколько напоминающие «страшные сюжеты» гоголевских «Вечеров» («Лесная глушь», 1898; «Серебряный волк», 1901). «Полесские крестьяне знают и охотно рассказывают множество подлинных поэтических легенд, преданий и «баек», расцвеченных богатой народной фантазией и облеченных в форму метких слов, образных выражений, сжатых присловий и поговорок».

Широко использовал Куприн фольклорные мотивы и в эмигрантский период творчества. Традиционная для устного народного творчества сказочная тема – сюжетная основа таких произведений Куприна, как «Козлиная жизнь», «Звериный урок», «Воробьиный царь», «Кисмет» («Синяя звезда») и др. Эта часть наследия писателя не вызывает споров у советских исследователей его творчества. «Сказочность многих рассказов позднего Куприна находит свое объяснение в его отталкивании от окружающей эмигрантской действительности, чуждой и далекой ему». Эту абсолютно справедливую мысль В. Афанасьева как бы продолжает Ф.Кулешов, когда отмечает, что, «создавая «Кисмет» и «Принцессу-дурнушку», Куприн жил в царстве вымысла, он был весь во власти романтической мечты о счастливом народе и мудром властелине в некоем гармонично созданном государстве... Очевидно, неприглядная жизнь на «неродимой земле» требовала мечты: мечта выражала несогласие писателя с действительностью...но прообраз этого желанного будущего Куприн безуспешно искал в картинах легендарного сказочного прошлого...». Верное наблюдение!

Если внимательно проанализировать купринский подход к фольклору самых различных стран, то можно установить, что именно вызывает у него интерес, в чем он видит непреходящую ценность тех или иных преданий, легенд, сказок, притч и т.п. Здесь обнаруживается одна очень характерная закономерность. Она выражается в купринском преклонении перед древнейшими

источниками устного народного творчества. Почему его так волнуют именно «седые сказки, возраст которых исчисляется десятками тысяч лет». И почему он столь тщательно разыскивает и с особой любовью обрабатывает наиболее древние и малоизвестные варианты преданий и легенд («Геро, Леандр и пастух», 1929; «Скрипка Паганини», 1929 и др.), с гордостью подчеркивая это для читателей. Без сомнения, здесь легко угадывается основная линия купринского художественного и критического поиска: его внимание к многовековым традициям народной культуры и тем событиям и фактам, которые, неизменно повторяясь, формировали «душу народа». Теоретические взгляды Куприна на фольклор закреплены в его предисловии к книге С.М. Перского «Швейцарские легенды» [2]. В этом предисловии Куприн-публицист во многом перекликается с горьковскими высказываниями о фольклоре.

«Предание, легенда, сказка... Они гораздо древнее, в своей основе, нежели оттиски Гутенбергова станка, но часто приходит в голову и не прочнее ли они?» — так начинается статья Куприна, таков исходный пункт его размышлений. Здесь уместно привести излюбленный А.М. Горьким тезис о том, что «лучшие произведения великих поэтов всех стран почерпнуты из сокровищницы коллективного творчества народа, где уже издревле даны все поэтические обобщения, все прославленные образы и типы» [3,33]. Куприн вполне разделяет подобную точку зрения: «Несомненно, эта мысль являлась уже гениальному Шекспиру, который в его эпоху, столь богатую красками, характерами и движениями, извлекал темы для своих изумительных пьес из забытых архивных хроник. Гете взял основу своего величайшего произведения из народного эпоса, Пушкин с усердием и любовью разрабатывал крестьянские сказки и народный лубок. Скептический Анатоль Франс и суровый, доньше мало оцененный, Лесков терпеливо вникали в «Жития святых», так как находили в них много мотивов, звучащих строем полуязыческих веков». «Удивительными» сказаниями считает Куприн легенды, «которые создали

индейцы о своих вождях, финны о Вейнемейнене, русские о Владимире Красном солнышке, евреи о Моисее, французы о Шарлемане».

Еще конкретнее раскрывается купринская концепция «вечных ценностей» в эмигрантском рассказе «Извозчик Петр»: «...В этом быте, в неизменной повторяемости событий, в повседневном обиходе, в однообразной привычности слов, движений, поговорок, песен, обрядов... – в них всегда жила и живет для меня неизъяснимая прелесть, утверждающая крепче всего и мое бытие в общей жизни».

Таким образом, если обобщить купринский взгляд на устное народное творчество, – и – шире – на национальную культуру, то можно установить следующие признаки, которые очень характерны и для его творчества, и для его публицистических раздумий: «Стереотипность, заурядность, обычность. Не индивидуальное какое-нибудь действие и нисколько не «приключение», а то, что сложилось, и к чему люди привыкли целыми поколениями, с незапамятных лет. «Привычные», «вековечные» дела. Многократное повторение одних и тех же трафаретных поступков» [4].

Перед тем, как проанализировать купринскую трактовку национальной культуры, обратимся к тому, как он определяет черты национального склада личности.

Чем отличается один человек от другого? Что определяет лицо того или иного народа? Какой признак является основным при определении, при сравнении одного национального характера с другим? – Эти вопросы интересовали и волновали Куприна-публициста всю жизнь.

Уже в ранней повести «Впотьмах» у Куприна появляется особый тип восточного человека. В «Поединке» человеком этого типа является поручик Бек-Агамалов: «Лицо его с покатым назад лбом, тонким горбатым носом и решительными, крупными губами, было мужественно и красиво и еще до сих пор не утратило характерной восточной бледности – одновременно смуглой и матовой...».

Куприн старается обнаружить какие-то обобщенные черты в «восточном типе» людей. Спутник Аларионова в повести «Впотьмах» – армянин, Бек-Агамалов – черкес, а помощник капитана в «Морской болезни» – грек. Но его внешний облик трудно отделить от облика Бека-Агамалова: то же восточное красивое лицо с теми же толстыми, почти не закрывающимися, какими-то «оголенными губами» и теми же глазами «черно-коричневыми, как пережженные кофейные зерна...»

Итак, специфические внешние черты отмечают особый облик, особый тип восточного человека. От этого восточного типа людей нетрудно отличить жителей севера. Суровая природа Севера и скудная земля накладывают свой отпечаток на характер и облик финнов.

Таким образом, для Куприна-публициста громадное значение приобретает сложившийся в течение многих веков тип человека того или иного народа, этнографические подробности его жизни, климат и природа страны, в которой он живет, откладывающие особый неизгладимый отпечаток на его облик.

Интересен для понимания купринского отношения к национальной культуре и цикл его очерков «Югославия» (1928), это шедевр купринской публицистики [5]. По верному замечанию Э.М. Ротштейна, происходивший в Белграде летом 1928 г. съезд русских писателей-эмигрантов послужил лишь поводом для посещения Куприным Югославии: «На заседаниях эмигрантского съезда он появлялся крайне редко. Поездка в Югославию привлекла его возможностью познакомиться с культурой, бытом и нравами братского славянского народа» [6]. К этому можно добавить, что острая наблюдательность и мастерство художника снова позволили ему создать яркие зарисовки этого быта и культуры.

Куприна многое привлекало и восхищало в Югославии. Быт трудолюбивого народа послужил основой для очерка «Герцоговинец». Фольклору, традициям и народным песням посвящены очерки «Народная память» и

«Старые песни». В них мы вновь сталкиваемся с прославлением прошлого в национальной культуре славянских народов. «Чем старше народная песня, тем она глубже и прекраснее», – говорится в очерке «Герцоговинец». Однако в глубину веков Куприна на этот раз увлекает не абстрактный пассеизм, а стремление отыскать корни и причины патриотических традиций славянских народов. Писатель как бы приглашает читателя вместе с ним попытаться решить, отчего «славянская кровь какая-то огнеупорная».

В непринужденной свободе художественно-исторического поиска и состоит обаяние и удача циклов очерков «Югославия». Для Куприна очень существенна именно эта сторона его публицистического повествования. Она-то и заставляет его обратиться к давнему прошлому, которое должно объяснить истоки великих народных традиций. Его не покидает справедливая уверенность в том, что даже в первобытные времена человек находил возможность передавать накопленный им опыт следующим поколениям. Идея преемственности культурных и иных народных традиций – одна из важнейших в очерках Куприна. «Ведь были же те далекие, наивные детские времена человечества, когда оно, чуждое письменной мудрости, запечатлевало необычные события рисунками на камне или на оленьей лопатке, а, подросши немного – в былинах, сказаниях, песнях. Но даже в более зрелом возрасте, выйдя уже, так сказать, из пригготовительного класса, народы не утратили благородной привычки отмечать важные события своими собственными средствами, своими зарубками».

В очерке «Герцоговинец» Куприн касается быта, привычек и характерных особенностей современной жизни этого народа, но главное внимание он уделяет фольклору, связанному с историей этого свободолюбивого народа. обстоятельный рассказ, а точнее художественный пересказ нескольких народных песен, исполненных для него на гусях, Куприн предваряет замечанием: «Гусяры... всегда, с древнейших времен, во все годы турецкого ига,

были хранителями памяти доблестных борцов, возбудителями новых славных восстаний, живой бродячей пропагандой сербской свободы и независимости».

Очень точное и художественно-яркое определение Куприна не только не нуждается в каких-либо поправках или коррективах, но подтверждается всем многовековым опытом славянского устного народного творчества. «Хранители памяти доблестных борцов» действительно пропагандировали идею сербской независимости.

Интерес к прошлому и к древнейшим фольклорным текстам объясняется в очерке «Герцоговинец» отнюдь не стилизаторским стремлением автора реконструировать идиллическую картину «доброе старое время». Его интересовали те черты славянской науки, которые от древнейшей поры сохранились и в наши дни. Национальный характер – вот что волновало писателя в первую очередь.

Так интуиция Куприна, его верный писательский глаз и тонкое публицистическое чутье позволили ему в югославских очерках прийти к самостоятельным, вполне оригинальным и глубоким выводам, многие из которых подтверждаются современной фольклористикой.

Таким образом, отношение к национальной культуре и народному творчеству было достаточно сложным в публицистике Куприна. Художник-реалист и демократ он стремился как можно глубже познать «душу народа» как в своем творчестве, так и в статьях и рецензиях, анализирующих удаchi и просчеты других писателей. В рецензии на «Сирийские рассказы» С. Кондурушкина он полемизирует с критикой, стремившейся увлечь этого прозаика на путь бытописательства. Социально заостренные рассказы С. Кондурушкина, исполненные критического пафоса, вызывают у Куприна положительную реакцию. Он рекомендует рассказчику глубже изучать и осваивать специфику национальной жизни. В тех случаях, когда морально-эстетические оценки Куприна-публициста сливались с социальным анализом явлений национальной культуры, он достигал большого успеха. Так, прошлое югославского на-

рода его привлекает традициями социально-освободительной борьбы, трудолюбием и мудростью народа.

Все это говорит о движении купринской мысли от абстрактно-этических принципов анализа этнографии и фольклора к социально-конкретному рассмотрению проблем национальной культуры и – шире – «души народа», как ее называл сам Куприн.

Библиография:

1. Куприн А.И. Рецензия на книгу С.С. Кондурушкина «Сирийские рассказы». Рис. Е. Лансере. СПб., 1908. (Современный мир. 1908. № 6).
2. Куприн А.И. Предисловие // Перский С.М. Швейцарские легенды. Париж, 1927.
3. Горький А.М. Собр. соч.: В 30т. М., Т.24.
4. Чуковский К.И. Предисловие // Куприн А.И. Собр. соч.: В 9т. Т.1. М., 1964. С.31-32. (Прилож. к журн. «Огонек»).
5. Куприн А.И. Югославия: Цикл очерков // Елань. Белград, 1929.
6. Ротштейн Э. Вступительная заметка к публикации очерка А.Куприна «Герцоговинец» // Литература и жизнь. 1962. 5 окт.

*Инаркаева С.И. – к.ф.н., доцент, заведующая кафедрой
русской литературы Чеченского государственного университет,
г. Грозный*

Понятие «национальный характер» и его проявление в творчестве вайнахских просветителей

В связи с глобализацией экономических, политических, культурных связей под угрозой оказалось существование индивидуально-национального в человеке. Осмысление исторического опыта ушедшего столетия, анализ причин этнических конфликтов, переоценка внешнеполитических реалий совре-

менного мира возродили интерес к проблеме национального характера, которая волнует сегодня как зарубежных, так и отечественных исследователей, опирающихся в дискуссиях по этому поводу на историко-философское наследие прошлого.

Особенно остро эта проблема стоит в среде национальных культур, так называемых, малых народов бывшего СССР. Горько осознавать, что языки, к примеру, северокавказских народов ЮНЕСКО признаны умирающими. И в такой ситуации, безусловно, очень важно определиться с тем, что называют национальной уникальностью, ментальностью того или иного народа, закрепить представление об этом в истории мировых культур. Важно также в этих условиях понять, что литература является одной из тех духовных сфер деятельности человека, в которой особенно культивируются понятия «национальный характер», «национальная ментальность».

Однако очевидно, что с изменением социально-политических условий могут меняться и отдельные структурные элементы национального характера, но при этом константа социального бытия, заложенная в фундаменте национальной самобытности, остается неизменной.

В современных условиях происходит сложный процесс изменения социально-культурных моделей, и самоидентификация личности происходит в значительно более сложных условиях. Если ранее относительно устойчивая национальная культура являлась основой для формирования мировоззренческих установок и норм, то современная социальная ситуация предлагает индивиду самостоятельный выбор ориентиров.

О взаимосвязи русского национального характера и российской государственности большое количество глубоких идей было внесено М.А. Бакуниним, Н.А. Бердяевым, С.М. Соловьевым, П.Я. Чаадаевым и другими. Для выяснения социально-психологических особенностей национального характера наиболее интересны работы по этнической психологии А.Н. Леонтьева, Л.Н. Гумилева.

В отечественной научной литературе крупные монографические исследования национального характера русского народа появились к середине со- роковых годов в работах Д.С. Лихачева, П.И. Кушнера, в которых обосновывалась консолидирующая роль национального характера в исторической памяти народов.

Начиная с середины семидесятых годов, появилось значительное число исследований, посвященных проблеме национального характера (Ю.В. Бромлей, К.О. Касьянова, В.И. Козлов, Н.Н. Чебоксаров и др.).

Субъективированной формой проявления национально специфического является национальное самосознание, которое в самом общем виде можно определить как чувство принадлежности к определенной социально-этнической общности, выражающееся в отнесении себя как данной национальной группе.

Объективированной формой проявления национально специфического является национальный характер, который выступает как внешнее, проявляющееся в особенностях ментальности и социальном поведении, отличие одной национальной группы от другой.

Понятие, применяемое в исследовании национального сознания, отражают реальные компоненты общественного сознания, которые определяют существование нации как духовной общности. В истории находим ее различные проявления, которые можно типологизировать как высокий и низкий (или вовсе нулевой) уровни развития национального сознания. Высокий уровень – это такое сознание нации, которая сопровождалась большими культурными, научными и художественными взлетами, которая отмечается подъемом общественной и политической мысли и подвигами ее выдающихся личностей. Национальное сознание является составляющей общественного сознания, существенным компонентом духовной жизни нации, самосознания.

Фольклор, или устное народное творчество, считается наиболее надежным источником сведений о национальном характере. Действительно, хотя в

произведениях устного народного творчества стереотипны не только герои, персонажи, но и сюжеты, и сам факт, что они представляют собой коллективное творчество народа.

Последним по порядку, но и самым надежным и научно приемлемым свидетельством существования национального характера является национальный язык. Язык и отражает, и формирует характер своего носителя, это самый объективный показатель народного характера.

Еще во второй половине XIX века вайнахскими просветителями Т. Эльдархановым, У. Лаудаевым, Ч. Ахриевым, А. Долгиевым были сделаны попытки создания цельных литературных произведений, в которых впервые обособилось понятие «национальный характер». По форме и содержанию эти произведения напоминали тип современного чеченского очерка. Но именно в них была сделана попытка понять и осмыслить тип горской личности, подчеркнуть ее национальную уникальность, ее адаптированную к общественной жизни суть поведения.

Первые чеченские авторы пытались определить в своих произведениях национальный колорит, воссоздать своеобразный духовный мир народа.

Обратившись к устному творчеству, писатели-просветители пытались подметить созидательную силу народа. Перспективу его духовного развития они видели в образовании и просвещении.

Для выражения национального характера народа, его культуры и национального своеобразия требовался довольно скрупулезный анализ действительного положения горцев в тот исторический период. Первые очерки носили историко-этнографический характер, но их авторы не только реалистически изображали нравы и обычаи, привычки горцев, описывали природу и быт, не просто фиксировали. В их произведениях впервые получили художественное воплощение типические картины жизни горцев.

Жанры устного народного творчества, широко представленные в форме бытовой сказки и притчи, со временем утратили черты фантастичности, не-

обычайности ситуаций и приобрели реалистические черты. Это объяснялось тем, что народ пытался запечатлеть в своем творчестве действительные, реальные события.

Повествовательная манера фольклорных произведений (притч, преданий, бытовой сказки) стала предметом активного интереса вайнахских просветителей, что привело к обогащению ее новыми литературными приемами.

Большую работу в этом направлении проделал Ч. Ахриев. Им был изучен и обработан огромный пласт национального фольклора. Сказки, притчи, легенды, пословицы изданы им под общим названием «Из чеченских сказаний». Сказки, легенды, песни и другие фольклорные произведения фрагментами, а иногда целиком вводились им в очерково-этнографическую литературу. И это наряду с бытовыми зарисовками сосуществовало в целостной художественной картине как результат своеобразного авторского эстетического познания действительности.

Фольклорные детали придавали очерковому повествованию романтический характер, но основной акцент выстраивался все же на познавательной стороне. Сказители – герои очерков – старались сохранять достоверность материала уже в авторском зачине, используя художественно-достоверные детали быта, житейски-назидательный комментарий. В героях подчеркивались не только внешние черты – красота, физическая сила и сила характера, но и социальная принадлежность. Герои эпоса являлись выразителями народных чаяний, демонстрировалось противоборство добра и зла, вымысел вводился как элемент усиления героической деятельности необыкновенных людей, действовавших в экстремальных ситуациях.

Ч. Ахриев писал: «Замечательно, что почти каждый горный аул имеет предание о своем основании и вообще обо всех обстоятельствах, сопровождающих это событие. Во многих случаях история о прошлом ограничивается одними только преданиями об основании аула, тогда как обстоятельства и события позднейшего времени не удерживаются в народной памяти, причем эти

предания, переходя из рода в род, не только не сокращаются в своем содержании, но еще больше увеличиваются от прибавления народной фантазии. Главной причиной живучести этих преданий надо считать то чувство уважения к своим предкам, которое в горском народе доходит до обожания». [1. С.5]

Подвергая предание художественной обработке, Ч. Ахриеву удается создать этнографическую зарисовку, повествующую о добре и зле, родственных узак. Созданный автором художественный комментарий к фольклорному произведению становится как бы самостоятельным произведением, в котором личность автора проявляется и в отборе материала, и в его эстетической обработке.

В историко-этнографическом очерке Умалата Лаудаева «Чеченское племя» сделана попытка дать наиболее точные сведения о происхождении, размещении чеченского племени (чеченцев и ингушей), об их нравах и обычаях. Но преобладание конкретной информации сближает этот очерк с «деловой» литературой писем и путешествий. Тем не менее, очерк интересен не только точными сведениями, научными изысканиями, но и верно подмеченными деталями и подробностями быта, попыткой составить представление о национальном характере горца. «Чеченское племя» – это все-таки очерк с элементами, присущими художественной прозе. Бытовые зарисовки представляют собой небольшие новеллы, напоминающие фольклорные предания, но научно обоснованные; все высказанные гипотезы и выводы основываются на фактах или документах.

Запись, литературная обработка фольклорного материала не только способствовали формированию эстетического вкуса и художественного мышления, но и явились попыткой перейти от устного творчества к письменной литературе. Следует сказать, что этнографические и научные очерки просветителей стали самым ранним этапом становления чеченской литературы, в

которой появилось понятие и представление (самое общее) о типе национального характера чеченца.

Очерки просветителей, безусловно, являются связующей нитью фольклора и письменной литературы. Бытовые, этнографические очерки, путевые заметки, произведения, написанные на фольклорный сюжет, – литературной предысторией чеченского народа, первой попыткой показать его уникальный

Библиография:

1. Ахриев Ч. Из чеченских сказаний. ССКГ. Вып.4. Тифлис, 1870. С.5.
2. Лаудаев У. Чеченское племя. Тифлис, 1872.

Индербаяев Г.В., Товсултанова Д.С.

Чеченский государственный педагогический институт,

г. Грозный

К вопросу об отношении горцев Кавказа к труду (На материале кавказских поэм А.С. Пушкина)

Вопрос об отношении горцев Кавказа к труду, об источниках их повседневного существования имел в русской публицистике и в художественной литературе XIX в. большое политическое значение. Официальная царская пропаганда, оправдывая репрессивные мероприятия правительства по отношению к свободолюбивым горцам Кавказа, изображала их как людей, для которых нормальная стихия – «кровь и бой, насильство, хищность и разбой...» [2. С.1]. Труд для горцев, как утверждали некоторые ученые-этнографы XIX в., был непривычным занятием:

Но дни в аулах их бредут

На костылях угрюмой лени:

Там жизнь их – сон... – [1. С.70]

утверждал поэт В.А. Жуковский, ни разу не побывавший на Кавказе.

В сознании многих русских читателей долгое время удерживалось искаженное представление о горцах, вынесенное в основном из знакомства с кавказскими повестями Бестужева-Марлинского.

«Экзотически» воспринимались русским читателем XIX в. стихотворения и поэмы А.С. Пушкина и М. Лермонтова о Кавказе. Односторонне-романтическое представление о Кавказе, имевшее место в русской литературе, вызывало глубокую озабоченность у первых деятелей горских литератур.

Осетинский поэт и публицист XIX в. Инал Кануков первым высказал протест против распространения в русской художественной литературе устаревших представлений о Кавказе и его обитателях. Он писал, что пора уже покончить с теми представлениями, будто бы на Кавказе «за каждым кустом, за каждым камнем непременно сидит «косматый дьявол» со взведенной винтовкой» [3. С.79].

Первая кавказская поэма А. Пушкина «Кавказский пленник» в целом реалистически изображает горцев. Правда, и в этой поэме показаны и воинственность горцев, и их набеги. Однако все это происходит только на границе с казаками. У себя же в ауле, в изображении поэта, горцы отличаются другими качествами: они безмятежны (на первый взгляд), заботливы, щедры и гостеприимны.

Поэт показал и труд, имевший большое значение в жизни горцев. Правда, в поэме нет подробного описания трудовых занятий горцев, но в нее включен ряд деталей, которые дают совершенно новое представление о роли труда в их жизни. Вот картина утра в черкесском ауле:

Черкесы в поле, нет надзора,

В пустом ауле все молчит.

Наступил вечер, и рабочий день закончился:

Уж меркнет солнце за горами:

Вдали раздался шумный гул.

С полей народ идет в аул,

Сверкая светлыми косами.

В следующих двух стихах Пушкин говорит о скотоводстве горцев:

Шум табунов, мычанье стад

Уж гласом бури заглушались...

Всего восемь стихов... Но из них перед нами встает образ деятельного аула – труженика. Мы видим кипение его полнокровной хозяйственной жизни. Нет, не «лень на костылях», как утверждал Жуковский, бродит в черкесском ауле, и жизнь их далеко не «сон».

После второго своего пребывания на Кавказе (1829 г.) Пушкин приступил к созданию своей другой кавказской поэмы – «Тазит» (1830 г.), которая осталась неоконченной.

В «Кавказском пленнике» горцы предстают перед читателем еще как сплошная, недифференцированная масса: и в набегах, и в труде они участвуют все вместе, сменяя одно занятие другим. В «Тазите» же жизнь горцев изображена как бы изнутри, поэт здесь выступает как человек, проникший во внутренние проблемы горского общества. Горский аул в поэме предстает уже в своей нравственной и социальной дифференциации, во внутренней борьбе.

Основной конфликт поэмы построен на основе принципиальной противоположности взглядов отца Гасуба и его сына Тазита на путь достижения человеком счастья и благополучия в жизни. Тазит, волей отца вырванный из родной семьи и отданный в чужой аул на воспитание к «храбрым чеченцам», оказался не только в иной национальной среде, но, что важнее всего для формирования его жизненной философии, и в иной социальной среде. Поэтому не случайно, что конфликт между отцом и сыном приобрел характер столкновения двух идеологий: идеологии честного труженика и феодала-хищника. Путь к благополучию для Тазита лежит через труд. Отцу своей возлюбленной он говорит:

Я беден, но могуч и молод.

Мне труд легок. Я удалю
От нашей сакли тощий голод.

Эти слова Тазита показывают, что он вырос в условиях, где трудоспособность и трудолюбие ценились и уважались. Тазит типичен как представитель народа, как носитель его морали, его стремления к правде и справедливости.

Непосредственное знакомство с кавказской действительностью позволило Пушкину глубже взглянуть на жизнь народов Кавказа и описать ее более реалистически, чем это удавалось всем его предшественникам в русской литературе. Поэт правдиво показал в «Газите», что грабежи и тунеядство – занятие вполне определенных социальных групп горского общества, а для народа труд остается важнейшим повседневным занятием, источником существования.

Грабеж, воровство, обман и другие нетрудовые способы добычи земных благ всегда отвергались моралью вайнахского (как себя называют чеченцы и ингуши) народа, объявлялись запретными (хьарам). «Кто о чужом мечтает, тот своего лишится», – гласила народная мудрость. «Нечестно нажитое без прока пропадает», – внушала другая пословица. «Кто кинжал точит, тот смерть находит, кто землю пашет, благо находит», – вразумляла третья.

Реалистически рисуя быт и нравы горских народов, Пушкин старался внушить русскому обществу гуманистическую мысль о необходимости выбора более прогрессивных методов в деле «присоединения» Кавказа к России. Поэту мечталось о том времени, когда

Подобно племени Батыя,
Изменит прадедам Кавказ.
Забудет алчной брани глас,
Оставит стрелы боевые.

Значение пушкинских поэм о Кавказе особенно актуально и важно для нас сегодня: они в какой-то мере помогают осознать первопричины событий, происходящих в последнее время в регионе.

В заключение хотелось бы сказать следующее: с начала XVIII века о Кавказе и его обитателях очень много написано. Писали о Кавказе и историки, и этнографы, и путешественники... Современный историк, публицист, писатель, если он настроен тенденциозно, может почерпнуть из этих источников не только «мед», но и «яд». Сказанное здесь имеет непосредственное отношение к некоторой части русской творческой «интеллигенции» (В. Маканин, В. Доценко, Л. Пучков, В. Черпесов, А. Казинцев), которая в своих злобных сочинениях о горцах все еще пользуется мифами прошлого, глубоко опровергнутыми произведениями Пушкина, Грибоедова, Лермонтова и Толстого.

Эти писатели знали и воспевали лучшие традиции и обычаи горцев. Они были всегда справедливы по отношению к народам Кавказа.

Господа, о которых мы упоминаем здесь, забывают о том, что любое знание, а особенно вырванное из исторического контекста, неполно и поверхностно...

Кавказ сегодня оказался в поле зрения мирового заговора... Сохранить целостность России будет возможно, если все народы, населяющие ее, будут едины в желании ее благополучия и расцвета.

Библиография:

1. Жуковский В.А. Избранное. Л., 1973.
2. Полежаев А. Собрание сочинений. В 2-х томах. М., 1956.
3. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10-ти томах. Т.3 М.: «Правда», 1981.

Поэтика прозы М. Бексултанова (философия символа)

Творчество М. Бексултанова – уникальное явление в чеченской литературе. Рассказы этого писателя представляют несомненный интерес для современного читателя и исследователя. Причина, вероятно, заключается в особом философском взгляде писателя на мир, его неповторимой творческой манере. В нем видят прежде всего блестящего стилиста, тонко чувствующего родной язык и владеющего им в совершенстве.

Муса Эльмурзаевич Бексултанов является автором книг: «Облаков журавли белые» (1985), «И завтра, как вчера» (1988), «Иногда, когда мне скучно» (2005), «И кто постучится в дверь твою в ночи» (2005); повестей: «Это была не шутка», «Дорога возвращается к началу», миниатюр, эссе на чеченском языке. Произведения писателя переведены на русский, английский, французский, немецкий языки.

Художественный мир Бексултанова многогранен, сложен, глубок. Разные мотивы, переплетаясь в его произведениях, становятся нравственно-философскими образами-символами – характерными чертами поэтики писателя. Особое место в творчестве Бексултанова занимают мотивы одиночества, тоски, смерти, памяти.

В рассказе «Черный глаз» передана история состарившейся в одиночестве Резет, история ее короткого счастья и бесконечного долгого ожидания с войны супруга. Бексултанов применяет свой излюбленный способ организации нарратива – кольцевую композицию, замыкая цепь событий мотивом памяти. Реалистическая деталь (обритая наголо голова призывника Ази), точно фиксированная интонация в речи старой женщины при сообщении об армии

помогают не только правдиво передать ее внутреннее состояние, но и проследить, как память ее переключается на воспоминание: «Что-о в арм ... В армию?» [5.с.85]. Эта короткая, но выразительная фраза – естественный мост, открывающий путь в прошлое.

В прошлом Резет – сестра одиннадцати братьев. Много достойных сыновей сваталось к гордой красавице, но увез ее «вдовый сын» Азим на своем Черном глазе. В раскрытии образа главного героя М. Бексултанов использует не только средства реализма, но и опирается на традиции фольклора. Это касается, прежде всего, общей характеристики героя. Он высок ростом, тонок в талии, горящие черные глаза, серебряный пояс и кинжал, и верный Черный глаз рядом. Сдержан, немногословен, в любых ситуациях остается верен лучшим традициям народа. Среди первых отправляется Азим на войну. Только взглядами простились они, прожившие в супружестве «два месяца без трех дней». Через семь месяцев пришло известие о смерти Азима. Резет не поверила. Что такое «кусочек бумажки в сравнении с человеком, цена которому – вселенная...» [5.с.87]. После многие сватались к ней, но Резет осталась верна памяти Азима, своей первой и последней любви. Образ Резет воплощает в себе чистую и гордую любовь, беспредельную супружескую верность. Она ежегодно покупала двухлетних бычков, откармливала в течение года и продавала. Последнего трехлетнего бычка она зарезала в честь русского, который последним видел Азима. Больше она не растит бычков.

Символичен образ луны в финале рассказа: «Потом она заметила новую, светившуюся как осколок стекла, луну. Тонкий, чистый, ровный, оставшийся навсегда недоступным далекий лунный свет холодной ночи, лунный свет, которому никогда не утаиться от вдовьего взора, тихо наполнял опускавшуюся ночь» [с.88]. По значению символизм луны очень многообразен. В мифологии луна является важнейшим из небесных тел и толкуется как «женское» начало.

В данном случае лунный свет символизирует чистую, возвышенную любовь и одновременно передает печаль героини от утраты любимого человека, является мостом между прошлым и настоящим.

Одной из наиболее значимых черт поэтики рассказов М. Бексултанова является его языковая манера, его стиль повествования, как правило, направленный на отражение внутреннего мира героя, его мышления. Автор прибегает к такому приему литературного повествования, как «поток сознания».

С одной стороны, совершенно очевидно, что язык его рассказов – это связанный язык его героев, но с другой – движение их мысли представляет собой поток образов, несущих, скорее всего, не столько коммуникативную функцию, сколько выполняющую роль метафизическую, внеязыковую. В рассказе «ИндагИйн денош вайн...» («Тени наших дней...» – М.И.) Бексултанов показывает естественное течение мысли героя, со всеми отступлениями и кажущимися случайными связями. Мысли текут, соединяясь по странной ассоциативной цепочке, связывая воедино элементы тех картин, который видит персонаж, возникающие переживания, воспоминания о прошлом... «... мне сегодня надеть черное платье, или другое, с круглым воротником – синее-белое, как морская волна... <> ... опять ты куришь, ты же мне слово давал <> ... дорогой, а почему люди умирают...мы с тобой не умрем никогда, нет... Мы с тобой будем вместе, всегда...<> ... смерть... что это...» [1.с.9]. (Цитаты из текста приведены в нашем переводе).

Напомним вкратце сюжет рассказа. Человек находится в пустом доме, видит зеркало и, глядя в зеркало, вспоминает прошлое, в котором он был когда-то счастлив с любимой женой. Но наступает война, дом рушится, жена погибает. И дальше изображена одинокая жизнь героя. Герой не живет, а доживает свои дни. Автору удается с помощью деталей-подробностей передать внутреннее состояние героя, в небольшом рассказе сказать о многом: о любви, о смысле жизни, о смерти и т.д.

Пространство рассказа, сохраняя высокую реалистичность, наполнено символами: тихая, как печаль, осень, падающие листья соотносятся с безвозвратно уходящей жизнью; крик вороны в пустом дворе считается дурным предзнаменованием, предвещает смерть; открытые настежь двери, окна – выход в иной мир. Это, одновременно и реалистическое описание осенней природы и, характеристика ситуации в которой оказался герой.

Пустой дом можно рассматривать как тело человека, покидающее душу.

Воспоминания героя о прошлом начинаются с зеркала. С незапамятных времен зеркала привлекали к себе внимание. Причем люди находили в них неиссякаемый источник воображения. В XX веке мотив зеркала как средство передвижения во времени стал активно использоваться писателями русской и мировой литературы. «Зеркало – мистический образ памяти... Зеркало говорит только правду. А правда прошлого, правда о прошлом почти всегда мучительна» [4, с.102].

В рассказе М. Бексултанова зеркало становится для героя вестником смерти по отложившейся в памяти цепи событий: треснуло зеркало, затем началась первая, вторая война, и на семнадцатый день, после того, как разбилось зеркало, погибает жена. Герой боится оглянуться, потому что за спиной находится зеркало, которое напоминает прошлое. Память с одной стороны мучительна, с другой – он боится, что женщина в зеркале исчезнет, боится сделать неосторожное движение. И перед нами всплывают картины их радостной, счастливой семейной жизни.

Народная примета гласит: «В разбитое зеркало не смотрятся». Естественно, если человек посмотрит на своего двойника в «разбитом на осколки» виде, то его самого ждет в будущем аналогичное состояние. Разбитое зеркало символизирует разбитую судьбу. «Тишина, тишина стоит кругом, глубокая темная ночь, с земли ввысь тянутся с мольбой деревья» [1.с.11].

В произведении писатель ставит философские вопросы, касающиеся жизни и смерти, понимания подлинного счастья. Сюжет следующего рассказа Бексултанова «Перехват дороги» основан на мотиве старинного обычая преграждать, перехватывать дорогу свадебному кортежу. В старину, чтобы остановить такую процессию для взимания денег, достаточно было старику поперек дороги положить свой посох. Так и поступает старый Дерки в рассказе. Бексултанов подробно рассказывает о том, как дедушка с внуком около недели готовятся к этому событию, обсуждают, как перекроют дорогу машинам. «...И ночью, на кровати, возле стенки, за спиной Дерки я находил, что спросить у него о предстоящем перекрытии пути. Быстро присев, я смотрел: не спит ли Дерки. Бывало, что он спал. Тогда, недовольный, я снова ложился, хлопая глазами в темноте, стараясь представить себе, как все это будет... мой старик, сидя на своем камне возле ворот, остановит первую машину, без веревки, потом все машины остановятся. После этого я медленно пойду к ним, потом мы с моим стариком купим на эти деньги много вещей – конфеты, свисток, шары... и еще жесткую щетку для нашего коня Орлика...» [5с.81]. Наконец, наступает долгожданный день. Старик берет свой посох, и, радуясь наравне с мальчиком, выходит на улицу и говорит: «Иди, положи поперек дороги мой посох и стань в сторонке, а когда они остановятся, подойди и возьми у них деньги. Не забудь пожелать счастья молодым...» [5.83].

Однако вереница машин проследовала мимо старика и его внука, не сбавляя скорости. На дороге остались обломки посоха. Состояние полной растерянности, крайнего замешательства своих героев, неловкости, смущения старика перед внуком автор передает с помощью различных графических стилистических приемов: многоточия, разбивкой слова на слоги, повтор слов. Эти приемы придают высказыванию особый эффект, а передаваемым эмоциям – живость и натуральность. Невероятность, невозможность происшедшего лишает Дерки логически осмысленной речи, он даже заикается, лихорадочно ищет объяснение случившемуся: «ХІаъ, хІаъ, сан кІант, вайшимма турос бех-

ка безаш хиллера... Суна ца хаара, дагахьдацара суна ... суна ца мьоттура иштта ... иштта цара ... хьада ... вада, схьяя, схьяя вайшиннан ... вайшиннан I Iаса...». («Да, да, мой мальчик, нам следовало тросом перекрыть ... Я не знал, не подумал, не думал, что так ... что они так ... иди... беги... принеси наш... наш посох...») [5.с.84]. В данном случае графические приемы вносят существенный вклад в увеличение содержательной емкости рассказа, отражают эмоциональное состояние героев.

Безусловно, образ посоха следует рассматривать не только в реалистическом ключе, он несет в себе глубокую символическую нагрузку.

Посох – это традиции, обычаи, которыми так легко пренебрегли. Писатель обращает внимание на то, как важно сохранить культуру, традиции народа, и как будущее (в лице мальчика) нуждается в этом. Старик показан как носитель мудрости, обычаев, традиций, который способен передать их тем, кто хочет к ним прислушаться.

Библиография:

1. Бексултанов М.Э. ИндагIаш а денойн вайн... (Тени наших дней) // Орга. 2012. №1. С.8-11.
2. Гайтукаев К.Б. В пламени слова: Критические статьи и исследования. Грозный, 1989.
3. Руднев В. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997.
4. Чистюхина О.П. Философы XX века. Эзотерическая философия. МарТ, 2005.
5. Эльсанов И.И. И была весна: Рассказы и повести. Грозный, 1991.

**Социально-исторические условия возникновения адыгской
просветительской литературы и специфика ее развития**

Одной из главных проблем литературоведения была и остается проблема традиции и её отношения к творчеству. Традиция в её диалектическом понимании представляет собой «сопряжение и сопереживание эпох... двустороннее взаимодействие созданного раньше и создаваемого сейчас» [1, С. 120]. Она формируется не просто под влиянием прошлого на современность, она складывается в условиях, когда современные писатели, выбирая из имеющейся базы поэтических средств прошлого то, что им нужно, сами порождают традицию, глубоко перерабатывая и преобразуя эти самые средства, по-своему раскрывая их содержательный потенциал. Как справедливо отмечает М.Н. Эпштейн, «традиция – это даль общения, а не груз наследия, это свобода возвышаться над своим временем, а не обязанность подчиняться чужому. Творческая сущность традиции особенно явно выступает в такой её разновидности, как «вариация на тему»..., которая «...не сковывает, а раскрепощает творческие силы поэта, позволяет максимально проявиться той новизне, которая в других случаях неразличимо смешана со старым, каноническим, бессознательно усвоенным...» [1, С. 121].

Творческое взаимодействие русской литературы XIX в. и адыгских писателей-просветителей, на наш взгляд, можно квалифицировать именно как «вариацию на тему» (по М.Н. Эпштейну), ибо в литературном наследии русских писателей фольклорно-этнографический материал Кавказа наполнился новым содержанием, послужив лишь отправной точкой для создания оригинальных произведений. Адыгские русскоязычные писатели, безусловно, будучи вовлеченными в российский культурный процесс, но личностно сформировавшимися под влиянием традиций, обычаев, фольклора адыгов, также

создали свои множественные и столь же самобытные «вариации на тему» героических, исторических песен, преданий и сказок своего народа.

Однако, на наш взгляд, адыгские писатели-просветители XIX в. находились в иных условиях по сравнению с русскими художниками слова той же эпохи, т.к. им было необходимо освоить богатейший опыт литературы России, давно интегрировавшейся в мировой литературный процесс и прошедшей те же стадии, что и западноевропейское искусство: барокко, классицизм, сентиментализм, романтизм, разумеется, со своими национальными особенностями освоения мировых художественных традиций. К началу XIX в. русская словесность располагала уже и разветвленной жанровой системой, которая в общих чертах соответствовала аристотелевским трем родам литературы по последовательности возникновения (эпос, лирика, драма).

При всей общности стадийности западноевропейских и русской литератур последняя создавала собственные варианты каждого художественного направления (русское барокко, русский классицизм и т.д.), т.е. осваивала мировой художественный опыт в ускоренном темпе, как бы «догоняя» Западную Европу.

Перед необходимостью постигать мировой художественный опыт ускоренными темпами оказалась и зарождающаяся адыгская литература, в результате чего последовательность возникновения трех родов литературы, обозначенная Аристотелем в «Поэтике» как эпос, лирика, драма, в адыгской литературе также имеет свои особенности. Исходя из тезиса о том, что первоначальным этапом развития литературы данного этноса является русскоязычная литература адыгов XIX в., на первый взгляд, имеются все основания предположить, что, как и в западноевропейской литературе в целом и в русской, в частности, первым родом стал эпос. Однако более детальное рассмотрение литературного наследия адыгских писателей-просветителей на предмет жанровой составляющей дает основание заключить, что эпические, по существу, произведения, наряду с необходимой для этого рода литературы объективно-

стью, содержат элементы субъективности изложения, что свидетельствует о принадлежности их более к лиро-эпическому роду, нежели к собственно эпическому. Этот факт убедительно доказывает то, что литература адыгов, возникнув в недрах русской культуры, прошла те же этапы, однако более ускоренными темпами, т.е. два рода литературы, возникшие в мировой литературе один за другим, у адыгов зародились одновременно (на наш взгляд, собственно эпический род в адыгской просветительской литературе представлен лишь баснями Умара Берсея). В подтверждение приведем высказывание В. Белинского: «Без лиризма эпопея и драма были бы слишком прозаичны и холодно равнодушны к своему содержанию...» [2, С. 57].

Эта же специфика обнаруживается и в том, что адыгские писатели-просветители, неизбежно испытывая на себе влияние русской литературы и используя при создании своих произведений те же художественные методы, что и русские писатели XIX в. (романтизм и реализм), трансформировали их в собственные самобытные способы изображения.

Специфичность элементов романтизма (к примеру, в повести «Черкесские предания» С. Хан-Гирея, в рассказе «Два месяца в ауле» Каламбия) в том или ином произведении адыгских писателей-просветителей, на наш взгляд, заключается в том, что ко времени его опубликования в русской литературе уже давно утвердились совершенно иные художественные методы, а неоромантизм появится еще спустя десятки лет. Тем не менее, отголоски романтизма прошлого и ростки неоромантизма будущего отчетливо просматриваются в литературном материале, вошедшем в сферу наших научных изысканий.

Самобытность адыгского романтизма, по нашему мнению, обусловлена адыгским менталитетом. К примеру, при описании сцены объяснения в любви Джафара из «Тайны минарета» К.-Б. Ахметуков прибегнул, на наш взгляд, к некоторой сентиментальности, ибо проявление слабости для черкеса — из ряда вон выходящий случай, но это не исключительный характер в исключи-

тельных обстоятельствах, не сильная личность, готовая к бескомпромиссной борьбе (именно таков типичный герой русского романтизма), а опускающийся до унижения мужчина. При анализе данного произведения в соответствующей главе нашего исследования мы дадим более детальную аргументацию данного тезиса.

Романтические влияния, о которых пойдет речь в последующих разделах нашей работы, помимо традиционных признаков этого художественного метода (образной системы, пафосности языка, верности идее и одержимости ею), также имеют ярко выраженную национальную окраску. Она заключается в том, что адыгские писатели-просветители берут в качестве образца для подражания не средневековую литературу (таковой просто не было в адыгской культуре), а собственный эпос как древнейший памятник словесного искусства адыгов; изображают не королей и полководцев (их, как известно, у адыгов тоже не было), а представителей дворянского сословия. Специфика адыгского романтизма в просветительской литературе, по нашему мнению, состоит и в том, что при отсутствии в последней образцов драматургии как литературного рода анализ литературного материала позволяет классифицировать некоторые повести, рассказы как повесть-трагедию (к примеру, «Черкесские предания» С. Хан-Гирея), как рассказ-мелодраму («Тайна минарета» К.-Б. Ахметукова). Более конкретная аргументация данного тезиса осуществлена в разделах, посвященных рассмотрению указанных произведений.

Таким образом, мы не заявляем о наличии в адыгском просветительстве абсолютно новых методов, отличных от общепринятых, однако романтизм или реализм в произведениях адыгских писателей дореволюционного периода представляют собой не только синтез всех этих методов (это, собственно, не содержало бы элемента новизны), но и качественно иные разновидности способов изображения действительности, что и позволяет говорить о традиционности и новаторстве адыгской дореволюционной литературы.

Традиционность адыгской русскоязычной просветительской литературы XIX в. в смысле следования некоторым выработанным нормам, осуществления сознательного выбора определенных, разработанных тем, средств и приёмов их выражения выразилась в выборе направлений литературы, в границах которых адыгские писатели-просветители создавали свои художественные произведения.

Так, анализ творчества русскоязычных писателей-просветителей первого этапа позволяет говорить о принадлежности написанных ими произведений к романтическому направлению, что подтверждается наличием в отдельных эпизодах и способах художественного отображения в них действительности некоторых элементов чувствительности, даже слезливости, весьма редко, но все же присутствующих в некоторых произведениях. Безусловно, это имеет яркую национальную окраску ввиду особенностей адыгского менталитета с его сдержанностью в проявлении эмоций. О наличии некоторых черт поэтики романтизма в адыгской просветительской литературе говорят следующие факты: писатели обращаются к внутреннему миру человека, несут в своих произведениях чувства, мысли, переживания; обращаются к излюбленным романтическим жанрам – путешествию, дневнику; их герои испытывают сострадание, сочувствие ко всему, что их окружает; в ткани повествования нередко есть лирические отступления; автор-повествователь зачастую сам делает выводы относительно изображаемого. При анализе произведений, ставших для нас объектом исследования, мы попытаемся проиллюстрировать заявленные тезисы.

Несмотря на то, что Западная Европа к началу XIX в. сформировала новое направление – реализм, отголоски романтизма обнаруживаются в творчестве писателей последующих поколений, т.е., в соответствии с закономерностями литературного процесса, ни одно направление не исчезает бесследно и, тем более, одномоментно. Все это позволяет нам заключить, что адыгские писатели-просветители, сформировавшиеся в недрах русской культуры, неиз-

бежно оказались под воздействием эстетики романтизма. Однако не того, скованного обязательным обращением к средневековым сюжетам и образам, а совершенно иного художественного метода, в котором сохраняются другие, не менее существенные черты романтизма, к примеру, непреложное противопоставление прекрасного и безобразного, примат долга над чувством, трагедийность сюжета и т.д.

Влияние романтизма на творчество дореволюционных адыгских писателей первого этапа, на наш взгляд, можно объяснить тем, что этот художественный метод более чем какой-либо другой соответствовал духу эпохи с его непоколебимой верой в необходимость усовершенствовать общество посредством образования и воспитания нового человека. Кроме того, именно романтизм, ориентированный на создание особого типа положительного героя (героя одной страсти, исключительного героя в исключительных обстоятельствах, готового на самопожертвование ради блага Родины), который мог и должен был стать нравственным эталоном для читателей, давал возможность осуществить воспитательную функцию литературы.

Еще одной причиной использования адыгскими писателями романтических методов, на наш взгляд, является ориентированность на традиции собственного фольклора с его стремлением к созданию возвышенно-прекрасных положительных образов и безобразно-отталкивающих злодеев.

Сопоставление адыгской литературы, тем более различных художественных методов в ней, общественно-политических ситуаций с аналогичными явлениями в русской культуре, обращение к исследуемому художественному материалу как части общей духовной системы позволили нам обнаружить непосредственные взаимосвязи, взаимовлияния (пусть и не в равной степени), казалось бы, столь непохожих и даже чуждых друг другу когда-то регионов России. Говоря о взаимовлиянии, безусловно, следует признать факт мощного воздействия русской литературы на адыгскую, тогда как воздействие послед-

ней на российский литературный процесс было не столь существенным, однако, на наш взгляд, его нельзя не учитывать.

Необходимо отметить, что к моменту приезда в Петербург первого из будущих адыгских просветителей, в русской литературе преобладали романтические тенденции, которые начали перениматься адыгскими начинающими художниками слова, неповторимо преломляясь в их литературных творениях, наполняясь национальной спецификой.

Романтизм с его восприятием действительности как дисгармоничной среды, изображением необычного, культом избранной личности, пониманием литературы как средства самовыражения автора пришел в Россию из Западной Европы на стыке XVIII и XIX вв. Определяющими темами русских писателей-романтиков, а следом за ними и адыгских писателей-просветителей, стали темы родины, её истории, общественного долга, жертвенности ради блага отечества, гражданского подвига. На наш взгляд, эта пропитанность романтических, по преимуществу, повестей, рассказов, очерков и новелл до-революционных адыгских писателей гражданским пафосом и составила национальную специфику зарождающейся адыгской литературы.

Эта несхожесть в использовании творческих методов русскими писателями 30-60-х гг. и адыгскими этого же периода объясняется, на наш взгляд, тем, что адыги, в силу своей изолированности от Европы незнакомые с разочарованиями в рационалистических идеалах эпохи Просвещения и находящиеся под влиянием собственного фольклора, все еще верили в то, что создание идеальных образов в литературе может способствовать улучшению жизни их народа.

Однако было и нечто общее между романтическим мирозерцанием русских и адыгских писателей: центральной и у тех, и у других стала проблема свободы (Брут в стихотворении А. Пушкина «Кинжал», Джембулат в повести С. Хан-Гирея «Черкесские предания»); интерес к ушедшим временам, к народной культуре, к изображению неординарных, исключительных лично-

стей (таковы, к примеру, Мцыри из одноименной поэмы М. Лермонтова, Джафар из повести Кази-Бека Ахметукова «Тайна минарета»).

В стремлении утвердить свои идеалы романтики обращаются к религии и искусству, к миру природы или жизни экзотических народов, к истории и фольклору – всему, что не похоже на прозаическую повседневность. Романтизм провозглашает суверенность и самоценность отдельной личности, свободу воли; материальной практике он противопоставил жизнь духа. Поэтому главное внимание в романтизме уделялось не обстоятельствам жизни человека, а его внутреннему миру. Романтики посвятили свои художественные изыскания открытию необычайной сложности, противоречивой двойственности души человека (к примеру, Печорин у М. Лермонтова, Осман у Кази-Бека Ахметукова), ее неисчерпаемости и глубины. Исследование духовной сущности человека, повышенный интерес к сильным и ярким чувствам, грандиозным страстям, к тайным движениям души, к «ночной», скрытой ее стороне, тяга к интуитивному и бессознательному – базовые черты романтического искусства. Столь же характерно для романтизма повышенное внимание к единичному, неповторимому в человеке, культ индивидуального.

И в то же время романтический конфликт ни у русских, ни у адыгских писателей-просветителей первого периода не стал отражением социального и политического конфликта, как это было в западноевропейской литературе, он выразился во взаимоотношениях персонажей (цыгане и Алеко из поэмы «Цыганы» А. Пушкина, Джембулат и Тембулат из «Черкесских преданий» С. Хан-Гирея), в противопоставленности их характеров, в отношении автора к своим героям. Социальный конфликт в адыгской просветительской литературе появится на втором (к примеру, у Каламбия в повести «На холме») и третьем этапах (к примеру, у Кази-Бека Ахметукова в рассказе «За правдою»).

В романтическом произведении обязательным было наличие центрального персонажа, явно превосходящего окружение; глубокому исследованию и раскрытию его духовности была подчинена вся романтическая коллизия.

Кроме того, что его отделяли от других высокие нравственные качества, он еще и должен был пережить духовный процесс отчуждения – разрыв с обществом, недовольство миром, бегство, скитальчество; поэтому в качестве романтического героя нередко выступали странник, беглец, человек, совершивший убийство, что было самой резкой формой отчуждения. Зачастую в русском и адыгском романтизме ведущим мотивами отчуждения становились жажда свободы и переживание любви во всей её драматической напряженности (к примеру, Назика из рассказа «Чучело» Каламбия).

Разочарованные в окружающей социальной действительности, не принимая в той или иной мере современность, находясь в разладе с ней, и русские, и адыгские романтики рассматривают мир и социальный строй, искажающий личность, как антитезу нормальной человеческой природы, поэтому из неприемлемой для них реальности герои нередко переносятся в мир мечты, прошлого или мистики (к примеру, как в рассказах Каламбия «Два месяца в ауле» и «Ученик джиннов»).

Романтики воспринимают мир как нечто неустойчивое, стихийное, враждебное. В центре их внимания – внутренний мир человека. Создаваемые писателями-романтиками образы по преимуществу односторонне индивидуализированные, они освобождены от строгой социально-бытовой обрисовки, от систематической обусловленности переживаний и поступков. Их характеристика, по преимуществу, условна и схематична, является воплощением какого-то наиболее важного признака: разочарованности, преданности любимому, стремления к воле и свободе. Центральные герои – это «исключительные характеры в исключительных обстоятельствах». Этими обстоятельствами может быть экзотика («Кавказский пленник» А. Пушкина, «Геройская смерть» К.-Б. Ахметукова) или фантастика («Демон» М. Лермонтова, «Ученик джиннов» Каламбия).

Выбор этого экстраординарного фона во многом был вызван преувеличением роли отдельной личности в социальной борьбе. Именно поэтому на

страницах романтических произведений ведущая роль была отведена сильной, героической, даже титанической личности, противопоставленной социальному окружению (к примеру, автор-повествователь из рассказа «Два месяца в ауле» Каламбия), причем эта противопоставленность нередко включает в себе отрицательный заряд (к примеру, Демон М.Ю. Лермонтова, Канлы из «Черкесских преданий» С. Хан-Гирея). Субъективизм и лиричность романтизма, впоследствии трансформировавшиеся в психологизм реализма, сказались на монологическом построении текста, использовании исповеди как средства самораскрытия внутреннего мира центрального персонажа, который во многом созвучен духовности самого автора. Это сформировало ещё один признак романтизма – автобиографичность, которая находит свое отражение и у адыгских просветителей (герой-повествователь из «Долины Ажитугай» Султана Казы-Гирея).

В романтических произведениях весьма распространенным было использование некоторых условных средств изображения действительности. Так, богатая символика романтизма использовала следующие средства: утренняя заря – «знамя будущего» (определение Ж.П. Рихтера), горы – носители незамутненных идеалов природы, цивилизация – символ угнетения и несвободы. В качестве других приемов иносказания в романтизме использовались и следующие антитезы: поэт – невежественная толпа, шалаш – дворец, халат – мундир, тьма – свет, современное – историческое и т.д. (у адыгских писателей-просветителей: просвещенный адыг – его необразованные земляки, «удалой» черкес с кинжалом – блестящий офицер царской армии, холмовники – обитатели кунацкой и т.д.).

При общем сходстве противопоставляемых понятий в произведениях адыгских писателей-просветителей и русских романтиков, необходимо отметить, что социальная направленность этих противопоставлений у адыгских писателей появится на втором и обретет силу лишь на последнем, третьем, этапе дореволюционной адыгской литературы. А на первых этапах антитеза

была более упрощенной: преданность, бескорыстие и благородство противопоставлены коварству, расчетливости и подлости (Джембулат и княжна противопоставлены Тембулату и Канлы из «Черкесских преданий» С. Хан-Гирея)

В романтизме нашли своё широкое применение приёмы преувеличения, аллегории, используемые авторами для создания полуфантастических образов («Демон» М. Лермонтова, «Ученик джиннов» Каламбия), что во многом отразило абстрактность, фантастичность и историческую бесперспективность представлений романтиков об идеальном мироустройстве и будущем, её своеобразную отдалённость от реальности. В целом необычайное, странное, неизведанное – это главный источник романтических произведений.

Вместе с тем, романтические произведения одновременно отразили и реалистические элементы в виде описания ряда локальных ситуаций, эпизодов, деталей быта, конкретных характеров в их амбивалентности – переплетении пороков с достоинствами, подвигов с преступлениями («Аммалат-бек» А. Бестужева-Марлинского, «Черкесские предания» С. Хан-Гирея).

На эту двойственность как особенность русского романтизма (впоследствии она найдет свое отражения и в адыгской просветительской литературе) обратил внимание Ю. Манн. Опираясь на два различных определения, данные рассматриваемому художественному методу российскими литературоведами – Г. Гуковским [3] и Н. Берковским [4], Ю. Манн отмечает, что в романтизме главное – субъект, а в реализме – объект. Суть движения от романтизма к реализму, таким образом, по Ю. Манну, заключается в следующем: «Субъективное романтизма ... обросло плотью объективного, получило объяснение в истории и социальной жизни. Люди-индивидуальности стали людьми-типами... Реализм XIX столетия родился» [5, С. 362-363].

Характеризуя русский романтизм как относительно поздний по сравнению с западным, Ю.В. Манн видит в нем выраженную резкость «ведущих тенденций» этого направления и объясняет это тем, что «русский романтизм, форсируя стадии, смотрел на западные формы как бы с точки зрения итога»

[5, С. 371]. Объясняя синтетический и ускоренный характер русского романтизма, Ю. Манн опирался, с одной стороны, на период его зарождения в России, в частности, на примыкание к таким явлениям, как Просвещение и классицизм, которые внесли свои черты, например, «гражданскую витийственность» в романтические произведения; с другой стороны, на западноевропейский романтизм, который обладал уже богатым опытом и выработал уже устоявшиеся традиции классического романтизма, которые были подхвачены русскими писателями-романтиками и адаптированы к конкретной литературной почве.

В оценках русского романтизма присутствуют разноречивые тенденции: с одной стороны упреки в его определенной неразвитости, с другой — признаются заслуги по созданию произведений высокого уровня романтического искусства. Разноречивость тенденций и причину специфики русского романтизма Ю. Манн объясняет с помощью сравнения: «...когда восприимчивые дети длительное время находятся в обществе взрослых, то у них черты детскости своеобразно перекликаются с чертами ранней зрелости и преждевременной опытности. Русский романтизм по отношению к западному находился в подобном отношении сложной преемственности» [5, С. 376].

Эта же «сложная преемственность» найдет свое отражение и в художественном методе зарождающейся адыгской русскоязычной просветительской литературы. Адыгские писатели-просветители имели возможность переосмысливать выработанные поколениями русских писателей готовые, зрелые художественные концепции романтизма и адаптировать их к конкретной национальной культурной почве, что дает основание высказать предположение о специфичности художественного метода русскоязычных адыгских писателей XIX в.

Библиография:

1. Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX-XX веков / М.Н. Эпштейн. М.: Сов. писатель. 1988. 414с.

2. Белинский В.Г. Разделение поэзии на роды и виды / В.Г. Белинский. Собр. соч. М., 1974. 405 с.
3. Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики / Г.А. Гуковский. М.: Художественная литература, 1965. 355 с.
4. Берковский Н.Я. Мир, создаваемый литературой. / Н.Я. Берковский. М., 1989. 498 с.
5. Манн Ю.В. Динамика русского романтизма / Ю.В. Манн. М., 1995.

*Мамедова А.Н.,
Северо-Кавказский федеральный университет,
Гуманитарный институт,
факультет филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации,
специальность «Филология»,
г. Ставрополь*

Роман Алисы Ганиевой «Праздничная гора» в контексте текущей словесности

Актуальность данной темы обусловлена тем, что в художественном пространстве Дагестана активно формируется и развивается новая литературная общность, основанная на межлитературных связях генетически и регионально родственных культур, опирающаяся на многовековые традиции. Сближение и взаимодействие культур Дагестана и России было закономерным и исторически обоснованным процессом, который берет свое начало еще в конце XIX века. С каждым новым этапом историко-социальных сдвигов в обществе, интеграционные тенденции в национальной и русской литературах нарастали, приобретали характер всеобъемлющий. Естественно, исторически сложившаяся, многовековая ориентированность литературы Дагестана на

восточную культуру в XX веке дополнилась новыми культурными импульсами, идущими от русской, а через нее и мировой культуры.

Новизна работы заключается в стремлении обрисовать картину соотношений традиций и новаторства в современной литературе Дагестана, выделить основные художественно-эстетические компоненты этой прозы, отметить черты общности и индивидуальность в каждом отдельном случае.

Понятие «современная дагестанская литература» в первую очередь соотносится с поэзией. Именно поэтические произведения придали значительность нашей литературе и обратили внимание как знатоков, так и любителей поэзии и позволили говорить о дагестанской литературе как явлении.

Дагестанская проза в своем объеме всегда уступала поэзии.

Сегодня большинство дагестанских авторов пишет на русском языке или на двух языках – на русском и родном. Многие из них ведут интернет-дневники, где регулярно размещают свои произведения.

Одной из современных писательниц является Алиса Ганиева – известный литературный критик, журналист, писатель, прозаик, редактор. Родом она из Дагестана и пишет о своей родной республике.

В современной российской прозе хронотоп типичен: действие происходит в большинстве случаев в столице (Москва или Питер), а если и не в столице, то время и пространство максимально абстрактны.

Хронотоп в произведениях Ганиевой выступает поэтому экзотичным, выбивающимся из общего ряда.

Ее рассказы и повести чем-то напоминают голландскую живопись. Многофигурные бытовые картинки, в которых каждый персонаж делает что-то свое, и можно очень долго стоять и разглядывать всякие мелкие детали. Так и в повестях Ганиевой герои получаются настолько яркими и жизненными, что создается какое-то ощущение подглядывания, забываешь, что это художественное произведение, что автор еще о чем-то сказать хотел, а не про-

сто зарисовку дать. Автор умудряется объединять русскую культуру и дагестанскую. Иногда в совершенно непостижимых моментах.

В 2009 г., будучи уже опытным литератором, Алиса Ганиева получила молодёжную премию «Дебют», подав на конкурс свою повесть «Салам тебе, Далгат!» от имени «молодого начинающего писателя из Дагестана Гуллы Хирачева». После этого на волне успеха в 2012 году выпустила новую книгу о Дагестане «Праздничная гора».

Новый роман «Праздничная гора» – смотровой глазок в кипучий, пестрый разрушающийся мир современного Кавказа, в котором реальный ужас соседствует со сказочной мистикой, а политические лозунги с одержимым карнавальным весельем.

В романе «Праздничная гора» (лонг-лист премии «Национальный бестселлер») (как и в ранее изданной повести «Салам тебе, Далгат!») речь идет о безумно далеком мире, как географически, так и ментально. Этот роман – некая полудокументальная проза о людях, которые являются нашими согражданами, но которых отделяет незаметно выросшая стена между Кавказом и остальной Россией. Сленг молодых людей, кавказские обычаи, споры о месте религии и в жизни человека, противоречия кавказского общества – все передано с неподражаемым мастерством. Это окно в кипучий, пестрый, разноязыкий и, увы, разрушающийся мир. Здесь соседствуют древние языческие обряды и современные ток-шоу, воздают хвалу Аллаху и делятся правилами съема девушек, думают с опаской о завтрашнем дне. Но вдруг стена, граница, разделяющая Россию и Кавказ, возникает взаправду... Власть, правительство – все это исчезает, на улицах спорят о том, кто виноват, поминая давние времена. Только теперь Шамиль, главный герой, начинает осознавать, что до этого толком не знал и не понимал ни своего народа, ни своей родни, ни своей невесты, ни даже самого себя.

В «Праздничной горе» есть персонаж, Махмуд Тагирович, который пишет поэмы и романы о Дагестане, он писатель-любитель – поэмы и романы

возвышенные такие и еще искренние. Так вот поэма пишется онегинской строфой

...И вниз ты голову клонила,
Боясь услышать невзначай:
«Азбар бакларарби, ясай?» [2]

Впрочем, все это скорее о стиле автора. Сам же роман – весьма грустный. И на самом деле – отчасти фантастический. В романе Россия решила отказать от Кавказа и начала строить в Ставрополье заградительный вал. Все руководство Дагестана в один прекрасный момент исчезает, и в Дагестане создается полный вакуум власти, который начинают заполнять исламисты, и свои, и арабские. Большинство же дагестанцев, конечно же, мусульмане, но они не готовы ради создания мусульманского имарата отказываться от своих родов. От того, что они – кумыки, аварцы, лезгины. Растерянность (а как еще назвать метания главного героя, Шамиля?) охватывает все слои общества, и оно, это общество, потихоньку разваливается. Закрываются магазины, разрушается музей. Еще раз хочу подчеркнуть – общество не скатывается в радикальный ислам, не начинает крушить все и вся, оно застывает в немой сцене, не понимая, что происходит. И фактически гибнет под бомбами в финале. Во всяком случае, все главные герои гибнут.

В романе нет ничего о «материковой» России. Но вот стоит одним валом прервать связь – и ничего хорошего не получается. Внутренние связи начинают разрушаться. Думаю, что и «отделившую» Кавказ Россию в мире романа ничего особого хорошего не ждет... Если учесть, что перед фантастическим вариантом развития событий есть пролог, который происходит в нашем обычном мире, в обычном дагестанском доме, и внезапно завершается контр-террористической операцией против обитателей этого дома... В общем, путь от воспоминаний того же Мурада Тагировича о советских временах, через пролог и дальше по миру с валом выглядит очень... грустно.

А праздничная гора – это Дагестанский рай. Там в эпилоге собираются почти все герои романа. В самом же романе, до эпилога, героям забраться на эту гору так и не удастся. Один раз случайно главный герой видит таинственное село на вершине горы... Но потом оказывается, что это были просто старые развалины.

Алиса Ганиева – одна из немногих, которая может и хочет честно рассказать о Кавказе, а главное она понимает, о чем говорит.

«Ганиева дает голос таким же молодым, как она. И при всей этнографической, иногда даже слегка утомительной, пестроте образов и речи другой такой честной и полной картины современного Кавказа в современной русской литературе пока нет» [1].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что будущее у дагестанской прозы, безусловно, есть, потому что молодых дагестанских литераторов, подобных Алисе Ганиевой, очень много: это Абутраб Аливердиев (пишет очень живописную фантастическую прозу с фольклорными элементами), Владимир Керамов, Тимур Мусаев-Каган, Дамир Саидгазин, Магомед Маматаков, Багдат Тумалаев и другие.

Библиография:

1. Биргер Лиза. Коммерсант Weekend
2. Ганиева А.А. Праздничная гора. «АСТ», 2012.

*Мурадова А.К. – к.ф.н., доцент,
Чеченский государственный педагогический институт,
г. Грозный*

Общеэпический контекст произведений западноевропейского средневекового эпоса и его значение для чеченской национальной литературы

В рамках общеэпического контекста мировых литератур необходимо отметить, что одной из наиболее стойко проявляющихся тенденций в современной науке, в том числе и гуманитарных ее областях, в настоящее время является ее ориентированность на поиск новых исследовательских принципов.

Переход от сумм национальных наук к мировой науке как органичному целому (не в ущерб составляющим целое), прежде всего, связан с укреплением научной базы таких понятий как мировая литература и единый непрерывный литературный процесс. Для этого необходим конкретный материал и систематизация сопоставимых выводов и, в первую очередь, научный метод, способный это обеспечить. Этим методом, по нашему убеждению, может и должен стать сопоставительный метод научного изучения памятников искусства слова.

Научные исследования последних десятилетий (Д.С. Лихачева, А.Н. Робинсона и др.), направленные на преодоление «традиции» изучения произведения в «рамках» истории культуры одного народа либо по «принадлежности» к фольклористике или литературоведению, расширили возможности сравнительного метода в изучении мировой литературы как единого литературного процесса.

Мы обращаемся к методу сопоставительного анализа как к основному методу, давно и успешно применяемому в науке. Наиболее эффективно он

использовался в так называемой «компаративной школе фольклористики», сделавшей объектом сопоставления, прежде всего, сюжет (а также и образы – в тех их чертах, которые в наибольшей степени обусловлены сюжетом). В работах ученых данной школы и их последователей (А.Н. Веселовский, А. Аарне и других) было выявлено очень много общего, в частности, в сюжетах героического эпоса Руси и Западной Европы, Руси и Востока и пр. Отчетливо просматриваются сюжетно-тематические линии.

Целью сопоставительного сравнения западноевропейского и чеченского средневекового эпоса исследования может быть не столько расширение количества примеров использования тех или иных художественных приемов и средств в средневековой словесности, сколько выявление того, что одни и те же приемы используются в произведениях одной эпохи и жанра, но относящихся к разным национальным литературам. На базе таких наблюдений и складывается понятие поэтики как понятия, относящегося к области мировой культуры. Это позволит укрепить научную базу, стоящую за литературоведческими понятиями (соответствующими этим приемам) и показать, что художественная структура текста построена на логической системе понятий, составляющих поэтику.

В III тысячелетии до н.э. Кавказ был точкой пересечения культурных влияний самых разных цивилизаций, благодаря тому, что здесь проходили удобные пути сообщения между древними цивилизациями и кочевыми народностями Восточной Европы. Неудивительно, что в материальной и духовной культуре чеченцев, их мифологии, языческих культах, традициях, устном народном творчестве сохранились признаки, указывающие на их тесные связи с древнейшими европейскими цивилизациями, как и с этносами Передней Азии и Средиземноморья.

Особенно четко эти связи прослеживаются при подробном рассмотрении средневековых чеченских языческих культов и преданий, где можно об-

наружить очевидные параллели с языческими богами и мифологическими героями древних мировых цивилизаций.

Важно подчеркнуть, что чеченский фольклор включает в себя жанры, характерные для устного народного творчества практически всех европейских народов и наций:

1. Мифология.
2. Героический эпос.
3. Сказки: волшебные сказки, сказки о животных, бытовые сказки.
4. Легенды, сказания, предания.
5. Песни: обрядовые, трудовые, лирические, колыбельные, героико-эпические (илли).
6. Пословицы, поговорки, загадки.
7. Детский фольклор (песенки, считалки, скороговорки, загадки).
8. Религиозный фольклор (хадисы, сказания, песни, назмы).
9. Творчество жухургов и тюлликов (пьесы, стихи, песни).

Как видим, жанровая палитра чеченского национального фольклора довольно широка. Поэтому неудивительно, полагает З.А. Мадаева, что и до нашего времени дошли отзвуки тотемических верований, реликты земледельческих и скотоводческих культов чеченцев, космогонические сюжеты. Своеобразная чеченская космогония вплетена в различные мифы о происхождении земли, солнца, луны и звезд. Так, в мифе «О том, как произошло солнце, луна и звезды» солнце и луна у чеченцев представлены как юноша и девушка, которые гоняются друг за другом по кругу, но которым не суждено встретиться никогда.

По большому счету, героический эпос чеченцев периода средних веков и сюжетно, и типологически принадлежит общекавказской эпической системе, притом, что очевидно имеет свои специфические особенности. Например, основываясь на содержании и этимологии, известный исследователь фольк-

лорных традиций народов Северного Кавказа У.Б. Далгат разработала следующую его систематизацию по группам.

1. Первая группа (сказания о великанах, исполинах, богатырях-родоначальниках), к которой относятся эпические рассказы:

- а) о великанах циклопического типа;
- б) об исполинах, не относящихся к типу циклопов (включая представление о будто бы реально существовавшем исполинском племени людей прошлого);
- в) о могучих богатырях-родоначальниках (полумифических-полуисторических).

2. Вторая эпическая группа – сказания о трех типах героев:

- а) нарт-орстхойцах, представляющий собой местный вариант общекавказского нартского эпоса;
- б) о местных героях;
- в) о безымянных нартах.

3. Третья эпическая группа – сказания, предания, легенды, не связанные с нартским эпосом, но имеющие героико-эпическую типологию.

У.Б. Далгат полагает, что в чеченском эпосе, с одной стороны, собственно нартские сказания сохранились довольно фрагментарно, очень часто в позднейших версиях, но, с другой стороны, разновидности циклопических и нециклопических великанов представлены довольно ярко, что свидетельствует об исконной древности чеченского эпоса вообще.

Очевидные архаические мотивы, сохранившиеся в чеченских сказаниях о нартах, служат дополнительным подтверждением того, что нартский эпос имеет местное происхождение. Об этом свидетельствуют древнейшие пласты нартских сказаний чеченцев, которые можно сравнить с древнегреческими мифами, существовавшими еще в начале I тысячелетия до н.э. Например, в начале третьей песни «Илиады» Гомер сравнивает битву греков и троянцев с борьбой журавлей и карликов: «Так лишь на битву построились оба народа с

вождями, Трои сыны устремляются, с говором, с криком, как птицы: Крик таков журавлей раздается под небом высоким, Если, избегнув и зимних бурь, и дождей бесконечных, С криком стадами летят через быстрый поток Океана, Бранью грозя и убийством мужам малорослым пигмеям, С яростью страшной на коих с воздушных высот нападают» [2. С. 125].

Это сравнение основывается на античном сюжете о карликах, обитающих на юге Океана и воюющих с журавлями, которые ежегодно прилетают в теплые края. По мнению С. – М. Хасиева, записавший чеченскую версию этого мифа, считает, что причину этой вражды можно объяснить следующим образом: «Своими неблагоприятными делами и гордыней нарты прогневили Бога. Чтобы наказать их и унижить, Бог решил создать карликов – «пхагалбери» (в переводе с чеченского – заячьих всадников), которые превосходили всех на свете физической силой, были неуязвимы для любого вида оружия и могли жить в разных измерениях. Карлики побеждали нартов, но оказались настолько коварными и жестокими существами, что со временем не только нарты, но и все живое на Земле обратилось к Богу с просьбой об избавлении от них. Вначале нарты решили, что карлики неуязвимы лишь для мужчин, и в бой с ними вступили амазонки, но и они не смогли одержать победы. Вот тогда Создатель вспомнил о данном Им слове и решил вызволить из-под корней самых высоких гор души проклятых воинов, проявивших жестокость по отношению к врагу. Бог превратил их в журавлей, чтобы они низвергли карликов. С тех пор и существует вражда журавлей и пигмеев» [8. С. 67].

О глубокой древности нартского эпоса чеченцев говорит и чеченская версия собственных имен мифических героев, свидетельствующих о связи с ранними земледельческими культурами. Характерно, что «нарт-орстхойцы», один из вариантов названия нартов в чеченском героическом эпосе, указывает лишь на географию их поселения – «нарты, живущие в предгорьях или в Черных горах». В архаические времена орстхойцами (орстхой) чеченцы называли

обитателей предгорий, независимо от их племенной и этнической принадлежности, от чеченского «арцарс» – предгорья, невысокие, лесистые горы.

Многие общекавказские эпические герои представлены в памятниках вайнахско-нартского эпоса, несмотря на то, что в целом он носит фрагментарный характер. Это такие персонажи как Соска Солса, Боткий Ширтка, Хамчи Патараз, Села Сата. При этом доминирующими темами вайнахского героического фольклора являются военное противостояние, набеги, столкновения, состязания, воинская доблесть, богоборчество, благодать, патриотизм, тема гибели нартов.

В более поздний период в чеченском эпосе изменились оценки действий и поступков эпических героев, очевидно, в связи с кардинальной сменой у чеченцев системы социально-экономических отношений и их ценностной шкалы в эпоху антифеодальной войны между тейповыми общинами, в результате чего была установлена тейповая демократия. Также можно предположить, что это связано с влиянием основ монотеистической религии, которая осуждала насилие и несправедливость.

У.Б. Далгат в своей монографии «Героический эпос чеченцев и ингушей» так описывает тематику чеченских эпических произведений: «Образы нарт-орстхойцев лишены той яркости эпических красок, которая наблюдается в нартском эпосе. Вместе с тем имеются все основания говорить о героической интерпретации этих образов; хотя сам героизм носит отрицательную направленность, это не положительный, а, условно говоря, отрицательный героизм. Другое дело «местные герои», им уделено в сказаниях особое внимание, так как именно они составляют предмет народной идеализации. В ее основе лежат иные общественно-экономические и эстетические критерии. Несколько углубляются и расширяются понятия об идеальном герое. Помимо неизменных для него качеств – мужества, силы, могущества, воинской доблести, – предметом восхваления становятся чувство долга и ответственности

перед своими родичами, перед своими соплеменниками, а также способность самопожертвования личности ради общего блага»[З.С.29]

Особое значение исследование древней, достаточно сложной и специфической мировоззренческой традиции чеченского народа, приобретает сегодня, в связи с явно проявившейся тенденцией к нивелированию самобытности чеченской духовной культуры – к недооценке оригинальных образов и сюжетов чеченской мифологии и чеченского эпоса и сведения их к некоей «исламской традиции», а порой – и к целенаправленному националистически-шовинистическому принижению чеченской культуры.

У целого ряда народов Северного Кавказа бытуют многочисленные героические сказания, в которых сходными или весьма близкими являются центральные сюжетобразующие мотивы, целые сюжеты, мельчайшие детали повествования, имена не только главных героев, но иногда и второстепенных персонажей. Это – выраженные свидетельства не только длительных межэтнических контактов, но, как мы полагаем, и глубокой, пока еще достаточно неисследованной, генетической общности между народами, населяющими Кавказ, что дает нам серьезные основания считать нартский эпос одним из косвенных свидетельств родства и исторического единства коренных народов данного региона. Отсюда вытекает интерес ученых к сравнительному и комплексному изучению нартского эпоса с учетом всех его этноязыковых версий.

Однако понимание глубинных корней и значимости национальных традиционных образов, отраженных в средневековом эпосе, чрезвычайно важно для сохранения национальной культуры – в нашем случае западноевропейской и чеченской.

Библиография:

1. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. / Под ред., вступит.ст. и прим. В.М. Жирмунского. Л., 1940.
2. Гомер. Илиада. М., 1980. С. 125.ок. СПб., 1913.
3. Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972. С. 26.

4. Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. С. 29.
5. Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. С. 199-200.
6. Мадаева З.А. Вайнахская мифология // Этнографическое обозрение. 1992. № 3. С. 109.
7. Тимохин В.В. Приемы композиции в средневековом героическом эпосе. Литература и фольклор. М., 1998. С. 149.
8. Хасиев С.-М. О традиционном отсчете времени у чеченцев // Рукопись.
9. Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. С. 199-200.

*Мусукаева А.Х. – д.ф.н., профессор,
зав. кафедрой русской литературы
Кабардино-Балкарского государственного университета
им. Х.М. Бербекова
В соавторстве с Кушховой А.А.,
г. Нальчик*

О взаимовлиянии литератур народов Северного Кавказа

Проблема взаимодействия и взаимовлияния литератур в пределах региона – одна из сложных и наименее изученных. Д. Лихачев отмечает, что «национальные литературы никогда не развивались в одиночку и в изоляции от других литератур» [6. С. 209]. Это справедливое высказывание ученого касается проблем изучения мирового литературного процесса, конкретно – речь идет о русской литературе, о ее связях со славянскими литературами, хотя, думается, данное утверждение можно отнести и к любой национальной литературе.

Термин «влияние» Д. Дюришин называет «противоречивым», с «исторической наследственностью» [5. С. 14]. С.Шерлаимова справедливо считает, что «дело не в том, употреблять или не употреблять термин «влияние», а в

том, чтобы понимать этот процесс не упрощенно, диалектически, видеть всю сложность взаимодействия» [5. С. 76]. Д.Дюришин выделяет четыре типа форм общения «национальных литератур». Если придерживаться этих определений типов и форм, названных ученым особыми литературными общностями, то исследуемые литературы следует отнести к географическому или региональному типу, который «является одним из существенных факторов объединения литератур в определенные общности» [5. С. 90] и способствует «наднациональному» объединению литератур. Ч. Гусейнов отмечает, что «региональная общность – это одна из устойчивых и исторически подвижных форм литератур, сложившихся на базе генетических, контактных и типологических связей» [2. С. 36]. Но при исследовании литератур народов Северного Кавказа говорить только о региональной общности не приходится, так как здесь наблюдается внутренняя дифференциация «этнически родственных народов», народов со сходной социально-исторической, культурно-генетической, этнографической, фольклорной основой. Среди этих литератур можно выделить и две группы литератур, близких по языку: адыгская (адыгейская, кабардинская, черкесская) и карачаево-балкарская, и тем более это укрепляет нас во мнении о важности принципа художественной типологии, о проблемах их взаимовлияния и взаимообогащения. К примеру, процесс становления национальной прозы в литературах региона не был изолированным, он проходил в контексте развития всей многонациональной литературы страны периода 1920-30-х годов. Последнее обстоятельство во многом способствовало ускоренному формированию новых жанров, тем более в тех литературах, в которых не была подготовлена соответствующая художественная «база», – именно так видят многие литературоведы и культурологи, словно бы не замечая поистине неоценимых сокровищ, которые пошла в себе многовековая народная культурная традиция народов Северного Кавказа. У каждой из литератур народов Северного Кавказа были свои истоки художественного мышления в духовной культуре народа, и именно они определили его осо-

бенности – национальные, жанровые и т.д. новые социально-исторические условия 1920-1930-х годов создали предпосылки для формирования развитых литературных жанров. И несомненно, что столь интенсивное развитие жанровых форм, которое можно было наблюдать в этих литературах с начала XX века, было бы невозможно в отрыве от тех духовных ценностей, которые создавались народами на протяжении многих веков.

На наш взгляд, прежде всего, следует видеть пути и специфику формирования эпических традиций в рассматриваемых литературах и взаимодействие национального фольклора и художественной прозы на разных этапах развития литературы для того, чтобы выявить особенность и перспективы жанров региона. Проблемы взаимосвязи и взаимовлияния фольклора и литературы, роли и места фольклорных мотивов, тем и символики в художественной литературе занимают одно из важных мест в литературоведении. Особенно интенсивно они изучаются в так называемых «молодых литературах», где влияние фольклора наиболее очевидно и сильно. Проблемы эти анализируются как в теоретическом аспекте, так и в историко-литературном, в целом ряде содержательных монографий и статей, непосредственно посвященных отдельным литературным жанрам, творчеству отдельных художников слова [3].

Литературы народов Северного Кавказа уже на первых этапах своего развития взяли на вооружение художественное своеобразие и богатство родного фольклора, включив в свою орбиту как эпические, так и малые жанры. В нартском эпосе масштабность изображения, восходящая к космическим, вселенским масштабам, богатырским (нартским) подвигам героев, тесно сочеталась с бытописанием, обращенным к злобе дня, и этот принцип положили в основу художественного изображения многие писатели уже на первых порах.

Исследуя литературы северокавказского региона, мы отмечаем не просто влияние более развитых литератур на менее развитые, а сложный процесс взаимовлияний, причем не только в позитивном плане, но порой и в негативном. К примеру, после выхода в свет дилогии А. Кешокова «Вершины не

спят» (1965) почти во всех литературах региона появились исторические романы с повторяющейся схемой сюжета. Как отмечал Р. Бикмухаметов, Северный Кавказ и Дагестан в этой диалогии «получили первый опыт историко-революционной эпопеи» [1. С. 10].

Как известно, роман в литературах Северного Кавказа начался именно историко-революционным жанром. Как верно писал Н. Джусойты, почти все произведения «строились по общей схеме, в них мы встречаемся с одной и той же концепцией историко-революционного процесса – чисто социологической» [9]. Следуя заданной схеме, сложнейшие проблемы исторических судеб народа некоторые писатели решали чисто умозрительным путем. Можно привести примеры из кабардинской, балкарской, осетинской, карачаевской, ингушской и других литератур, где схема строго соблюдалась. Но дело, разумеется, не в схеме, а в эстетической концепции романа, в художественной полноте и жизненности героев, в психологической достоверности развития характера и во многом другом, что делает произведение истинно художественным. Почему же в ряду многих произведений на почти одинаковую проблематику роман «Вершины не спят» занял все же особое место и получил по справедливости высокую оценку критики? Обратимся к уже известной статье Н. Джусойты: «Заслуга А. Кешокова в том, что он эту схему основного противоречия исторического процесса в дореволюционную эпоху не иллюстрирует. Он исследует конфликт на нравственном, психологическом уровне» [4. С. 91].

Исследование национальных литератур в их связях с историческими условиями жизни народов, а также в широком литературном, этногенетическом, географическом контексте – одна из главных задач современного литературоведения.

Изучение зарождения и развития литературных жанров, их специфики, своеобразное и общее в литературах одной языковой группы или определенного региона дает возможность исследовать многие немаловажные теорети-

ческие проблемы, в том числе и проблему взаимовлияний. Общность литератур народов, имеющих историческое, культурное, этническое, географическое единство, позволяет найти определенные точки соприкосновения этих литератур, изучить их взаимовлияние и взаимообогащение и вместе с тем показать, что является национальным достоянием каждой.

Библиография:

1. Бикмухаметов Р. Роман и литературный процесс. // Вопросы литературы, 1971, № 1.
2. Гусейнов Ч. Этот живой феномен. М., 1988.
3. Далгат У. Литература и фольклор. М., 1981; Бикмухаметов Р. Орбиты взаимодействия. М., 1983; Гамзатов Г. Преодоление, становление, обновление. Махачкала, 1986; Мусукаева А.Х. Северокавказский роман. Художественная и этнокультурная типология. Нальчик, 1993; Тхагазитов Ю. Эволюция художественного сознания адыгов. Нальчик, 1006; Бекизова Л. Литература в потоке времени. Черкесск, 2008 и др.
4. Джусойты Н. Все начинается с размышления. // Вопросы литературы, 1976, № 5.
5. Дюришин В. Систематика межлитературного процесса. Братислава, 1988.
6. Лихачев Д. Литература – реальность – литература. Л., 1984.

*Ханаева З.К. – ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»,
г. Владикавказ*

Циклообразующие мотивы сказаний о Батразе

Батраз – один из основных героев осетинского эпоса и цикл сказаний о нем, по количеству входящих в него сюжетных структур, один из наиболее

полных с точки зрения формирования эпической биографии героя. Сюжеты этого цикла представляют высокую степень взаимосвязи, обеспечивающую целостность в обрисовке эпических событий. Ядром формирования цикла является образ героя, вокруг которого группируются сюжеты. Однако жизненный цикл Батраза расширен еще и «биографией» его отца Хамыца.

Как любая классическая эпическая биография героя, биография Батраза начинается с чудесного рождения. Сюжет о рождении Батраза очень древний. Стержень сказания о рождении Батраза таков: Хамыц женится на девушке из малорослого рода Бцента (камбадата) [3. П.73, Д.30-14, Л.2-15.] или из Донбеттыров [2. С.301-314]; девушка возвращается домой из-за нанесенной ей обиды, но перед этим, она дыханием передает зародыш в спину Хамыца; из нароста на спине Хамыца рождается Батраз; закалка Батраза.

Экспозиционным в сказании о рождении героя выступает эпизод охоты, с которого начинаются многие сказания нартовского эпоса. Здесь вообще много мотивов продуктивных для эпического повествования: наделение долей от добычи, запрет Мелюзины, передача зародыша отцу, закалка героя.

Закалке героя уделяется большое внимание. Батраза закаляет Курдалагон в небесной кузнице, а затем бросает в море. Курдалагон закаляет и другого героя осетинского эпоса – Сослана, но если в цикле Сослана уязвимое место героя постоянно, то в случае с Батразом в роли уязвимого места выступают различные части тела: темя, три волоска на темени, кишка.

Чудесное рождение и закалка героя – один из центральных эпизодов эпической биографии, так как формируют структуру повествования. С момента рождения предопределена гибель героя.

Сказания о рождении героя находим и в адыгской, и в абхазской версиях нартовского эпоса, но в этих национальных версиях нет ни такого чудесного рождения, нет закалки и, следовательно, уязвимого места. Правда, во всех версиях нартовского эпоса матерью героя является женщина из малорослого племени испов (у адыгов) или ацанов (в абхазском эпосе).

Осетинские бцента, камбадата, адыгские испы, абхазские ацаны – типологически родственные друг другу образы. Сравнивая греческий миф о пигмеях и журавлях с кавказскими преданиями о малорослых людях, И.В. Шталь отмечает, что они имеют самостоятельное бытование и зафиксированы лишь в Абхазии. «Бытование же несамостоятельное, иначе – «вкрапления» предания о кавказских пигмеях в другие эпические предания Кавказа мы находим применительно к нартовскому эпосу во всех его региональных вариантах...»[4. С.210.]

Сказания о малорослых людях и женщине из их племени вошли в героический нартовский эпос, подчинившись поэтическим и эстетическим нормам эпоса. И.В. Шталь приходит к выводу, что сказания о малорослых людях бытовали ещё до вхождения в нартовский эпос. Об этом, по мнению учёного, говорят «присутствующие в сюжете элементы волшебной сказки, так называемый «запрет Мелюзины», восходящие к мифологическому табуированию и развивающиеся параллельно условию-запрету богатырского и героического эпоса» [4. С.222].

С одной стороны, Батраз живет на небе и спускается оттуда, чтобы совершить подвиги и спасти нартов. Батраз в осетинских сказаниях, как отмечал В.И. Абаев, в большей мере несет в себе черты мифологического образа [1. С.38].

С другой стороны, в осетинских сказаниях Батраз в детстве все время сидит у очага в золе. В сказании «Батраз, сын Хамыца, и Арахцау, сын Деде-нага» [3. П.73, Д.30, Л.17-20], посвященном теме игр Батраза в детстве, наш герой как раз и предстает в образе маленького заморыша, который греется у очага и собирает золу в кучи. Но провожая Арахцау на пир к нартам, этот мальчик-золушник так сдавливает бока его коня, что из горла коня падают сгустки крови. Затем Батраз и Арахцау испытывают свои стрелы. И здесь маленький Батраз берет верх. Говоря об этом сказании, Ж. Дюмезиль отмечает: «Эта легенда, хорошо засвидетельствованная у осетин, расцвела пышным

цветом у восточных и западных черкесов, где она послужила материалом эпической жалобной песни о Бадыноко». [5. Р.113]

Одна из основных черт Батраза – защитник и спаситель нартов. Группа сказаний, где он выступает в этой роли, довольно многочисленна и дает много интересных мотивов. Для всех сказаний этой группы характерно стремительное появление Батраза: он бросается с небес и от этого колеблется земля, раскалившись при падении, он кладет на голову кусок ледника, и с его головы стекает вода подобно родникам. Среди мотивов продуктивных в нартовской эпической системе отметим мотив увечья: великан калечит нартов, а затем Батраз в пляске отрывает руку и ногу великану.

В осетинском эпосе особое развитие получает образ чудесной чаши Уацамонга. Многочисленные мифологические, исторические, фольклорные параллели к этому мотиву довольно хорошо известны. Перед чашей нарты рассказывают о своих подвигах и если правдивы их речи, напиток в чаше вскипает и она сама поднимается к устам героя. Чаша всегда достаётся Батразу. Батраз, как герой-богоборец, хвалится тем, что десятками убивает небожителей [3. П.145, Д.352, Л.173], или нарты решают, кто лучший среди них [3. П.28, Д.30-13, Л.17-24]. Критерии же определения лучшего нартовского мужа таковы: мужество, воздержанность в еде и питье и уважение к женщине.

Тема спора нартов о том, кто из них лучший, реализуется в цикле Батраза в различных сюжетах, и все они характерны именно для этого цикла.

В цикл сказаний о Батразе входит и сказание о чудесном зубе Хамыца. Это сказание – один из эпизодов биографии Хамыца. Оно важно для его характеристики. Мотив чудесного зуба неразрывно связан в эпосе с Хамыцем, являясь его атрибутом, и свойства зуба обуславливают поведение героя как бабника, истощившего терпение нартов. Поэтому и гибель Хамыца тоже связывается с мотивом зуба Аркыза.

Мотив мести за кровь отца – доминантный мотив цикла. В цикле Батраза он разрабатывается в нескольких направлениях. Так, Батраз мстит малику

города Тынга, заряжая собой пушку и разбивая город, а потом убивает малика [2. С.279-280]. По другим вариантам, Батраз мстит Бурафарныгу, убивая его сыновей, а затем убивает Сайнага [2. С.281-286]. В этих вариантах мотив мести провоцируется предшествующей ситуацией: «играми» Батраза в детстве и «увечьем» слабого, вместе с традиционно следующим за ним мотивом испытания матери (прижигание груди) с целью узнать имя убийцы, этим общим местом нартовского эпоса.

Мотив мести получает иное развитие, когда Батраз мстит нартам. Издеваясь над нартами, он возлагает на них исполнение непосильных задач: вырубить ступицы для повозки из кустарника, наполнить сапог отца пеплом от жженого шелка, который развеивает поднявшийся ветер. Батраз требует сложить огромный костер на берегу моря. Он бросается в этот костер, затем в море и снова закаляется. Выйдя из моря, Батраз требует привезти пушку и выстрелить им по крепости Уарп. Там он истребляет небожителей, а затем начинает истреблять нартов [2. С.286-288].

Цикл Батраза в осетинском эпосе завершается сказанием о его смерти. Смерть Батраза обусловлена его ролью героя-богоборца, его борьбой с небожителями: зэдами и дауагами.

Смерть Батраза объясняется по-разному. Мы уже отмечали, что у Батраза нет постоянной «ахиллесовой пяты». Уязвимое место может вообще не упоминаться, уходя на второй план, так как Батраза, бессмертного стального героя, убивает Бог.

Цикл Батраза представляет биографию героя от рождения до смерти, но характерной особенностью цикла является то, что эпическая биография героя, осложненная биографией его отца, может существовать как единое сказание. В этом смысле цикл Батраза подобен генеалогической эпопее. В такие контактированные сказания входят сюжеты о рождении и закалке Батраза, смерть Хамыца, игры Батраза в детстве, месть Батраза за смерть отца, борьба с небожителями и смерть [3. П.8(3), Д.15, Л.428-439; П.23, Д.56, Л.75-87].

Чудесное рождение и мотив уязвимости – циклообразующие для цикла Батраза, хотя мы и отметили, что этот мотив не так ясен в сказании о смерти героя, но важно то, что бессмертный герой уязвим с рождения, как предпосылка циклического развития биографии. В цикле Батраза много сюжетообразующих мотивов, характерных именно для этого цикла. Это женитьба Хамыца на девушке из малорослого племени, рождение Батраза из опухоли на спине отца, мотив «Батраз-ядро», пушка Батраза, мотив похвальбы перед Уацамонга, мотив «отравленного напитка» и убиения гадов в чаше булатными усами, мотив мести Батраза. Все это константы цикла Батраза. Благодаря ним сказания цикла получают оригинальное развитие.

Библиография:

1. Абаев В.И. Нартовский эпос осетин // Нарты. Осетинский героический эпос. Кн.1. М.,1990.
2. Нарты. Осетинский героический эпос. М., 1990. ОГЭ.
3. Отдел рукописных фондов ФГБУН Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А. ОРФ.
4. Шталь И.В. Эпические предания Древней Греции. Гераномахия: Опыт типологической и жанровой реконструкции. М.: Наука, 1989.
5. Dumézil G. Le livre des Héros. Légendes sur les Nart. Paris: Gallimard, 1965.

*Чекалов П.К. – д.ф.н., профессор кафедры
гуманитарных дисциплин Ставропольского краевого
института развития образования, повышения квалификации
и переподготовки работников образования*

**О некоторых содержательных и формальных особенностях
сборника К. Мхце «В миг полулета-полуосени»**

Предпоследняя книга абазинского поэта открывается характерным для его поэзии мотивом пути, отчетливо заявленном в первом стихотворении:

Уыжвг1андзара са — уыжвг1андзара! —
Рыц1а-рыц1а бзи йызбауа,
Йг1амыздарк1вит1 адгбыл лашара —
Зынзаджвык1гьи сгвы знымчвг1ауа.

(До сих пор я, до сих пор, все больше и больше влюбляясь, обхожу светлую землю, которая мне никогда не приедается).

Стихотворение исполнено внутреннего подъема, герой радостно вспоминает миг, когда он, малышом, впервые переступил порог отчего дома, а затем – босоное детство, проведенное на берегу быстрой реки, приход первой любви, формирование цели и смысла жизни, пробуждение в нем песенного начала... И, хотя на этом пути его настигла осень – не как время года, а как возрастная категория, – он с удовлетворением может отметить про себя, что ни перед одним божеством не склонил головы и не торговал своим именем... Все это позволяет лирическому герою с удовлетворением подвести жизненный итог: «Я провел свою дорогу по этой земле, стихами мир благословил» («Ари адгбыл йалызгат1 сымг1ва / Суысала сазх1вах1вт1 адуней»). Фраза свидетельствует об осознании лирическим героем выполненного долга. И вот это ощущение полнокровно прожитой жизни позволяет завершить стихотво-

рение достойным заключительным аккордом – великолепным образом сердца, что останется жить даже после того, как не станет его обладателя:

Са сьбазу нашхыйа г1адзата
Саннардасхра знымзара-зны
Сгвы старала йбзашут1, йг1анхата
Сьаг1адрийыз адгьыл апны!

(Когда придет мой грустный черед и будут предавать меня земле, мое сердце останется жить на земле, на которой я родился).

Интонационно стихотворение не соответствует общему духу и настрою поэзии Мхце конца 1980 – начала 90-х: слишком она бодра и оптимистична. Обращает на себя внимание эпитет «светлая» по отношению к «земле», которая к тому времени уже имела устойчивое сопровождение – «холодная». Помимо того, здесь же присутствует образ не просто нехарактерный, а невозможный для мировоззрения Мхце того периода: «Дадзхъач1вап1 абар сара сытшг1ва / Суысква назырдазахуаш ац1ей» (Вот сидит возле моего очага мальчик, который продолжит начатые мною дела).

В сущности, здесь речь идет о поэтическом наследнике, которого в действительности не было и нет поныне. Более того, в других стихотворениях («Монолог», «Футбол») утверждалось совершенно обратное. Откуда же возникли эти нетипичные для рассматриваемого этапа образы?

Здесь, думается, дело заключается в следующем. Текст «Земли, на которой я родился» создавался не как стихотворный, а как песенный, на радостно-ликующую мелодию композитора Владимира Чикатуева: мажорный характер музыки предопределил приподнятое содержание и соответствующий образный ряд. А то, что общий строй данного стихотворения действительно не соответствовал мироощущению Мхце того времени, говорит дальнейшее развитие мотива пути в этом же сборнике.

В стихотворении «Пришел сюда...» мы видим уже разочаровавшегося героя, которому так и не удалось покорить свою заветную вершину – симво-

личный образ высокой цели. Он сосредоточенно обходит гору вокруг, убивает в себе все прежние мечты и, как известный древнегреческий философ, поселяется в бочке. Но капитуляция перед трудностями, осложненные объективными причинами (на это указывается в стихотворении), заканчивается сожалением о потерянном времени: дела, от которых он бежал, так и лежат незавершенными, и непокоренная вершина все также высится перед ним. Осознание сложившейся ситуации заставляет героя снова приступать к выполнению своего жизненного долга.

Столь же безрадостное настроение свойственно и стихотворению «Луна и смерть», где преобладают мотивы смертельной усталости, надрыва, наступления ранней смерти еще до того, как герой достигает намеченную цель:

«Лунная ночь. Если б иголка лежала на земле, и та была б заметна. Смотрю на дальний край земли. Скоро я его достигну и отдохну там скоро.

Лунная ночь... Иду из последних сил (буквально: натягивая душу). Издали смотрю на горизонт. Успокаиваю свое сердце: «Скоро, скоро мы дойдем, потерпи немного, ничего страшного не случилось...»

Лунная ночь... Прекрасная земля манит возможностью счастья... Но... тихо упал я посреди степи, и ранняя усталость успокоила мое сердце.

Лунная ночь... И куда я шел? И жизнь... не привиделась ли мне она? Холодная луна стоит надо мной и смотрит на дальний край земли».

Здесь мы встречаемся с героем, сознательно пренебрегшим земными радостями, избравшим себе уделом утопическую мечту достижения края земли. И немудрено, что он не достигает своей цели, ибо за одним горизонтом открывается следующий. Мысль о несбыточности мечты усиливается заключительным образом луны, и после смерти героя холодно глядящей за новый край земли. И, тем не менее, следует подчеркнуть, что даже нереальность и невозможность воплощения мечты еще больше оттеняет высоту помыслов и стремлений героя.

В этом стихотворении обнаруживается еще один мотив: в контексте стиха несколько двойственно звучит вопрос: «И куда я шел?», словно герой забыл о конечном пункте назначения. Тот же вопрос прочитывается и со скептической интонацией: И зачем я шел? И стоило ли начинать этот путь? И кому он нужен?.. В таком аспекте угадывается разочарование героя в том, что им сделано, в степени востребованности народом результатов свершенного им.

Поэтическую игру воображения Мхце можно проиллюстрировать стихотворением «Футбол», открывающееся изображением спортивного матча и общей атмосферы стадиона, наполненного болельщиками. Они кричат, свистят, бушуют, наблюдая за игрой. Чтобы подчеркнуть накал страстей на трибунах, поэт дополняет описание сравнительным оборотом: «как будто сегодня разыгрывают счастье» («уахьчІва йҒаркІьануазшва насып»). А спортсмены мечутся, бросаются друг на друга, сбивают с ног противников, и вот уже тренера вынуждены производить замены, выпускать на поле футболистов со свежими силами...

Казалось бы, стихотворение на чисто спортивную тему. Но в третьей строфе происходит резкий поворот, и в произведение вторгается литературная тема, которая уже до конца развивается параллельно с футбольной. Что может быть общего между ними? Как можно увязать две разные, даже несовместимые между собой сферы? Вот тут и проявляется оригинальность автора, нестандартность его мышления, умение соединять несоединимое, выявляя и наглядно представляя одно через другое. И заметим: две темы связываются между собой ненасильственно, не сшиваются белыми нитками, они так плотно подгоняются, сращиваются между собой, что никакой искусственности не ощущается, наоборот, все получается очень естественно и органично. И этого эффекта Мхце добивается тем, что находит верный ракурс, в котором спортивная и творческая деятельности уравниваются. И гранью такой выступает мотив борьбы.

ХІаргъи топ хІаситІ. – Топ хІацаситІ

ХІугІахъа рылахъи хІари.

Заджвы – дкІаркъьитІ, заджвгъи – дырчвбзазитІ, –

Жъыхъ змам топасрахатІ ари!

(И мы играем в мяч. В футбол играем мы с судьбой своего народа. Кого-то сбивают, кто-то выживает, в спортивное состязание превратилось это).

В литературной «игре», оказывается, срабатывают те же законы, что и в футболе, вследствие чего творческая жизнь принимает форму безжалостного состязания. Но тут же между ними намечается одна существенная разница: если на футбольном поле вместо сбитого, травмированного спортсмена выпускают другого, то в национальной литературе не оказывается «запасного» творческого лица. И эта проблема ставится прямо, открыто, бескомпромиссно: «Араъа йкІахІаз йтарала – / Дабоу?! – йгІаталуаш дхІымма хІа?» (Здесь вместо выбывшего кто на поле выйдет? Есть ли он?)

Вопрос оказывается риторическим: «запасных» писателей у Абазин нет! И это умозаключение заостряется, конкретизируется фактами из национальной литературной жизни: места, некогда занимаемые Хамидом Жировым, Пасарби Цековым, Кали Джегутановым, так и остались пустыми. И, как некогда Маяковский обращался к пролетарским поэтам, так и Мхце адресует свой голос, не лишенный назидательности, соратникам по перу:

Ауат дзынквата хІырхъамчІвыуа

Рцынхъвгъи хІгІахъвмарра атахъьпІ –

УахъчІва дзачІвызлакІгъи хІа хІыуа

ДбжъагІвыпІ, дагвыквсыгІвпІ, дгвашвхчагІвыпІ.

(Не плача над ними осенним дождем, мы должны играть и за них. Сегодня каждый из нас выступает тренером, нападающим, вратарем).

Спортивная терминология в литературном контексте преобразуется, превращается в метафору активного служения национальной культуре оставшимися силами.

В начале финальной строфы параллель футбол / литература расширяется и сменяется другой параллелью: жизнь / футбол. Суровые законы жизни оказываются сродни спортивным, где не выдерживает тот, кто остается в одиночестве («Жьыхь змам абазара-топасра / ДарбцІтІ зынла зхъазы йГанхаз...»). Но в самом конце, в заключительном двустии, Мхце снова возвращается к литературно-футбольному соотношению и, обращаясь к зрителям / читателям, завершает свое стихотворение щемящим мотивом предстоящего расставания, порожденного прозвучавшим ранее мотивом ухода из литературной жизни старших товарищей: «ХІыгква къазула йанашІасра, / Астадион, напІы ухІызгІас!!!» (Когда наши сердца останутся по очереди, стадион, тогда рукоплещи!!!)

Отметим, что заключительные строки снова актуализируют проблему постепенного угасания национальной литературы, вероятность полного ее исчезновения в не столь далеком будущем.

Мхце умел тонко облечь «чувствуемую мысль» в проникновенное слово, но он интересен и неординарностью используемых поэтических приемов. Рассмотрим с позиции звукописи первую строфу стихотворения «Ложится иней»:

Амшпсыпс апсы цазтІхІва
спсы таркІвапІ сара...
Тшарысасуа
псейспадза ауахъ гІаталитІ.
АпсыцхІа ацтиуа
йчвасыситІ ахІвра.
АпсыхІва арпсыткъан
апстІа гІацтІалитІ.

(Хотя полумертвый день испустил свой дух, но я все еще дышу... Гостьей тихо вступает в права свои ночь. Грустно вздыхая, дремлет трава. Увлажнив долину, ложится иней).

Цезурованный четырехстопный амфибрахий придает стиху протяжно-размеренное, спокойно-сосредоточенное звучание, что органично накладывается на медитативный характер произведения. Но есть здесь еще одна завораживающая особенность – ненавязчивая, уместная, согласующаяся с общим настроением стиха, и в то же время в высшей степени искусно выполненная фоническая инструментовка. В первую очередь обратим внимание на то, что в строфе гласный «а» встречается 31 раз, тем самым обеспечивая однотонное звучание строфы. Но здесь же присутствует еще одна музыкальная специфика: строфу от начала и до конца пронизывают два звука: «п» (10 раз) и «с» (16 раз), причем в 10 случаях они, смыкаясь, образуют единое сочетание: «пс». Случайно ли автор построил аллитерацию именно на этих звуках? Нет. Ключевым в строфе, как и во всем стихотворении, выступает слово «пстIа» (иней), которое и определило подбор соотносимых с общим звучанием этого слова звуков. Здесь представлено виртуозное анаграммирование, которому, на наш взгляд, могли бы позавидовать и Блок, и Бальмонт.

Воспроизведем первую строфу стихотворения «Как кто-то сказал»:

Заджвы йхIваца, санчкIвынызгьи сгьчIвагIвамызтI:

РахIа йъасу атшгьи сгIакIашвун,

Сла бага гьамкIуазтI, сшвокъ – гьпчарахIмызтI,

СзабакIлакIгьи зышла сгIакIайгвун.

Сразу отметим, что строфа имеет традиционную концевую перекрестную рифмовку: сочетаются окончания 1-й и 3-й, 2-й и 4-й строк. Но внимательный читатель выделит в этом же тексте еще одну рифменную пару, проходящую на начало 3-й и 4-й строк: «сла бага гьамкIуазтI – сзабакIлакIгьи». Эффект данного созвучия заключается не только в том, что он идет дополнительно, так сказать, сверхштатно, не только в том, что здесь в отличие от концевой используется начальная рифма, но и в том, что она (рифма) является составной и глубокой: первые три слова третьей строки рифмуются с одним словом четвертой.

Развивая далее тему рифмования, обратим внимание и на стихотворение «Наша жизнь»:

ЙГІахъвларыквын йыгышадзахуам.

ЙГІашарыквын йыгыхъвладзахуам.

УадыргІванагы – хГІапшитІта –

ЦИста йпсегІитІ ари хІынцІра:

Жвац-йапыжвац хІсабихвыцын,

Йац-жвацума хІчкІвынхъа хІыцын.

Ай, хІажвуаштІ уахъчІва-уачІвыла.

УачІв-уачІвацта... хГІаух хІара...

Оригинальность рифмовки здесь состоит в том, что в каждой строфе первые две строки соотносятся между собой, третья остается холостой, а четвертая рифмуется с четвертой же строкой следующей строфы. Такой тип рифмовки в абазинской поэзии нов, и в русской он используется крайне редко.

От способа рифмовки перейдем к строфике, вернее, к одной ее частной особенности, получившей название «строфическое кольцо». Оно обладает особой ритмической мелодией, вносящей в стихотворение яркий художественный колорит, задушевную проникновенность, глубину лирического переживания. Таково, например, знаменитое есенинское «Шаганэ ты моя, Шаганэ!»

Этот прием у Мхце великолепно реализуется в стихотворении «Под твоим окном»:

Бхъышв ацІахъ сазГІанагтІ сара сынцІра,

ЙГІашІаст араъа сылахъ агІвагвана –

МачІкІ тшыспщата сымГІвайсхныс уадыргІвана

Бхъышв ацІахъ сазГІанагтІ сара сынцІра.

(Под твоё окно привела меня жизнь, здесь завершилась судьбы моей дорога. – Чтобы передохнуть немного и пуститься дальше в путь, под твоё окно привела меня жизнь).

Если разговор о формальных изысках Мхце перевести в область метрики, выяснится, что ритмическая палитра представлена очень разнообразно – всего до 30 различных размеров. Основная часть из них приходится на традиционные классические метры, но здесь же встречаются и дольник, и тактовик, и акцентный стих, и различные формы белого и свободного стихов.

Метрико-ритмические эксперименты Мхце связаны с тем, что в пределах одного стихотворения он искусно комбинирует разнометрические строки. Так, например, в стихотворении «Время жизни твоей» полномерный 2-стопный ямб нечетных строк перемежается полномерным 2-стопным хореем четных; в стихотворении «Прошение» сочетанию подвергаются 2-стопный анапест и 2-стопный амфибрахий; в «Еще одной элегии» сталкиваемся с чередованием 4-стопного дактиля с 3-стопным амфибрахией...

Если в рассмотренных стихотворениях два разных метра располагаются по разным, но соотносящимся строкам, то в «Земле, на которой я родился» различные метры сталкиваются уже в пределах одной строки, где первые три стопы выступают хореем, а четвертая заключительная – ямбом, в результате чего возникает довольно редкий размер 4-стопного хориямба. По такому же принципу построены и стихотворения «Убежал от себя», «Воскресение».

Содержательно-смысловое, метрико-ритмическое, языковое и интонационное богатство, свободное и безупречное оперирование формальными атрибутами стиха не оставляет сомнения в том, что к сборнику «В миг полулета-полуосени» Керим Мхце достиг абсолютного мастерства.

*Шиков Н.М. – д.ф.н., профессор кафедры
журналистики и издательского дела
Кубанского социально-экономического института
г. Краснодар*

**Новые подходы к изображению человека и принципы сюжетологии в
художественной прозе русскоязычных адыгских писателей XIX века**

Трансформация художественно-эстетических принципов русских писателей в адыгской просветительской литературе была признаком того, что учёба молодых национальных авторов успешно продолжалась в творческой лаборатории передовой русской литературы. Уже осознавая сложность создания образа нового героя, готового посвятить себя служению своему народу, адыгские писатели, в конечном счёте, вслед за своими опытными педагогами разрабатывают как историческое прошлое, так и современную действительность, наполненную массой новых жизненных коллизий. И при создании этих героев им прежде всего необходимо было избежать штампа или сиюминутной «фотографической» фиксации, не в пример первым горским писателям-просветителям, больше стремившимся к показу внешнего лоска и к декларации этнокультурных особенностей национального характера, чем к раскрытию его внутреннего содержания.

Они ясно осознавали, что в новую историческую эпоху их герои, если их ввести в национально-бытовую коллизию сюжета и замкнуть в её рамках, утратят, пожалуй, самое главное качество, а именно то, что должно их отличать от предыдущих героев русскоязычной адыгской литературы первой половины XIX века с ничем не обусловленным, рефлексивно сложным отношением к простому народу. В отличие от них горские писатели 60-х годов новых героев показывают способными к самостоятельному определению насущных задач и обязанностей на ниве общественно-просветительской дея-

тельности. Они осознают собственные возможности и знают, *что* делать, а главное, *каким образом* (курсив наш – К.Ш.) осуществить задуманное, т.е. организовать массовое просвещение адыгских народов. И это даёт возможность новому поколению национальных писателей значительно изменить структуру романтических произведений предшественников, усомнившись в правомерности, состоятельности художественных принципов, открыто подчинённых авторскому стремлению произвести эффект необычности и внешне-эмоциональное воздействие на неискущённых в горской тематике русских читателей. Но в силу отсутствия достаточного творческого опыта, они не всегда могли предложить взамен устаревшим другие сюжетно-композиционные средства, с помощью которых можно было бы не менее эффективно объединить обогащённый новыми историческими реалиями жизненный материал в рамках целостного произведения. Оттого и заметна в их произведениях так и непреодоленная очерковость в духе путевых зарисовок с натуры или наблюдений путешественника.

Так, Адиль-Гиреem Кешевым любовная коллизия в повести «Чучело» расшифровывается лишь к середине произведения. Писатель досказывает её, намеренно лишая занимательности, декларативной пародийностью в связи с тем, что его уже интересует другая проблема. Параллельно с любовной коллизией на передний план сюжетного развития выдвигается противоречие между реакционными национально-патриархальными обычаями и молодым поколением, стремящимся обрести право на самостоятельный выбор. И хотя драма завязывается на сюжетной коллизии, традиционно построенной на любовном треугольнике (как во многих произведениях русской классической литературы), авторский замысел раскрывается через трагическую развязку, главной причиной которой являются антигуманные, бесчеловечные устои патриархального общества, породившего такую систему социальных и человеческих отношений.

Так же, как и А.-Г. Кешев, русскоязычный адыгский писатель Кази-Бек Ахметуков довольно часто использует в своих произведениях любовную коллизию, которая, в зависимости от авторского замысла, может исполнять различные функции – от показа нравственной чистоты горянки до раскрытия моральных основ патриотизма простого труженика. В творчестве этого адыгского писателя-просветителя, хронологически относящегося к более поздней эпохе, чем А.-Г. Кешев, – концу XIX – первым десятилетиям XX века, уже заметен решительный отход от поверхностных сюжетных коллизий, или же автор преобразует их так, что они подчинены психолого-социологическому способу раскрытия внутреннего мира человека, позволяющему особым образом добиться целостности произведения и многократно усилить идеологический конфликт. В его творчестве ощущается явное влияние художественного наследия Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, В.Г. Короленко, В.М. Гаршина, П.Ф. Якубовича-Мельшина и др. Так, от Чехова и Гаршина интерес адыгского художника слова к произведениям малых литературных жанров, если же более конкретно, то чеховская лирическая окраска повествования, лаконичность языка, гаршинское – трагическое восприятие жизни, повышенная чувствительность к страданиям, тяготение к «рассказу от первого лица, дневникам действующих лиц». [1, С.169-170]

Решение проблем просвещения и прогресса адыгские просветители связывали непосредственно со становлением и дальнейшим развитием национальной литературы. Такая оценка роли художественного творчества в ту эпоху была вполне оправдана и объяснима, так как на тот период даже в самой России конца XIX столетия более всего литература могла быть пусть не единственным, но одним из самых серьезных средств просвещения. Именно поэтому для русскоязычных адыгских писателей второй половины XIX века общественная деятельность и литературное творчество русских писателей оставались ярким примером беззаветного служения своему народу и, следуя их творческим принципам, они стремились «заглянуть за горизонт», стараясь

своей художественно-публицистической деятельностью опередить время, в котором жили, выяснить, что может ожидать адыгские народы, если ценности собственной, национальной духовности обогатить прогрессивными идейно-художественными достижениями общественной и культурной жизни России и Европы. Бесспорно, что при этом они достаточно ясно осознавали, насколько тяжёлыми и тернистыми могут быть пути движения народных масс к прогрессу через просвещение. И только через *просвещение* (курсив наш – К.Ш.), так как национальные писатели были убеждены, что можно подвести не только простых тружеников, но и князей и орков (дворян) к мысли о необходимости замены изживших себя феодально-патриархальных условий жизни. Именно поэтому реакционная часть духовенства и адыгских князей и видели в массовом просвещении горцев прямую угрозу своей неограниченной многовековой власти над простым народом.

Художественное творчество и публицистическую деятельность адыгских писателей-просветителей второй половины XIX столетия роднит очень многое, так как они были представителями одной исторической эпохи. И если типологически подойти к их творческому наследию в контексте мирового и особенно русского просветительства, становится очевидным, что каждый из них должен рассматриваться обособленно, как своеобразная и неповторимая по своей оригинальности художественно-эстетическая система, проявляющаяся в едином общественно-политическом и социокультурном пространстве. Иными словами, творчество каждого явилось отражением того реального типа национальной жизни, который способен дать сочувственное и наиболее точное объяснение тем глубоким изменениям, которые происходили в жизни адыгских народов. С этим в значительной степени и связаны некоторая рационалистичность и антропологизм в их сущностном понимании человека, бесспорно отразившиеся на характерах героев просветительской литературы, правда, в различной степени: от излишней романтизации и подчёркнуто-ретроспективного восхищения особенностями национального идеала (С. Ка-

зы-Гирей, А.-Г. Кешев) до схематической заданности и временами неестественной восторженности при показе прогрессивных особенностей новой общественной морали современности (К.-Б. Ахметуков). Для своего времени, пожалуй, только А.-Г. Кешев и К.-Б. Ахметуков в своих произведениях смогли дать наиболее яркие картины современной адыгской жизни и обобщённо-ретроспективное изображение прошлого, настоящего и будущего соплеменников с элементами исторического анализа. В их представлении будущее адыгов непосредственно должно быть связано с их прошлыми многовековыми национальными традициями, на которых, сохраняя преемственность, из поколения в поколение горцы обязаны воспитывать у молодёжи такие высокие нравственные качества, как мужество, героизм, преданность и безграничную любовь к своей земле, к своему отечеству. В связи с этим можно сделать довольно смелый вывод о том, что их творчество может рассматриваться как серьёзная попытка использования реалистических принципов, позволяющих талантливым художникам увидеть историческую перспективу, выделить героическое в прошлых эпохах, соответственно делая упор на правдивое изображение национального характера и обстоятельств, в которых кристаллизуется он.

И тем не менее, оценивая творчество некоторых из них как выдающееся художественное достижение и искренне восхищаясь их подвижническим трудом и литературным мастерством, нельзя не отметить и того факта, что некоторые произведения на национальную тематику во многом представляли собой статическое копирование правды жизни с детализированным описанием предметов народного быта. Иными словами, с творчеством русскоязычных адыгских писателей получилось то, о чём ещё в XIX веке А.М. Скабичевский писал: «Вышло нечто в русской литературе небывалое: не повесть, не рассказ, к каким публика привыкла, а именно доклад, в полном смысле протокол». [2, С. 252] И, безусловно, такие же протокольные точность и документальность больше были свойственны тем произведениям русскоязычных национальных

писателей, в которых их авторы выступали с анализом крупных исторических явлений и фактов, ставших переломными или судьбоносными в жизни многих поколений адыгских народов прошлых эпох.

Для того чтобы полнее выявить и показать типологические особенности творчества горских писателей-просветителей, необходимо обратиться к выяснению вопросов, связанных с тем, как каждый из них воссоздавал историческую среду и в зависимости от этого выделял в национальном характере те или иные особенности. Иными словами, в определённой степени в их творчестве присутствовала вызванная объективными условиями конъюнктурность. В тех же произведениях, в которых адыгские авторы обращались к национальной среде современной им эпохи, уже заметно тяготение к созданию нового характерного героя, своим содержанием в корне отличающегося от художественных образов, созданных первым поколением писателей-просветителей – С. Казы-Гиреем, С. Хан-Гиреем и др. Если в некоторых произведениях Хан-Гирея («Князь Канбулат», «Беслый Абат», «Князь Пшьской Аходягоко») действуют многочисленные герои, черты характеров которых определённо подчёркивают преклонение художника перед национальной словесно-исторической средой, как самым мощным фактором адыгской системы воспитания подрастающего поколения (попутно отметим, что, несмотря на то, что в понимание среды им вносился и социальный элемент, национальные характеры у автора получились недостаточно глубокими и исторически неконкретными), то в некоторых произведениях Султана Казы-Гирея («Персидский анекдот») и практически во всех повестях Адиль-Гирея Кешева («На холме», «Чучело», «Два месяца в ауле» и «Ученик джиннов») характеры различных героев и персонажей выступают как довольно точные копии или отпечатки особенностей определённой исторической эпохи, к которой обращаются художники. Следует добавить, что описание среды С. Хан-Гиреем, в отличие от С. Казы-Гирея и Адиль-Гирея Кешева, носит в себе, кроме социальных элементов, ещё во многом и этнографический характер. Так, многие эпи-

зоды его исторических произведений посвящены, при всём великолепии, не только восхитительным картинам природы Кавказа, но в большей степени детальному описанию привычек, обычаев, взглядов, суеверий, диалектных особенностей языка адыгских народов. И по своей сути получалось не столько творческое исследование какой-то художественно отражённой исторической среды, сколько обобщённый художественный слепок быта или условий, в которых жил народ.

Русскоязычные адыгские писатели-просветители, в силу отсутствия опыта художественного психоанализа героя как продукта определённой социальной среды, несмотря на неоднократные попытки, свидетельствующие о желании раскрыть его психологию, не могли добиться каких-нибудь заметных успехов. Пожалуй, поэтому историческая среда в их творчестве ещё выглядела как неопределённое, социально аморфное явление. Безусловно, при этом какие-то попытки разграничения персонажей даже в этой «аморфной» среде национальными авторами предпринимались, но на одном социальном уровне они выглядели довольно однотипно: князь Пшьской Аходягоко – такой же, как и подавляющее большинство адыгских князей («Князь Пшьской Аходягоко» С. Хан-Гирея); Назика и Залиха только именами отличаются от тысяч черкешенок, трагические судьбы которых они повторили, несмотря на княжеское происхождение («Чучело» и «Два месяца в ауле»); Хаджимет – персонифицированный тип («Ученик джиннов»); Мата – типичная жертва, страдающая из-за национальных феодально-патриархальных пережитков – кровной мести, имевшей распространение в то время среди горцев Кавказа («Абреки») – Адиль-Гирея Кешева. Объяснить это можно тем, что они ставили перед собой цель, ограничивавшую их творческие возможности, – показать национально-патриархальную жизнь горцев, их необычайно высокую духовную культуру, красоту обычаев, быт и нравы такими, какими они были на самом деле. И к ним для эмоционально-красочного насыщения и сравнения не было необходимости прилагать мерки мировых достижений философов

ских, нравственно-эстетических, морально-этических систем русской цивилизации, ставших общим достоянием в результате сближения с русским народом, знакомства с его богатейшей духовностью.

Недооценка таких серьёзных и основополагающих факторов художественного творчества, как вымысел, фантазия, выдумка, умение писателя создать в своём воображении органичный сплав картин окружающей действительности, несомненно, лишала горских писателей возможности прогнозировать дальнейшее развитие общественных явлений. Их стремление во что бы то ни стало отождествить правдоподобие описания национальных особенностей народа с действительной правдой жизни значительно ограничивало творческий полёт мысли даже самого талантливого художника. А подобный творческий подход национальных писателей к решению проблемы реалистически глубокого, многогранного изображения социально-экономической и общественно-политической жизни горских народов был очевиден. Ещё достаточно не осознавая порочность этого серьёзного недостатка, они в своём творчестве совершенно неоправданно обходили судьбоносные противоречия в историческом развитии страны и собственного народа, противоречия, как бы оказавшиеся на поверхности в результате обострения в адыгском обществе старого патриархального уклада и зарождавшихся капиталистических отношений.

Таким образом, художественно-публицистическое творчество адыгских писателей-просветителей характерно тем, что его авторов не столько интересовали социальные вопросы общества, сколько сам человек – носитель социальных и нравственно-эстетических ценностей, – человек со своим одиночеством, со своими проблемами. Но это одиночество совершенно другого ряда, и вызвано оно новыми историческими реалиями, с положительными элементами которых естественно переплетались и отрицательные. В частности, в их произведениях значительное место занимают герои, получившие светское образование в России (лирический герой Султана Казы-Гирея, персонажи рас-

сказов и повестей Адиль-Гирея Кешева), которые на годы оторвались от соплеменников. Может, поэтому в их творчестве чувство одиночества в национальных характерах проявляется как социально дифференцированная особенность человека, отвергающая ошибочное представление о сословно-социальной среде как о примитивно-аморфном явлении, потому что в художественных произведениях русскоязычных адыгских писателей не бывает *героев вообще* (это нами отмечается как положительное качество их творчества), а *есть герой-интеллектуал, герой-эмоционал* (С. Казы-Гирей, А.-Г. Кешев, К.-Б. Ахметуков). Адиль-Гирей Кешев подобных себе образованных адыгов даже социально персонифицировал, показав их в нескольких произведениях то рефлексирующими по поводу того, что ими потеряна природная связь с соплеменниками («На холме», «Два месяца в ауле», «Чучело»), то старательно и терпеливо знакомящими их с русской культурой и литературой («На холме»), то разочарованными темнотой и невежеством горцев («Чучело», «Ученик джиннов»), то полными надежд на скорое образование и просвещение народных масс («Два месяца в ауле»). Писатель устами одного из своих героев так и говорит: «...Утешусь по крайней мере тем, что и я по мере сил своих когда-то мечтал о том, чтобы трудиться для дела просвещения, что и я преследовал какую-нибудь цель в жизни и ... кто знает? Может быть, я посеял незаметно семя, плодом которого воспользуется другой, более счастливый человек. И то благо...». [3, С. 338-339] Понятно, что только при таком подходе к проблеме дифференциации персонажей становятся объяснимыми и сложные причины «разрыва» между образованными героями адыгских просветителей и простыми тружениками. Его более точно можно сформулировать как «интеллектуальное выламывание», которое впоследствии становится для этих людей источником многих нравственных конфликтов и страданий.

Русскоязычные адыгские писатели в своём художественном творчестве следовали традициям русского гуманизма. Они были убеждены в том, что историческая миссия «новых людей», получивших образование в светских

учебных заведениях России, заключается прежде всего в том, чтобы инициировать в горской национально-патриархальной среде формирование человека воспитанного, просвещённого, гуманного. Процесс реализации этого желания, перемежавшийся с драматическими, а порой и с трагическими поворотами судьбы, уже мог опираться на конкретные факты из их собственной жизненной практики.

Несмотря на определённые недостатки в просветительской деятельности и художественном творчестве горских писателей XIX века, они нанесли ощутимый удар реакционным феодально-патриархальным устоям и консервативным обычаям и традициям адыгских народов, показав прекрасные по своему внутреннему содержанию образы простых тружеников, людей, которые своими нравственными качествами и духовной культурой значительно превосходят князей и орков (дворян). В сопоставлении с «философом Сольманом», обладающим особым природным дарованием, Ильясом, с его житейски мудрой рассудительностью, язвительным и свирепым любителем споров Хуцой, медлительным увальнем-кузнецом Бечорой (из повести «На холме» А.-Г. Кешева), бесспорно, не идут ни в какое сравнение хитрые, мстительные, по-своему умные и жестокие князья Автонук, Канбулат, Пшьской Аходягоко, Бесльний Абат (из одноимённых произведений С. Хан-Гирея). Мысль о высокой нравственности и духовном богатстве представителей народных низов проходит красной нитью и через многие другие произведения русскоязычных адыгских художников, в которых десятки персонажей представлены авторами как удивительный мир особой нравственной среды, впервые нашедшей отображение в национальной литературе, пусть местами несколько наивно, но достаточно правдиво. Ведь здесь важнее всего то, что *это была новая правда, найденная русскоязычными национальными писателями в процессе поиска нового видения народной жизни* (курсив наш – К.Ш.).

Для того чтобы творчески зрело подойти к раскрытию одной из важнейших тем литературы во все времена – к теме народной жизни создателям

русскоязычной национальной литературы XIX века не менее важно было более чётко определиться с нравственно-эстетическими принципами подхода к освещению не только социальной, общественно-политической, но и повседневной жизни соплеменников. Это довольно сложная творческая задача, при решении которой их могла подстергать, с одной стороны, опасность, что на их творчестве могла сказаться уже утвердившаяся в произведениях русских писателей 60-х годов установка на жалость, с которой, несомненно, горские писатели были знакомы. С другой – в свете современных прогрессивных демократических идей, всё больше овладевавших в те годы умами десятков тысяч россиян, им необходимо было разработать и новые принципы сюжетной организации произведений. Ведь только тогда она могла получить наиболее глубокое и многостороннее раскрытие в просветительской литературе, что, бесспорно, было не менее сложной задачей для молодых и ещё не очень опытных адыгских художников слова.

И, тем не менее, адыгские писатели-просветители, постоянно находившиеся в поиске той единственной точки опоры, которая всегда необходима художнику для правдивого изображения народной жизни, всё же в более зрелый период своего творчества нашли, наконец, разумный ответ на вопрос, *как, каким образом* должен быть изображён народ в художественных произведениях. Они отказались от подчёркнутого показа тёмных сторон жизни народа, перестали излишне заострять внимание на его невежестве, а исторически обусловленную отсталость стали воспринимать не столь трагично, а всего лишь как временное явление. Именно поэтому в произведениях русскоязычных адыгских писателей более поздней эпохи мы всё чаще встречаемся с простыми тружениками, страдающими, тёмными, задавленными социальной несправедливостью, но всегда высоконравственными, добрыми, дорожащими свободой и не терпящими даже малейшей попытки покушения на свои достоинство и честь.

Библиография:

1. Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра. Л., 1973.
2. Скабичевский А.М. История новейшей русской литературы (1848-1890)/ А.М. Скабичевский. СПб., 1891.
3. Кешев А.-Г. (Каламбий). Два месяца в ауле / А.-Г. Кешев (Каламбий) // Шаги к рассвету: Адыгские писатели-просветители XIX века. Краснодар: Краснодар, кн. изд-во, 1986.

РАЗДЕЛ II. МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

*Касьянова О.А. – к.ф.н., доцент
кафедры журналистики и издательского дела
Кубанского социально-экономического института,
г. Краснодар*

Дискурс-анализ как метод исследования доброжелательности на страницах портала «Кавказский узел»

Практика дискурс-анализа достаточно широко известна и свободно применяется лингвистами в России и за рубежом. Сам термин «дискурс» означает совокупность письменных и устных текстов, которые бесконечно и ежедневно сотворяются людьми в повседневном контексте разных сфер их деятельности. Авторы книги «Дискурс-анализ. Теория и метод» определяют дискурс «как особый способ общения и понимания окружающего мира (или какого-то аспекта мира)». Дискурс в конце концов превращается в самостоятельное символическое поле, его структура и содержание настолько важны для актуальной реальности, что способны перестраивать её в соответствии с собой. Верно выстроенный дискурс позволяет сглаживать конфликты, успо-

каивать разъярённые толпы при помощи так называемых «дискурсивных маркеров», которые, как мы читаем в словаре социолингвистических терминов, являются языковым инструментом структурирования дискурса — от фонетических и интонационных показателей до лексем и специфических синтаксических конструкций, это слова, фразы или звуки, которые не имеют реального лексического значения, но вместо этого обладают важной функцией формировать разговорную структуру, передавая намерения говорящих при разговоре (вводные слова, союзы, частицы, междометия – то есть всё, что показывает модальность). В свою очередь анализ социального дискурса позволяет спрогнозировать социальные изменения, потрясения или же, напротив, акцентировать спад напряжения в обществе, «переправив» агрессивные высказывания на дружелюбные.

Как раз такой момент социального напряжения, связанный с ситуацией на Кавказе, с террористическими актами, с растущим недоверием и всё более частыми проявлениями вражды, вспыхивающими среди населения России, подталкивает к использованию разных методов анализа ситуации, среди которых и дискурс-анализ.

Назрела острая необходимость в речевом использовании того, что можно было бы назвать «дружелюбным высказыванием», которое является антонимом «hate speech» или «словам ненависти», словам, разжигающим конфликт.

Следуя совету Л. Филлипс и М.В. Йоргенсен, как пример межличностной интернет-коммуникации (точнее сказать – эпизода коммуникации) мы выбрали для анализа определённый комплекс текстов и диалогов, представленных на страницах портала «Кавказский узел». На самом портале, существующем с 2001 года, пишут, что его основными целями являются: обеспечение свободы доступа к правдивой и неангажированной информации о событиях на Кавказе; информирование российской и мировой общественности о случаях нарушений прав человека, ситуации в зоне вооруженных конфлик-

тов, национальной или политической дискриминации, проблеме беженцев; информационное содействие развитию гражданских инициатив и независимых СМИ.

Портал отличается правозащитная направленность, энциклопедичность и представление различных точек зрения. Там публикуются актуальные данные о современной жизни Кавказа, о событиях и процессах, происходящих в регионе, включая материалы местных СМИ, документы и законодательные акты, справочную информацию об истории, этносах, религиозных и культурных традициях региона, научную литературу, аналитические обзоры и комментарии, сведения о неправительственных организациях, политических и общественных деятелях, региональных средствах массовой информации.

Рассматриваемая коммуникация происходит по поводу темы, поднятой в материале из новостей «Кавказского узла» от 25 октября 2013 года «Бектемиров: теракт в Волгограде не имеет отношения к исламу» [Орфография оригинала сохранена. – О.К.]:

«Поджог молельного дома мусульманской общины – мсть за теракт в Волгограде, считает имам Рустам Хазрат. По его словам, мусульманские девушки после теракта опасаются выходить из дома. Муфтий Духовного управления мусульман Волгоградской области Ильяс Бектемиров заявил, что произошедший в Волгограде теракт не имеет никакого отношения к исламу». Вслед за лидом следует материал с небольшой врезкой-обзором случившегося в Волгограде 21 октября взрыва, идентифицированного как террористический акт, который повлёк за собой ряд «ответов», обращённых против мусульманского населения Волгограда. Материал завершается призывом не поддаваться очевидно намеренно разжигаемой межнациональной ненависти, погасить агрессию и продолжать мирно жить рядом друг с другом, как это и было до трагических событий. Вот заключительная цитата: «"Я не знаю, почему люди ополчились на ислам, мусульман и мечети. Мы проповедники, людям доносим религию. А бояться нужно безбожников. Верующие люди – хри-

стиане, иудеи, мусульмане – никогда не навредят. Мусульмане в любом случае – как бы на них не нападали – никогда не сделают плохого в отместку. Мусульманам запрещено сжигать храмы, церкви, мечети, молельные дома, синагоги. Это прямой запрет в Коране. Аллах запрещает это делать", – сказал Ильяс Бектемиров».

Далее следуют два комментария читателей:

1. «Что-то я не заметила, чтобы атеисты с автоматами и бомбами подрывали народ. Наоборот, известный атеист Роберт Уилсон – крупный финансист, пожертвовал 5,6 млн. на развитие образовательных программ в школах. Карл Ребедер – атеист, пожертвовал бедным более 4 млн.! Таких примеров масса! Как это он не знает, почему ополчились на Ислам? Эти возгласы – убей неверного, Такбир, Джихады, постоянные взрывы от исламистов – вот вам результат! А как вы думали? Терпение у людей безгранично!»

И ответ, отредактированный модераторами форума, очевидно, избавленный от агрессивной или оскорбительной реплики в сторону предыдущего комментатора:

2. «[...] , если таковые имеются, сложи два и два и пойми, что все теракты спланированы с известной целью – разжигание ненависти против мусульман».

На странице форума «Кавказского узла» мы читаем следующие сообщения:

3. «Здравствуйте, я – житель Волгограда, Сметанин Игорь Геннадьевич, русский.

Теракт в Волгограде, совершённый 21 октября, крайне осуждаю и соболезную родственникам погибших и пострадавшим.

При этом считаю недопустимыми акты мести по отношению к ни в чём не повинным выходцам с Кавказа, проживающим в Волгограде, о которых написано в статье "Бектемиров: теракт в Волгограде не имеет отно-

шения к исламу", см.: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/232252/>. В России должна быть и будет дружба народов, и этому никто не сможет помешать. Террористы всех мастей из Кавказа, русские националисты-головорезы, живущие на деньги американского ЦРУ, и действующие по приказу ЦРУ не сумеют стравить нас и помешать нормальной жизни в России. Они убили и покалечили людей 21 октября в Волгограде, они могут убить меня – я не прячусь, но всё равно они ничего не добьются. Не запугаете! Россия была и будет страной дружбы всех проживающих в ней национальностей.

А русских волгоградцев я призываю опомниться и не обижать выходцев из Кавказа, которые не причастны к произошедшему у нас теракту и которые так же как и мы, русские, ненавидят кавказцев – террористов. Будем жить, россияне!»

4. «Теракты и служат для того, чтобы разъединять народы».

5. «Прежде всего, выражаю соболезнования семьям погибших. Вот полностью с Vilanov и Игорем Сметаниным согласен. Террористы и мусульмане это разные категории. Первые ничего общего не имеют с исламом, религия жестко их осуждает. Очень досадно, что трагедия породила волну ненависти к населению Кавказа. Насколько знаю, сейчас даже автобусы в Волгоград из Дагестана пустыми приходят, боится население расправ. Тяжело это объяснить, особенно в свете таких страшных происшествий. Вот кондуктор руку потеряла, уверен, до конца жизни, женщина будет вглядываться в лица представителей Кавказа. Сложно и самое страшное, что страдают ни в чем неповинные люди».

Каковы же особенности проявления и взаимодействия дискурсов в данном диалоге, и как они связаны с проявлением дружелюбия в контексте диалога Россия-Кавказ на страницах портала? Можно отметить несколько интересных моментов.

Диалог начинается с дискурсивного маркера «что-то», который свидетельствует об изначальном раздражении автора отзыва, все остальные марке-

ры – *«наоборот»* – как опровержение, восклицание *«как это»* и риторический вопрос *«А как вы думали?»* говорят об изначальном настрое на негатив, отсутствие маркеров дружелюбия. В ответе на это высказывание мы также не найдём маркеров дружелюбия, она состоит из глаголов в императиве, второй комментатор обращается к первому на «ты». Речь отвечающего раздражённая, даже с купюрами цензуры (очевидно, вырезано прямое оскорбление), что говорит о крайне раздражённом состоянии комментатора по отношению к первому высказыванию. Мы предположим, что дело в непосредственной реакции на проблемный, «болево́й» материал – реакция «по горячим следам» ещё не успела отрефлексироваться и очиститься от эмоций.

Если мы проанализируем диалог на форуме, то увидим уже совершенно иной дискурс. Прежде всего, первый же комментатор начинает с дискурсивного маркера вежливости – *«здравствуйте!»*, что уже говорит о его настроенности на дружелюбный лад. Комментатор очень эмоционален (*«крайне»*), он настроен решительно, лозунгово. В самом комментарии он поддерживает автора материала о последствиях теракта, подчёркивая это дискурсивным маркером сравнения (*«так же как и мы»*), уравнивая все национальности России. Нельзя сказать, что речь комментатора не агрессивна, она полна экламативных предложений, некоторые из которых звучат с оттенком угрозы (*«Не запугаете!»*) и гражданского пафоса (*«Будем жить, россияне!»*). Кроме того, следует отметить, что если выходить в исследовании за рамки диалога Россия-Кавказ, то анализируемый комментарий не отвечает критериям дружелюбия, поскольку содержит скрытую агрессию, которая показывает себя в высказывании против «запада», по сути открытом и голословном обвинении (*«Террористы всех мастей из Кавказа, русские националисты-головорезы, живущие на деньги американского ЦРУ, и действующие по приказу ЦРУ»*). Соответственно, комментарий не отвечает требованиям нейтральности, а тем более дружелюбия, хотя и вполне дружелюбен по отношению к Кавказу.

Следующий комментатор более осторожен, его слова звучат более взвешенно и спокойно, нет необоснованных выпадов, нет переизбытка эмоций, как и однозначных высказываний, комментатор очерчивает границы своего мнения, что является, по сути, высказыванием своего мнения в такой же мере, как и приглашение к диалогу (*«прежде всего», «очень досадно», «насколько знаю»*).

По результатам анализа мы можем сделать вывод о недостатке позиции дружелюбия в комментариях по проблемной теме. Четверо из пятерых комментаторов настроены дружелюбно по отношению к Кавказу, но только один из них отвечает критериям дружелюбного дискурса, у остальных присутствует агрессия, но направленная в иное русло.

Рассмотрим другой пример с менее болезненной, на первый взгляд, темой.

Статья от 17 мая 2013 года под названием *«Около 7 тысяч человек посетили выставку "Традиционная культура адыгов" в Сочи»* сообщает, что *«16 мая в Сочинском художественном музее завершила работу выставка традиционной культуры адыгов, которая впервые проходила в рамках Культурной олимпиады "Сочи-2014" с 15 марта 2013 года. Организаторы отметили большой интерес посетителей, по данным дирекции музея, выставку посетили более 7 тыс. человек»*. Далее автор статьи сообщает как о самой выставке, так и об именно разнообразной культуре адыгов, затрагивая проблему того, что коренные жители Краснодарского края в этом качестве были слабо представлены до сей поры: *«На съезде движения "Адыгэ Хасэ – Черкесский парламент" 30 июня 2012 года было принято обращение к президенту РФ с призывом оказать "содействие в отражении наследия коренного населения Причерноморья – черкесов (адыгов) в культурной программе зимней Олимпиады "Сочи-2014". На открытии Олимпиады в Сочи также должна быть широко представлена черкесская культура, считают представители организации»*.

Нейтральная, хотя и касающаяся актуальных тем, статья о музейной выставке традиционных культур коренных жителей Краснодарского края вызвала неожиданно бурный отклик на форуме «Кавказского узла»:

«Вот бы туда попасть» – положительно-нейтральная оценка первого комментатора вызвала одобрение (комментарию поставлен невербальный знак одобрения – «плюс»), заметим, что это единственный комментарий из всего диалога, который был одобрен кем-то со стороны. Дальнейшая дискуссия не носит нейтрально-доброжелательного характера, как мы бы могли ожидать от диалога на эту тему, как будто созданную для позитивного диалога двух культур.

Обратим внимание на такие моменты диалога, как:

«если кто-то урвал миллиард...»

«был народ, а осталась от него одна выставка...»

«Да [...], какая культура??? Это территориально и морально реально принадлежит адыгам)))) И вот о них изо всех сил молчат!!!»

«Черкесская культура должна быть представлена!»

«Председатель Адыгэ-Хасэ причерноморских черкесов Мурдин Тешев призвал бойкотировать олимпиаду в Сочи. Это и есть культура. А вот председателям и деятелям типа Богуса, Сохта и Ханая предоставим право и дальше лизать кремлевский сапог и право покашливать в коридорах власти, ибо у них свое особенное представление о культуре. Которая и в представлениях не нуждается – они и им подобные кумиры не сходят со страниц новостей и экранов».

То есть мы видим дискуссию ещё более бурную, полную агрессии, нападок и прямых грубых высказываний на тему, которая на первый взгляд касалась культуры и исторического прошлого народов. Негатив прочитывается как на уровне дискурсивных маркеров (частицы *и, да, а вот*; устаревший союз *ибо*; формы повелительного наклонения), оценочно, экспрессивной лексики с негативной окраской (*урвал, лизать сапог*), так и в графическом оформ-

лении высказываний (многочисленные вопросительные и восклицательные знаки).

Проанализировав диалоги, разворачивающиеся вокруг проблемных вопросов актуальности, мы пришли к выводу, что на страницах портала «Кавказский узел» доброжелательность недостаточно актуализирована, не так широко представлена, как нам бы хотелось видеть, однако она присутствует. Как ни парадоксально, выяснилось, что тема наиболее болезненная – горе по поводу теракта – объединяет людей гораздо сильнее, чем нейтральная статья о выставке традиционных культур, одной из целей которой как раз и является объединение людей. В первом случае гораздо меньше выливается на страницы портала подавленной злости, недоверия, недоброжелательности, быть может, потому, что нейтральная тема, поданная достаточно свободно оставляет место для негативных эмоций, прямо их не провоцируя, зато горе, отражённое во второй статье, заставляет читателей забыть о собственных размышлениях, они сами активизируются, чтобы удержать очевидную энтропию гармонии.

Несмотря на примеры агрессивных эмоций на страницах портала, от-
радно констатировать, что именно нейтрально-положительные и доброжела-
тельные отзывы заслуживают (и это видно по плюсам-минусам, которые про-
ставляют комментариам посетители) положительное внимание других чита-
телей.

Библиография:

1. Волохонская М.С. Дискурс-анализ как метод исследования доверия в интернет-коммуникации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://humanpsy.ru/volokhonskaya/trust-to-discours>.

2. Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. М., 2008.

3. Филимонова Т. Бектемиров: теракт в Волгограде не имеет отношения к исламу. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/232252/>.

4. Теракт в Волгограде (обсуждение на форуме). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/forum/topics/2732>.

5. Словарь социолингвистических терминов / Под ред. Ю.В. Михальченко. М., 2006.

*Наток С.Х. – ст. преподаватель
кафедры журналистики и издательского дела
Кубанского социально-экономического института,
г. Краснодар*

Развитие межкультурных коммуникаций в условиях глобализации современных массмедиа

Рассматривая культуру как разделяемый всеми членами сообщества опыт национального, исторического, религиозного развития, получивший свое выражение в общем языке и стиле общения, обычаях и представлениях, отношениях и ценностях, следует отметить, что именно культура определяет нормы поведения, принятые в обществе формы выражения, взаимодействия и мироощущения, большая часть которых неявно выражена или скрыта, как подводная часть айсберга. И именно невидимая часть культуры сильнее всего влияет на поведение людей, именно она вызывает наибольшее число проблем при межкультурном общении. Если коммуникация или общение – это процесс обмена информацией посредством вербальных и невербальных методов, то межкультурная коммуникация – это коммуникация между людьми различных культурных ценностей, отношений и представлений. Когда вступают в общение представители двух различных культур, соотношение общего и раз-

ного в их культурах будет различным. В современном обществе учет общественного мнения становится глобальным явлением и всеобщим сопровождением функционирования социальных процессов в политике и экономике. Формирование новой медийной структуры России проходило под влиянием разнообразных факторов, которые можно разделить на две группы:

1) политико-экономические факторы – слом прежнего социально-экономического устройства; создание частного сектора в экономике; создание институтов гражданского общества.

2) национально-культурные факторы – возрождение культурных традиций; учет языка и менталитета; формирование бизнес-культуры; усиление влияния этических норм и правил деятельности.

Современное состояние системы СМИ республик можно охарактеризовать устойчивым преодолением рубежа переходного периода. Растет интеграция медиа в глобальный медийный контекст: активно осваивается республиканскими СМИ интернет; растет популярность новых каналов общения и получения информации, связанных с мобильной телефонией. Важно подчеркнуть, что эти процессы проходят практически во всех странах и республиках одновременно и представляют глобальный переходной период к новой медийной среде. Межкультурная коммуникация национальных регионов имеет в своей структуре практически все звенья системы средств массовой информации. Периодическая печать представлена газетами и журналами различного типа: общественно-политическими, разных партий и объединений, деловыми, молодежными, женскими, детскими, религиозными, литературно-художественными, развлекательными и др.

Во многих городах автономных республик и областей Российской Федерации издаются информационно-коммерческие издания, что способствует более тесной межкультурной коммуникации. Полиэтничность российского общества требует признания права каждого народа на историю своей родины, на свой язык, свою культуру. Рост национального самосознания, слитность

исторических судеб коренного населения с родной землей обуславливают развитие прессы для населения коренной национальности и для других национальных групп, проживающих на территориях республик. Эта пресса способствует межнациональному сотрудничеству и выходит как на государственном для субъекта федерации языке, так и на языке межнационального общения, а также на языках народов, проживающих в данной республике или области Российской Федерации. Журналисты республиканских газет, пишущих на самые разные темы, связанные с политикой, экономикой, реформами, экологией, фермерством, особое внимание уделяют проблеме повышения общеобразовательного и культурного уровня народа. Одним из важнейших принципов развития системы многонациональной печати, совершенствования ее структуры становится полное удовлетворение общественных потребностей каждой нации и народности Российской Федерации.

Прошедшее десятилетие показало, что сфера медиа переживает период существенных изменений, в результате которых преимущественно одноканальная система превращается в многомерное общество, в котором каждый может общаться с каждым, или со всеми, или с некоторыми одновременно. Возникают совершенно новые феномены: социальные сети, блоги, индивидуальные массмедиа и т.д. Возможность влияния на общественное мнение превращается в значимый сегмент мировой экономики и весомый фактор развития социально-политических систем межнациональной коммуникации, способный в значительной степени определять образ жизни и социальные установки значительной части общества. Нет, впрочем, сомнений, что базовые формы существования общества, основы социального управления, общения людей, равно как и характер современного общества – общества потребления, сохранятся. Растущий масштаб влияния информационно-коммуникационной среды на многие стороны жизни общества и государства требует предельно прагматичной стратегии управления ситуацией – не только развитием самой

сферы медиа, но и процессами, которые ее динамичная трансформация порождает в социально-политической и экономической и экономической жизни.

В новой информационно-коммуникационной среде неизбежно возникает своего рода параллельное общество, которое неизбежно воспроизводит в виртуальной среде все то, что было создано в среде реальной, – торговлю, СМИ, те или иные сообщества. В перспективе оба общества сольются и прекратят противопоставлять себя друг другу. Таким образом, мы будем наблюдать два процесса параллельно: раздробление и одновременно поиск некоей общей идентичности, некоего единства. Последнее обстоятельство позволит и дальше существовать и играть существенную роль общенациональным СМИ и межкультурной коммуникации.

Возможно и развитие наднационального самоуправления, равно как развитие системы мультязычной коммуникации. Пока нет намеков на развитие общего для всего мира языка, однако есть основания предполагать, что машинный перевод сильно упростит общение. Переход на рыночные отношения и видимый рост коммерческих средств массовой коммуникации в условиях конкурентной борьбы создает почву для появления новых информационных и телекоммуникационных технологий, которые захватывают все сферы жизнедеятельности общества. Создаются условия для свободного и самостоятельного выбора отдельным потребителем интересующей его информации. Основной эффект новых технологий коммуникации и СМИ заключается в переносе роли и функции инструмента на конечную цель: не коммуникация существует для человека, а человек для коммуникации. Происходит поглощение новых сфер человеческой деятельности в мире медиа. Самое сложное при этом – сохранить свою национальную идентичность, не потеряв себя. Здесь важно то, что межкультурная коммуникация выявляет принципы модернизации общества в контексте «глобальных» процессов мирового сообщества и способствует формированию плюралистических взглядов, толерантности и взаимопонимания между людьми и государствами. Таким образом,

важная сторона межкультурной коммуникации – ее плюрализм, многообразие и взаимодействие разных культур на этническом, национальном и цивилизационном уровнях. Эти уровни складываются в ходе адаптации общества к изменяющимся условиям медиасреды, под воздействием единого информационного пространства, общения и взаимодействия между разными народами посредством киберсферы. Современная коммуникация в условиях массмедиа – это совокупность печатной и экранной культур, визуальной и аудиовизуальной; в последние годы распространенными стали и такие понятия, как «электронная культура». В связи с влиянием глобальной медиасреды и повышением роли медиакультуры как интегратора модернизационных процессов, как посредника между властью и обществом, социумом и личностью, возрастает потребность в медиаобразовании как комплексном процессе.

Этические исследования способствуют нахождению морально-нравственных ориентиров для эффективного межсубъективного взаимодействия, а также общих устойчивых оснований динамично изменяющегося мира в условиях постоянно растущего числа кросскультурных коммуникаций. Поэтому значение процесса кросскультурных коммуникаций в жизни общества невозможно переоценить, еще важнее – создать все условия для максимальной организации созидательности этого процесса, способствовать тем самым сохранению культурного многообразия и взаимообогащения в условиях динамично развивающегося мира. Еще один глобальный процесс нуждается в научном осмыслении с позиции этики. Речь идет о тенденции объединения мировых культур в общее коммуникативное пространство, требующее у его субъектов новой кросскультурной компетентности, которая позволит вести созидательный диалог представителям любой культуры на всех уровнях коммуникации от мирового, межнационального до межличностного.

Демократическая межкультурная коммуникация национальных регионов содействовала возрождению национальной культуры народов. Средства массовой информации стали одним из проявлений роста их национального

самосознания. Однако в региональной коммуникации слишком робко ставятся вопросы о национально-культурной автономии, позволяющей в рамках новой формы общественного объединения не только сохранять и развивать национальную самобытность, но и преграждать путь межэтническим конфликтам.

Каким бы сложным и противоречивым ни выглядело историческое и современное развитие массовых коммуникаций, несомненно огромное значение межкультурной коммуникации для развития современной цивилизации. Сегодняшнее общество превратилось в «медиатизированный» социум, неспособный функционировать без средств массовой информации. Современные массмедиа оказывают возрастающее влияние на судьбы человечества, поэтому чрезвычайно важно, чтобы ее дальнейшее развитие происходило на принципах гуманизма, демократии, уважения и сохранения культурного многообразия народов мира.

Библиография:

1. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. М., 1994
2. Алексухин С.И. Формирование новых коммуникативных сообществ: электрон, многопредметный науч. журн. 2003. Т. 6.
3. Анохин П.К. Опережающее отражение действительности М., 1962.
4. Афанасьев В.Г. Социальная информация. М.: Наука, 1994.
5. Бабенко В.С. Виртуальная реальность. СПб.: Изд-во СПбГАК, 1996.
6. Бабенко В.С. Размышление о виртуальной реальности: ИТАР-ТАСС, 1996.
7. Барулин В.С. Соотношение идеального и материального в обществе / В.С. Барулин. М., Политиздат, 1977.
8. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман; пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М., Логос, 2002.
9. Белинская Е.П. Пространство, населенное другими / Е.П. Белинская, Е.Е. Жичкина. М., 2004.

10. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 2004.
11. Белл Д. Социальные рамки информационного общества. М., 1998.
12. Бергер П.Л. Понимание современности / П.Л. Бергер // Социология: хрестоматия / сост.: Ю.Г.Волков, И.В. Мостовая. М.: Гардарики, 2003. С. 395-402.
13. Бергер П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, ТЛукман. М.: Медиум, 1995. 323 с.
14. Бердяев Н. Самопознание / Н. Бердяев. М.: СП «ДЭМ»; Междунар. отношения, 1990. 334 с.

*Наток С.Х. – ст. преподаватель
кафедры журналистики и издательского дела
Кубанского социально-экономического института,
г. Краснодар*

Истоки транснационального тупика и освещение проблем диаспор в СМИ

Дискуссии о терминах «народ», «народность», «нация» и других, о составляющих их компонентах, а также о связях этих понятий с известными историческими формациями, можно сказать, стали традиционными. Об этом написано столько, что одно перечисление заняло бы значительное место. Высказывались самые различные мнения как о сущности этих понятий, так и о том, что их определяет. Такой варьетет суждений свидетельствует о том, что мы имеем дело с трудно поддающимся простому объяснению явлением. И волевым способом или путем голосования его решить невозможно. Здесь нужны объективные исторические, научные факты, а не подогнанные под тот или иной постулат авторитета как это было, например, в свое время с поня-

тиями «развитой социализм», «зрелый социализм» и т.д. Все это сильно напоминает сюжет русской сказки о золотой рыбке. Взять хотя бы поразительный универсализм термина «народность», который, конечно, с различными метафорическими добавлениями, но вроде бы успешно «обслуживает» четыре из пяти исторических формаций.

Или известные четыре признака нации: общность языка, территории, экономической жизни, психического склада, выражающегося в общности культуры. Во всех новых и новейших определениях нации они остаются неизменными с подключениями то общности происхождения или исторических судеб людей, то антропологических особенностей, а в последнее время и этнического самосознания, одним из составляющих которого является самосознание народа. Такая постановка вопроса, т.е. желание во что бы то ни стало разложить все по полочкам или выстроить в стройную линию, по которой можно легко и безошибочно пройти, не сворачивая в сторону и не блуждая в потемках истории, больше напоминает не научную концепцию, а удобную кому-то схему, за знание которой прилежный студент получает отличную оценку, а уважаемый профессор сохраняет свое теплое место. Между тем, такое упрощение вредит не только науке, политике, но и народам, потому что оно не способствует их дружеским взаимоотношениям, консолидации, а наоборот, разобщает, противопоставляет друг другу.

Почему-то существует мнение, что для многонациональных государств выгодным является деление народов на народы-нации и народы-ненации. Говоря другими словами, деление народов на нации и народности. Возможно, это и выгодно: легче командовать, легче указать каждому на его место. Но подобная дифференциация соседствует с преysкурантным определением гостя – первый сорт, второй сорт и т.д., где первый сорт – нация, благодаря своей многочисленности, может пользоваться теми благами, которые недоступны «младшим братьям», более того навязать им свою волю, а если они окажутся строптивыми, – надавить как следует. Все это не что иное как прокрустово

ложе: одних назвали национальным меньшинством или этнической группой, других – народностью, а тех, кому повезло – нацией или народом.

Народ или нация, видимо, не вещное, материализованное понятие, а субстанция духовной культуры, языка и, в целом, мышления. Нация, народ, народность как понятие ближе стоят не к дефинициям границы, государства, а к понятиям «культура» и «цивилизация». А народная культура – это как река, которая собирается из ручейков и сановится полноводной. Если ее развести по искусственным каналам, то она может исчезнуть.

В связи с этим основная нагрузка по решению миграционных проблем ложится на миграционные службы и ведомства. Именно они занимаются разработкой и внедрением в жизнь различных программ по урегулированию миграции, в том числе и обеспечению интеграции вынужденных мигрантов в местное сообщество. В миграционной политике особое внимание необходимо уделить вопросам, связанным с урегулированием межнациональных конфликтов, поиску «общего языка» между мигрантами и коренным населением. Никто не способен справиться с этой задачей лучше СМИ, ничто не способно так сильно влиять на массовое сознание, как средства массовой информации. Часто и правительство реализует свои программы через СМИ. Как это ни печально, но в последнее время средства массовой информации используются не в миротворческих целях, а напротив, как средство разжигания конфликтов, в том числе и межнациональных. Сегодня журналистика не только освещает деятельность социальных институтов, но контролирует и регулирует их деятельность. Миграционные процессы не должны быть исключением, СМИ должны контролировать и регулировать их. Не совсем понятно, почему средства массовой информации затрагивают миграционные проблемы только тогда, когда происходит какой-либо инцидент, связанный с крупными межнациональными конфликтами или же с очередным задержанием незаконных мигрантов. Как только резонанс вокруг этих скандальных проблем затихает, в СМИ считают, что раз конфликт исчерпан, то и проблем нет. Однако это не

так. Конфликт, получивший огласку на всю страну, напоминает крик души. Необходимо больше внимания уделять миграционным проблемам. Пусть эти проблемы кажутся на первый взгляд незначительными и легко разрешимыми, но именно они в конечном итоге и «взрываются» громкими скандалами. Несправедливо также и то, что основными материалами, публикуемыми в СМИ, являются скандалы и преступная деятельность небольших групп мигрантов, что подрывает доверие коренных жителей ко всей этнической группе. В СМИ напрочь отсутствуют материалы о тех мигрантах, которые честно трудятся, принося немалую пользу стране и региону. Такое освещение способствует формированию агрессивного отношения к тем людям, которые по тем или иным причинам вынуждены были покинуть свою родину в поисках мирной жизни. Средства массовой информации должны отмечать не только тот негатив, который приносят отдельные мигранты, но и все благоприятное, что связано с их притоком, зачастую даже не замечается. В наших СМИ не хватает именно положительных характеристик мигрантов. Благоприятного результата в решении миграционных проблем удастся добиться в том случае, если миграционные службы и правительство будут тесно сотрудничать со СМИ.

С позиции социологической науки, миграция населения – совокупность многоуровневых и многофакторных социальных процессов, объединенных представлением о пространственно-географических перемещениях людей, влияющих на изменения в этнодемографической и социально-стратификационной структурах отпускающих и принимающих обществ. Принятие решения о миграции, миграционное движение, адаптация на новом месте и процессы интеграции мигрантов в принимающее общество, реакция местного населения на мигрантов вообще и этнических мигрантов в частности находятся под влиянием разнообразных факторов, образующих сложную систему детерминант. Дифференциация миграционных потоков, образующихся под влиянием этнических факторов и имеющих те или иные следствия

для отдающих и принимающих обществ, позволит выработать критерии и конкретные ожидания применительно к каждому из них.

Миграционная тематика продолжает оставаться одной из самых популярных, в том числе в силу постоянного возникновения новых проблем. Необходимость продолжения внимательного изучения своеобразия и многообразия миграций на пространстве бывшего СССР в конце XX – начале XXI вв., которые с течением времени становятся историей, актуализируется их влиянием на текущее состояние и ситуации взаимодействия мигрантов и местного населения, острой потребностью в совершенствовании институциональных регуляторов, позволяющих сбалансировать интересы взаимодействующих сторон, обеспечить стабильность межэтнических отношений.

В современной журналистике отношения к проблеме депортации, несмотря на наличие двух противоположных течений либеральное и демократическое совпадает в том, что депортация как средство урегулирования межнациональных отношений была вызвана к жизни чрезвычайной ситуации войны. Против депортации выступает категорически представитель либеральной прессы («Новая газета» и «Российская газета»). Эти газеты позиционируют права человека. Консервативно-патриотическое направление СМИ «Газета Завтра», журнал «Кубань». Они тоже не видят в депортации путь и средство решения межнациональных конфликтов.

И перед СМИ России стоит сегодня главная задача, создание в стране климата, благоприятного диалога, культурного, экономического, и политического сближения.

Библиография:

1. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. М., 1994
2. Алексухин С.И. Формирование новых коммуникативных сообществ: электрон., многопредметный науч. журн. 2003. Т. 6.
3. Анохин П.К. Опережающее отражение действительности М., 1962
4. Афанасьев В.Г. Социальная информация. М.: Наука, 1994.

5. Бабенко В.С. Виртуальная реальность. СПб.: Изд-во СПбГАК, 1996
6. Бабенко В.С. Размышление о виртуальной реальности: ИТАР-ТАСС, 1996
7. Барулин В.С. Соотношение идеального и материального в обществе / В.С. Барулин. М.: Политиздат, 1977.
8. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман; пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002.
9. Белинская Е.П. Пространство, населенное другими / Е.П. Белинская, Е.Е. Жичкина. М, 2004.
10. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 2004.
11. Белл Д. Социальные рамки информационного общества. М., 1998.
12. Бергер П.Л. Понимание современности / П.Л. Бергер // Социология: хрестоматия / сост.: Ю.Г.Волков, И.В. Мостовая. М.: Гардарики, 2003. С. 395-402.
13. Бергер П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. М.: Медиум, 1995. 323 с.
14. Бердяев Н. Самопознание / Н. Бердяев. М.: СП «ДЭМ»; Междунар. отношения, 1990. 334 с.

*Паламарчук О. Т. – д.ф.н., профессор
кафедры журналистики и издательского дела,
ректор Кубанского социально-экономического института,
г. Краснодар*

Российская нация: проблемы, перспективы...

От словесной войны только шаг
До гражданской войны.
Е. Евтушенко

В своей книге «Космополитическое мировоззрение» У. Бек с горечью писал: «Кошмары XX века обнажили лик монстра, в которого современный национализм способен превратить человека» [2.С.228]. Весь XX век реакционный национализм под прикрытием ура-патриотизма, религиозной ортодоксии, чистоты крови и пр. разжигал вражду и ненависть между народами. Одной из причин, приведших к распаду СССР, был всё тот же безудержный национализм. Более того, джин буржуазного национализма, выпущенный из бутылки пролетарского интернационализма и советского патриотизма, продолжает отравлять отношение не только между странами СНГ, но и внутри них.

«Россия! Родина моя!» С полным основанием так могут сказать 145 миллионов человек, составлявших к началу XXI века семью из более 190 национальностей, народностей, этносов [4].

После 1991 года проблема межнациональных отношений не была решена. Хотя в стране возникла уже новая форма государственности, новая форма правления. В 1996 году даже принята Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. Но, вплоть до 2004 г., её реализацией занималось... 21 министерство. В итоге, «у семи нянек дитя без глазу».

В 2004 году В.В. Путин объявил, что мы имеем право говорить о российском народе как о единой нации. Реализацией национальной политики на новом уровне было поручено Министерству регионального развития (В. Яковлев), которое и подготовило новую концепцию. Суть её – «формирование единого многонационального общества» при консолидирующей роли русского народа. На её реализацию было выделено 10 млрд. руб., но вся суть в том, что национальный вопрос – часть социального. Вот почему без решения и разрешения социальных проблем (а это потребует не миллиардов, а триллионов рублей) питательная почва для национализма будет воспроизводиться вновь и вновь. Может быть, мы сгущаем краски? Отнюдь! По данным Всемирного банка, в России в 2004 году половина населения относилась к бедным. Причем разрыв между богатыми и бедными увеличивался у нас в сравнении с Западом быстрее. По данным социологических исследований число россиян, с надеждой смотрящих в будущее, в 2005 сократилось на 17 процентов [1].

Прошло почти 10 лет. И опять, теперь уже в 2012 году, Президент поручил Министерству регионального развития (И. Слюняев) разработать Федеральную целевую программу «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» (2014-2020 гг.). Программа была принята летом 2013 года.

Итак, в центре государственной национальной политики Федеральных властей стоит теперь укрепление единства российской нации. Нации, как о свершившемся факте. Правда – и это важно – при одновременном этнокультурном развитии народов России. Нацию нельзя создать искусственно. Нация – это процесс. Она формируется из этноса (этносов), вырастает из этноса (этносов) на базе объективно складывающихся исторических условий и факторов. Причем как внутренних, так и внешних. А вот ускорить процесс формирования общности людей в нацию, укреплять ее, может и призвано общеполитическая организация вырастающей нации – ГОСУДАРСТВО. Как, впро-

чем, и наоборот, замедлить – со всеми вытекающими негативными последствиями.

Когда было заявлено о формировании единой российской нации как о цели Правительства РФ, это вызвало неоднозначную реакцию в обществе.

Русские (русский этнос) были разочарованы и обижены таким невниманием к ним: «Мы – государствообразующий народ; нас почти 80 процентов в стране! А вы говорите не о русской нации, а о российской, не о нации русских, а о нации россиян!»

Нерусские этносы взволнованы и напуганы, ибо боятся потерять свою идентичность, боятся раствориться в новой исторической общности – российской нации.

На чьей же стороне правда жизни? Парадокс состоит в том, что и те, и другие правы в своих претензиях, и в то же время – и те, и другие не правы. Правы, когда смотрят в свое прошлое. Не правы, «если не видят и не понимают будущего». Это реальное противоречие российской действительности, которое нельзя игнорировать, которое нельзя разрешить в старых формах движения, в старых формах развития, в старых формах административного строительства. Не зря великий Гёте учил: «Некоторые полагают, что между двумя взаимоисключающими понятиями лежит истина. Ошибаетесь. Между ними лежит проблема». Лежат вопросы межэтнических отношений в формулирующейся российской нации.

Рассмотрим «обиды» русских, русского населения, русского народа. Объективно, историческая миссия русского народа, – и в этом его особенность, величие и проблема, – в том, что он не может реализовать себя в рамках своей этнической идентичности в чистом виде, в виде классической нации. Такой нации, которая формируется, вырастает из этноса. Такого этноса, что исторически компактно проживает на одной «своей» территории. Русские живут по всей матушке России, от Калининграда до Петропавловска-на-Камчатке, от Мурманска до Сочи. Живут, трудятся, перемешиваясь со всеми

народами, населяющими нашу великую страну. Поэтому они «вынуждены», как абсолютное большинство по отношению к любому российскому этносу, ассимилировать все народы Российской Федерации, одновременно ассимилируясь с ними, впитывая их прогрессивные обычаи, традиции, формируясь в великую российскую нацию, вырастая до нации россиян. Вот что должны учитывать изобретатели лозунга «Россия для русских!». Всякое действие порождает противодействие! Всякое насилие порождает ответное насилие!

А что же народы, не русские по этническому происхождению. Их в России проживает примерно одна пятая часть. Которые в массе своей в девяностые годы XX века с легкой руки Б.Н. Ельцина «взяли суверенитета столько, сколько смогли унести» и даже больше: «создали» республики, выбрали президентов, почувствовали «независимость» от центральной власти. То есть на территориях бывших автономных республик, областей, округов. Таких в РСФСР насчитывалось 31 образование. Вот почему политика федеральных властей по укреплению единства российской нации вызывает у них недовольство и даже отторжение. Точнее, не у простых татар, тувинцев, чеченцев, ингушей, и т.д., а у некоторых власть имущих в этих республиках. А у зарубежных «друзей» и поборников расчленения России на национальные кварталы и квартирники – даже панику. Ведь этак многонациональная страна, выросшая до российской нации, возмужавшая в борьбе с реакционным национализмом, вновь станет монолитной державой. Монстр XX века – реакционный национализм – опять пытается поднять националистическое цунами, ВТОРУЮ ВОЛНУ, не подозревая, что она захлестнет внутри России и поборников сверхсуверенитета.

И это тоже должны учитывать политики и идеологи всех мастей и уровней. Более того, к проблемам России сугубо внутринациональным добавляются волны миллионной миграции, создавая порой непредсказуемые последствия. Причем мигранты не спешат массово ехать в Поволжье, в Сибирь, тем более на Северный Кавказ: в Грозный, Махачкалу и т.д.

Наконец, еще одна проблема – внешнеполитическая. Россия граничит с 16 странами, и только 6 не имеет к нашей Родине территориальных претензий. А знают ли россияне, что в 1993 году был даже подготовлен проект договора между Россией и США о передаче за три млрд. долларов Восточной Сибири под юрисдикцию Соединенных Штатов.

Еще в 60-е годы прошлого века советские ученые П.М. Рогачев и М.А. Свердлин правомерно, по нашему мнению, подчеркивали, что «в литературе меньше всего освещены понятия и принципы, которые являются общими для всех наук, изучающих национальный вопрос» [4.С.5]. Эта истина остается актуальной и в наши дни.

Разберем самый «простой» вопрос: «Что такое НАЦИЯ?». И каждый, кто прикоснется к этой проблеме, с удивлением обнаружит, что определений «нация» великое множество. Выскажем и мы свою точку зрения.

Во-первых, нация – категория историческая. Она не всегда была и не всегда будет... К тому же есть этносы, которые в процессе эволюции или ассимилировались, или ассимилируются с другими, формируясь в нацию.

Во-вторых, нация вырастает из этносов (этноса), проживающих исторически на общей территории и говорящих на родственных языках.

В-третьих, если история этносов уходит вглубь тысячелетий (род-племя-народность, причем разного уровня и масштабов), то первые нации появились два-три века назад, в ходе буржуазных социальных революций. Причем процесс формирования буржуазных наций продолжается на планете и сейчас.

В-четвертых, каждая нация создает свою общеполитическую организацию-государство для защиты суверенитета; в свою очередь, национальное государство (власть) цементирует и развивает нацию в устойчивую общность.

В-пятых, нации образуются тогда и постольку, когда и поскольку натуральное хозяйство заменяется машинным производством, когда возникает рынок средств производства.

В-шестых, формирующаяся нация через государственную власть принимает общие законы торговли, защищает свой общий экономический интерес – национальный рынок – против хозяйственной раздробленности внутри страны и против конкурентов извне.

В-седьмых, нация не может не формировать свой ЕДИНЫЙ экономический хозяйственный комплекс; единую транспортную систему, единую связь, тысячные технологические связи между предприятиями страны.

В-восьмых, в нации все равны перед законом, все становятся юридически равноправными ГРАЖДАНАМИ своей страны; в нации исчезают (должны исчезать) сословные, кастовые, клановые и т.п. привилегии.

В-девятых, нация – это общий литературный государственный язык, закреплённый государственным законом, общая культурная политика, защищающая духовную и материальную культуру всех народов – и больших и малых, – проживающих в рамках единого государства.

В XXI веке человечество вступило, имея в своем составе более 200 стран. И хотя на планете насчитывается сейчас более пяти тысяч(!) этнических образований, нет практически ни одного моноэтнического государства. Тем более что процесс перемешивания народов нарастает. Нарастают процессы глобализации. Усиливаются попытки глобального управляющего класса сверхкапиталистов подчинить своим интересам всех землян. Подчинить, кроме прочего, и через разжигание национализма, через сталкивание народов, этносов друг с другом. И прежде всего, в таких государствах, как многонациональная Россия. Ни один этнос, ни одна народность, ни один народ, даже многомиллионный, проживающий бок о бок в великой евразийской стране, не выживет в одиночку. Тем более — в условиях глобализации.

*

*

*

Во времена СССР в стране был нефтепровод «Дружба», на выставке достижений народного хозяйства в Москве – фонтан «Дружба», даже работала

бензопила «Дружба». В Грозном одну из площадей города украшал памятник: плечом к плечу на одном постаменте стояли русский Николай Гикало, чеченец Асланбек Шерипов и ингуш Гапур Ахриев. Это был символ дружбы народов, символ общей борьбы и судьбы. В 90-е годы, в годы военных действий, памятник разрушили. Но фундамент, пьедестал оставался...

P.S. В настоящий момент памятник восстановлен!

Библиография:

1. «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России». Федеральная целевая программа. www.minregion.ru
2. Аргументы и факты. Газета.
3. Бек У. Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008.
4. Рогачев П.М., Свердлин М.А. Нация. Народ. Человечество. М.: Политиздат, 1967.

*Парастаева М. –
заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы
ЮОГУ им. А.А. Тибилова,
г. Цхинвал*

Архитектонические особенности публицистики Н. Джусойты (последнее десятилетие XX – начало XXI вв.)

Глубоко убеждена: всё происходящее в нашей новой действительности, все попытки гуманизировать потраченное освободительной войной самосознание граждан Южной Осетии имели бы привкус вульгарного «этнографического спектакля», если бы не универсальность творчества патриарха осетинской литературы академика Нафи Джусойты.

Нет лучшего животворящего примера для каждого из нас таинства преобразования «истории в культуру» [1. С.25], чем неразделимость жизненной и творческой совести Нафи. Это – вектор путей нашего культурного сосредоточения. Когда границы прежних доминант размываются новой логикой, но формы нового общежития пока ещё вне центрифуги гармоничных обретений, сила личности, творящего прямой диалог с соотечественниками – это тоже вехи истории!

А раз нам пока ещё неведомы «литературные вкусы» Бога (так однажды Борхес отметил тщетность поиска истины в мире людском), то лучшая нам доля – труд самодетерминации рядом с теми, кто создавал свою эпоху с каждого «нулевого градуса» национальной аксиологии. Публицистические выступления многоуважаемого Нафи Григорьевича Джусойты – зримый пример того, от кого может зависеть прочность и непоколебимость каркаса духовности народа!

И когда национальная идеология вдруг опять «даёт крен» к очередным потерям, соотечественники вновь и вновь считают для себя необходимым быть в диалоге с писателем, поэтом, ученым, миросозерцательность которого по-прежнему одна из действенных опор и границ культурного равновесия. И потом невозможно не считаться с тем редким явлением, которое, как бы мироустройство ни теряло свои ориентиры к истине, не утрачивает возможностей своей интеллектуальной продукцией «обогащать события бытия», ибо есть в творчестве Нафи редкое умение, говоря словами Бахтина, «всестороннего переживания состава бытия». [Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества [1.С.105.]. И, вновь ссылаясь на Бахтина, считавшего, что авторское положение в художественном целом все-таки ограничено самой логикой жизни, «живым сопротивлением событийной реальности бытия» [1.С.184], отмечаем, что публицистические «выплески» нашего гениального современника – свидетельство особой пластичности свободного сознания, способного на «ментальные» синтез и анализ происходящего, готового «сердцем пальца»

пальпировать латентные симптомы начала и конца смен общественных и духовных стереотипов!

При всем том особенным образом надо подчеркнуть очевидную партию авторской деликатности, его нежелание инфицировать собой и своими мировоззренческими императивами окружающих, полное отсутствие дидактичности и менторской тональности в любых текстах, чего или кого бы ни касался Нафи Григорьевич в своих размышлениях или воспоминаниях!

И хотя сердцебиение времён, в которых живет и творит Нафи, многожды нарушалось войнами (Нафи Григорьевич – участник Великой Отечественной войны, затем свидетель неонацистской попытки, длившейся в судьбе горячо им любимой Родины более двадцати лет), нет в публицистических трудах поэта-академика особого пафоса или патетики от воинствующего всезнания свидетеля, пережившего вековые потрясения. Напротив, пульсирующая эстетика спокойной мудрости во всех публицистических текстах, особенно нынешних, уже гештальты, в которых, как непреходящие ценности нации, сосредоточены мысли Нафи Джусойты и о мироустройстве, и обо всех нас, «обелённых» высокой аскезой нашего гениально современника!

Однозначно, ученым и писателем вскрыто ноуменальное дно прасущности бытия с его постоянно ускользающими обретениями! Оттуда родом, должно быть, при всей ошеломляющей пассионарности Нафи, такие же ошеломляющие спокойствие и простота этой уникальной личности.

Успех всех публицистических выступлений Нафи Григорьевича убеждает: нередко авторские интерпретации делает актуальным не только то, на что считал нужным отозваться учёный, писатель, поэт в своих статьях и выступлениях! Становилось актуальным и то, как он это делал! Причем мы не всегда понимаем, что, читая публицистические выступления Нафи, становимся свидетелями редкой метаморфозы превращения авторской мысли-боли, рожденной в алогичных пространствах творимой всеми нами истории, в животрепещущее культурно-интеллектуальное вместилище бесконечности ис-

тины! Траектории её императивов Нафи прокладывает в органике двух родных языков. В нашем случае – в органике «материнского» осетинского языка и «отчего» русского!

Ощущение устойчивой амбивалентности и гармонических договорённостей этих двух пространств в творческой лаборатории Нафи делает все его публицистические произведения немаловажным явлением культурного равновесия в нынешнем пространстве не только РЮО, но и всего постсоветского культурного поля. И именно публицистика Н.Г. Джусойты позволяет увидеть, что писатель и публицист оставляет за собой непростую, фактически миссионерскую задачу – быть хранителем и проводником лучших литературных традиций. Он – как арка, создающая сферу надежды и надежности, если даже мир сотрясается от бедствий и катастроф.

В ярких авторских зарисовках, облагороженных магией стиля Нафи, герои публикаций становятся ёмкими иллюстрациями всё новых комбинаций животворящих контактов между людьми и народами.

А бесподобная лиричность и исповедальность патриарха собирают многих мыслящих и равнодушных тревогой по поводу дегуманизации духовного каркаса человечества и сопутствующих этому необратимостью потерь.

Здесь аргументированные им нравственные приоритеты удивляют неожиданной широтой колеи поиска истины, оставляемой писателем и публицистом в диалогах с нами. Нафи давно уже не заботит, какие издания будут инициировать его публицистические труды. Сила мысли учёного, его прозорливость и противостояние всему алогичному, что может исказить будущее, становятся основными лейтмотивами культурно-исторических процессов современности, полностью реализовывая этимологическую герменевтику термина «публицистика» – «общественный».

Понятно, что «колея» Нафи широкой будет настолько, насколько:

а) полно детерминирована соотнесённость публицистики Нафи с её контрагентом – общественным мнением;

б) виртуозно владение им Словом на двух языках инфицирует современность.

Автор сам блистательно переводит свои и публицистику, и художественные произведения с осетинского на русский язык, и, наоборот, с русского на осетинский. Нередко кажется, что продуктивность творчества Нафи Григорьевича Джусойты равна работе целого коллектива литературоведческого сектора значительного научно-исследовательского института.

Истинно для Нафи то, что любовь к России как к Родине – «Не русский я, но россиянин» [2. С.13.] – позволяет эту многомерность «украшать своим трудом и творчеством, а если и понадобится, то защищать её честь всем существом своим, вплоть до самопожертвования». [Статья «Что значит быть россиянином?»]. Автор подчёркивает, что здесь работают «сердечная суть и веление разума», а не паспортные свидетельства о гражданстве!

Очень своевременно расставляются акценты присутствия для осетин-южан в российском пространстве в контексте реалий сегодняшнего дня!

И сама идея служения, как говорит Нафи, «нашей общей Родине» для автора – солдата – прецедент исторический: она длиною в 70 лет – от Великой Отечественной войны в XX веке до последних освободительных войн в Южной Осетии. Наиболее полно гражданское и творческое кредо всей своей жизни Н.Г. Джусойты определил в своём юбилейном интервью газете «Южная Осетия» от 27 февраля 2005 года: «Это лирическая исповедь перед людьми и Богом, прошлым и грядущим, перед современностью и вечностью» [3.С.2]. Для поэта-писателя-публициста такие одновременные апелляции и к Богу, и к людям, прошлому и грядущему, проблемам сегодняшним и вечным – естественны, если они несут в себе в этом триединстве неизбежную и жертвенную любовь к Миру! И также естественно трезвое умение говорить

«правду о человеческой сущности и состоянии общества, в коих осуществляются императивы жизнетворчества людей».

А когда мир реального насыщен талантливо реализуемым в художественном тексте авторским «мировидением, мирочувствованием, миропониманием», на алтарь приносится необыкновенной смелости жертвоприношение – изнанка простёртой между Богом и людьми души!

Такой титанический труд нисколько не мешает публицисту сохранить особенную гражданскую зоркость, как сказали бы наши предки, «зоркость орла», в обнаружении новых талантов. Многие начинающие авторы в разное время заслужили искренние приветствия патриарха.

Именно в публицистических выступлениях Нафи мы воочию созерцаем светлую, доверчивую экстравертированность мыслителя, убеждённого в одарённости каждого своего коллеги-современника, если только он способен нести все ёмкости смыслов, начинающихся со слов «миро...»!

Несомненно, современникам понадобится ещё время для настоящей, полной и адекватной оценки обнимающего всех уникального заряда активного добра Нафи Григорьевича и его искренних ожиданий равенности с каждой талантливой инициацией в литературе.

Ожидание нового таланта, перефразируя Ф.М. Достоевского, «признак высочайшего развития личности, высочайшего его могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы собственной воли... Такое возможно при самом сильном развитии личности». Не случайно так прекрасна исповедь красивой зрелости гения: «Моя жизнь в моём разумении начинается сызнова каждое утро. И каждое утро я начинаю с приветствия: «Здравствуй, солнце!»

Такова философия мирозерцательности гения, признающего свою зависимость от двух составляющих просветленного высокого присутствия – солнца «над» и «внутри»! Понятно, почему не может быть исчерпан интерес широкого слоя гражданского общества к духовной и интеллектуальной про-

дукции Н.Г. Джусойты, появляющейся достаточно часто в периодической печати России и Кавказа.

Каких только эпитетов коллег и почитателей не удостоивался Нафи.

«Наша надежда, наш наставник» – Ш. Джигкаев, «Продолжатель дела Коста» – А. Магометов, «Поэт. Ученый. Гражданин» – Б.Хозиев, «Соловей осетинской литературы» – Г. Плиев, и много иных тёплых и благодарных слов не только соотечественников!

При всем том сам Нафи не приемлет славословий, просто их не слышит, ибо сосредоточен теперь на другом – «каждое утро приветствовать солнце»!

Эта аллюзия на замечательную реплику Диогена, адресованную А. Македонскому: «Отойди, ты заслоняешь мне Солнце!», говорит о многом. В том числе и о том, что всё – суета, если ты не успеваешь оставить свою исповедь «перед людьми и Богом, прошлым и грядущим, перед современностью и вечностью»! [3.С.2]

В той же «Южной Осетии» от 5 февраля 2011 года Нафи Григорьевич, отвечая на вопрос газеты: «Каких приоритетов должно придерживаться наше общество в своём развитии и становлении?», заговаривает о богоподобии человека-творца таким образом:

«Я далёк от религиозных сентенций, но мне нравится мудрая библейская максима – «И сотворил Бог человека по образу своему, по образу Божию сотворил его...». Этим можно гордиться, но этого следует и страшиться как великой ответственности перед Создателем и перед вселенной...»

Именно творчество, подчёркивает писатель, уподобляет человека его создателю, и надо бы быть им хотя бы небольшого, «муравьиного роста». Поэтому цель человеческая – «творение материальных и духовных благ жизне-созидания и развития человеческой личности на пути её становления бого-равной». Апелляция к библейским аллюзиям была совершенно неприемлемой для публицистического и даже эссеистического творчества Нафи двадцать лет тому назад! Вероятно, сегодня эти сентенции подаются читателю с наде-

ждой найти единомышленников в том, что для «труженика-творца» все излишки мирских благ разрушают замысел Бога и делают жизнь человека «безнравственным деянием»!

Сам Нафи давно живёт «над бытом», бесподобно неприхотлив и на зависть продуктивно трудится в своём маленьком, темном, насквозь простреленном во время двух воин кабинете Юго-Осетинского НИИ! Такая «лёгкость бытия» позволяет неотягощенному мирскими задачами сознанию левитировать свободно и бесстрашно. Хотя, как отмечает Нафи Григорьевич в статье, посвященной юбилею Бестауты Георгию в мае 2012 года, левитация эта тоже приносит боль: «Мысль поэта кружится над планетой людей, познаёт все «мировые потрясения» и «горе каждого двора» в этом многомиллиардном мире. И такое познание неизбежно приносит талантливому и сердечно мыслящему поэту неизбывные страдания до смертного часа»... Поэту необходимо это «двуединое деяние – «мыслить и страдать»!

Поразителен и великолепен слог Нафи, исподволь подбирающегося к истине! Всякий раз в попытках приблизиться к божественному заданию, к этому таинственному и беспокоящему зову соответствия – сотворчества, в органике текстов появляются двусложные слова в совершенной новой интерпретации. В транскрипции Нафи они как скрепа огромных пространств, потерявших антагонизм линейной мысли. Уж воистину, это – подсознательное усилие жизнеутверждающего таланта противостоять той самой боли, что появляется тогда, когда, перефразируя Г. Гейне, через «сердце поэта проходит великая мировая трещина».

Нам же опыт цельности подарила сама судьба, позволившая вот уже скоро 70 лет наблюдать, как гениальное мировидение поэта-публициста выстраивает оригинальную вязь присутствия на материале двуязычия, осетинского и русского языков. Отсюда в удивительных его концептах «мировидение», «мирочувствование» и «всеотнимающее время» хоть и ощущается пульсация тревожной дихотомии, позволяющей взаимоисключающую одно-

временность «разбрасывать» и «собирать» камни, для себя Нафи Григорьевич первое десятилетие XXI века определяет все-таки как «время собирать камни». А масштабы поражают, ибо, «собирая камни», автор касается всех срезов общественной парадигмы: социологии, истории, философии, политологии, литературы, как основы человековедения, лингвистики, как коммуникативно-го инструмента оперативной инициации мысли, этики и эстетики присутствия творческой личности в общежитии людском и так дальше и дальше!

Широта взглядов, бесспорно, результат работы полученного в наследство синкретизма от древней русской литературы, вполне закономерного для «юношеского» состояния общенациональной культуры, совпадающего с особенностями нашего развития. Разумеется, все стороны публицистической деятельности Джусойты нуждаются в самом пристрастном исследовании. Необходимо, наконец, увидеть во всеобъемлющем значении его творчества позиции и писателя, и публициста – коммуникатора в огромном информационном пространстве Осетии и России на стыке двух столетий.

Причем, для культуры Осетии этот период – вехи все-таки неоднородного состояния во взаимоисключающих пространствах: от абсолютного внимания советского государства к духовной продукции народа-реликта (сердцевина XX века) до полного информационного вакуума о народе и для народа (конец двадцатого столетия). Затем, когда в начале XXI века интерес к судьбе осетин-южан становится неоднозначным, творчество Нафи стало своеобразной индульгенцией для всех нас! А публицистика нашего именитого соотечественника, в свою очередь, мощным препятствием всяческому юродствованию просветителей-однодневок!

Первое десятилетие нового столетия свидетельствует: сложились многие объективные причины говорить о том, что в возможностях возрождения и сохранения лучших литературных традиций в Южной Осетии, публицистическое творчество Нафи Григорьевича Джусойты представляется той точкой бифуркации, которая призовет к жизни самые разные векторы обновлений.

Но это будут здоровые зародыши правильных общественно-политической и культурно-образовательных обновлений. Благодаря Н.Г. Джусойты поколения начинающих литературоведов имеют лучшие иллюстрации инициации патриотической мысли и многих других высоконравственных гражданских позиций, ибо имеют счастливую возможность наблюдать, как рождаются статьи и речи Нафи, чего касается мыслитель в своих интервью, открытых письмах, эссеистических зарисовках и блиц-комментариях.

Погружение в дискурс многообразного публицистического материала Нафи позволяет констатировать в обрушившейся в очередной раз системе человеческих ценностей (а у нас есть ещё и примеры ценностных крайностей — от позиций дружбы и братства народов к их агрессивному противостоянию на постсоветском пространстве), потрясающую мировоззренческую толерантность. Она демонстрирует особенную смелость авторского «над-стояния» перед сиюминутными или близорукими интерпретациями событий современниками-соотечественниками. И, конечно, не может не тревожить то, что в контексте обывательских оценок между прозорливостью публициста-коммуникатора такой мощи и читательской аудиторией допускаются искажения. И они настолько уродуют мысль автора, насколько диапазон читающего не позволяет полноценно идти по следу мысли Нафи. Очень важно в таком случае избежать aberrаций в понимании границ между толерантностью гения и человеческим нравственным релятивизмом!

В сложившейся социокультурной ситуации нашей истории релятивизм — та самая умерщвляющая мысль и жизнь нулевая позиция, за которой в системе всех наших с кровью обретенных ценностей наступает небытие творца. Такого не может случиться с творчеством Джусойты!

Таким образом, ценностный потенциал публицистики Нафи вызывает к необходимости изучения этого материала и с точки зрения аксиологии. Только так мы сможем приблизиться к изучению фундаментальных основ мировоззрения нашего великого современника-мыслителя, явившегося одним из

немногих значительных символов мудрого сопровождения истории своего народа. Исследование публицистики Нафи совпадает с его творческой эволюцией, идущей в унисон со всей историей становления его Родины. Но это – истории и России, и Осетии!

Таким образом, изучение публицистической деятельности Джусойты – это ещё прикосновение к тому мощному этническому компоненту, без которого не мог состояться разбег центростремительных сил в становлении позиций равенности литературных и духовных взаимозависимостей в ментальности братских народов.

Библиография:

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Джусойты Н.Г. Моя Россия // Россия в моей жизни. Цхинвал 2011. с. 13.
3. Джусойты Н.Г. Юбилейное интервью. «Южная Осетия» от 27 февраля 2005.
4. Джусойты Н.Г. Южной Осетии, от 5-го февраля 2011.
5. Джусойты Н.Г. Поэт истинный – бессмертен. «Южной Осетии» от 7 июня 2012.
6. Джусойты Н.Г. Жизнь и творчество. Библиографический указатель. Владикавказ. 2008 г.

*Паршина М.В. – аспирант
кафедры общего языкознания и речеведения,
Астраханский государственный университет,
г. Астрахань*

**Национальный колорит анекдотов
(на материале региональной прессы XIX-XX веков)**

Территорию Астраханской области на протяжении многих веков населяют представители различных национальностей, в корпусе текстов которых отражается мировидение той или иной культуры. Одной из ярких по выразительности номинативных единиц, репрезентирующих национальный колорит, национальный характер, культурные ценности этноса является, на наш взгляд, текст анекдота. О связи культуры нации с текстом анекдотов писали многие лингвисты (Е.Н. Абдразакова, 2007, Е.А. Хрущева, 2009, В.И. Карасик, 2004 и другие). Однако специфика нашего изучения текстов анекдотов состоит в принадлежности к астраханскому многонациональному региону.

По мнению О.Г. Дубровской, анекдот «представляет собой некоторый образец мыслительного восприятия и интерпретации конкретного события реальной (или вымышленной) действительности носителями той или иной культуры» [2]. По данным исследования анекдотов астраханской прессы мы выявили, что анекдот репрезентирует ту или иную культуру с помощью относительно постоянного набора номинативных единиц.

В связи с тем, что в XIX веке представители восточных национальностей составляли обширную часть населения Астрахани, в первой региональной газете «Восточные известия» размещались тексты восточных анекдотов. Одним из главных репрезентантов восточных представителей являются имена героев и номинации реалий. Так, в «Восточных известиях» находим анекдоты: о мулле и султанине (№ 3 от 12 февраля 1813 г.); о двух персианинах, слу-

живших шаху Надыру (№ 5 от 26 февраля 1813 г.); о царе Калифе Абдул-Вехаба (№ 33 от 10 сентября 1813 г.); о персидском царе и человеке по имени Миоза из Макерана (№ 43 от 19 ноября 1813 г.), что, несомненно, иллюстрирует типичные восточные имена.

Также разнообразные средства репрезентации национальностей находим в астраханской газете «Комсомолец Каспия» в период с 1957 года по 1993 год. Рубрика, в которой были размещены анекдоты, называлась «Иностранный юмор». Однако в некоторых номерах колонка анекдотов находилась под такими названиями, как «Из юмора северных стран» (№ 147 от 9 декабря 1962 г.); «Из шведского юмора» (№ 76 от 26 июня 1963 г.); «Шутят польские друзья» (№ 105 от 1 сентября 1963 г.); «Из польского юмора» (№ 121 от 9 октября 1963 г.). Подобные названия позволяют погрузиться читателю в юмор той нации, которая заявлена в названии. Отметим, что в текстах анекдотов, размещенных в названных выше рубриках, могут и не встречаться другие пометы, указывающие на какую-либо нацию. Под анекдотами, репрезентирующими национальность, печатались названия стран: Англия, Канада, Аргентина, Германия, Югославия. Обратимся к рубрике «Зарубежный студенческий юмор» в № 1 от 1 января 1959 г.:

1) Профессор: Какие три слова чаще всего употребляют студенты?

Студент: Я не знаю.

Профессор: Совершенно верно! (Англия)

2) Бранко, студент музыкального училища, пригласил своего приятеля по общежитию студента технического вуза, на концерт.

— Идем скорее, Бранислав, — торопил приятеля Бранко, — концерт уже начался.

— Что они исполняют?

— Девятую симфонию.

— Черт возьми! Значит, мы уже опоздали на восемь первых (Югославия).

Как видим, во всех текстах анекдотов указана принадлежность к определенной стране. Однако в первом тексте нет других языковых маркировок, позволяющих идентифицировать текст анекдота с англичанами. Во втором тексте анекдота, помимо указания страны, главными участниками коммуникативной ситуации являются два студента с типичными югославскими именами — Бранко и Бранислав.

Обратим внимание, что наиболее популярными являются польские анекдоты. Так, типичное польское имя Ковальский в сочетании с вежливой формой обращения пан, популярной в ряде славянских языков, встречается в нашем исследовательском материале шесть раз. Например,

1) Пан Ковальский пишет завещание: «Миллион золотых оставляю своей жене, полмиллиона — дочери, триста тысяч — сыну». Внезапно прерывает письмо: «Но где, черт возьми, я найду такую кучу денег» (Комсомолец Каспия №121 от 09 октября 1963 г. Рубрика «Из польского юмора»).

2) — Послушайте, рядовой Ковальский, — говорит сержант, — уже третий раз в этом месяце вы просите увольнительную по случаю болезни отца.

— Я тоже так думаю, товарищ сержант, не симулирует ли случайно папаша (Комсомолец Каспия № 102 от 28 ноября 1968 г. Рубрика «Из иностранного юмора»).

Вымышленная щедрость Ковальского в первом анекдоте и языковая находчивость второго Ковальского реализуют комизм анекдотов и репрезентируют польского представителя.

Популярными онимами, объективирующими принадлежность текстов анекдотов к польскому юмору, являются названия городов. Например,

— Папочка, где ты родился?

— В Кракове.

— А мамочка?

— В Познани.

— А я?

— В Варшаве.

— Это счастливая случайность, что мы все вместе встретились (Комсомолец Каспия №136 от 14 ноября 1962 г. Рубрика «Иностраный юмор»).

Как видим, в одном тексте заявлены три польских города. Следовательно, сомнений в том, что анекдот является польским, нет.

Оним является одним из самых востребованных средств репрезентации в текстах из «Комсомольца Каспия». Увидев такие распространенные имена героев, как Польша, Пьер, Жан, Джон, сознание читателя воспроизводило ассоциативный ряд имеющейся информации о конкретной стране и о жителях этой страны.

В выявленных нами текстах анекдотов из газеты «Комсомолец Каспия» в завязке указывается локальная координата действия анекдота, что также позволяет читателям спроецировать анекдот с конкретной нацией. Например,

1) В одном городке юга Италии произошло небольшое землетрясение. Родители мальчугана Луиджи решили на время отправить своего сына к дяде на север.

Спустя несколько дней от дяди пришла телеграмма: «Отсылаю племянника обратно. Присылайте лучше землетрясение» (№ 65 от 29 мая 1960 г.).

2) На Нью-Йоркской улице мальчик-продавец газет выкрикивал:

«Грандиозная афера! Пятьдесят человек обмануто! Грандиозная афера!»
— Прохожий, купив газету, быстро ее просмотрел и обратился с возмущением к продавцу:

— Я тут ничего не нахожу!

— Но мальчик бежал дальше крича: Грандиозная афера! 51 человек обманут (№ 75 от 06 июля 1962 г.).

3) В Голливуде на приеме кто-то обратился к известной кинозвезде:

— Какое у вас чудесное и оригинальное ожерелье!

— Это память о моих мужьях.

— О мужьях?

— Ну конечно. Ведь оно сделано из обручальных колец (№ 62 от 26 мая 1963 г.).

Топонимические единицы, использованные в анекдотах, отсылают читателя в конкретные географические места, а значит, тексты анекдотов обрамлены колоритом представителей, проживающих на этой территории.

Распространенным языковым явлением, репрезентирующим национальность, являются номинативные единицы, называющие характерные для нации реалии, в основном денежные единицы: доллары, центы, франки. Несмотря на то, что названия валют составляют фон анекдота, они являются одним из выразительных приемов репрезентации национальностей в выявленных нами текстах анекдотов.

Итак, наиболее востребованным способом репрезентации национальностей в анекдотах являются имена собственные. Кроме этого, фоновая информация создает национальный колорит, который позволяет определить конкретную национальную принадлежность анекдота.

Библиография:

1. Абдразакова Е.Н. Сопоставительный когнитивный и лингвокультурологический анализ русских, болгарских и английских анекдотов : автореф. дис.. канд. филол. наук. Тюмень, 2007. 28 с.

2. Дубровская О. Г. Лингвокультурологические особенности русских и английских анекдотов (к проблеме описания культурологических и структурно-семантических компонентов текста анекдота) www.lib.csu.ru/vch/137/010.

2. Курганов Е. Анекдот как жанр. М.: Академический проект, 2003. 128с.

3. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.

4. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 367 с.

5. Химик В. В. Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры // Анекдот как феномен культуры: мат-лы круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С.17-31.

6. Хрущева, Е. А. Национально-культурная основа анекдота (сопоставительный анализ английского, французского и русского языков): автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2009. 28 с.

*Петрова Н.Н. – к.ф.н.,
профессор кафедры журналистики и издательского дела
Кубанского социально-экономического института,
г. Краснодар*

Психологические универсалии казаков и горцев в произведениях публицистов XIX века

Своеобразие кубанской жизни состоит в многонациональности, многоязычии, многокультурности, что объясняется взаимопроникновением, взаимодействием, взаимовлиянием культур различных этносов и социальных групп: адыгов, казаков (русских и украинцев), черкесо-гаев (коренных армян), греков, татар, осетин, немцев и многих других народов. В основе – материальная и духовная культура горцев и славянского казачьего населения, которая центральной России практически неизвестна, как неизвестна и миллиону мигрантов-перселенцев, приехавших в постперестроечное время в край из «ближнего зарубежья». В общественном сознании с дореволюционных времен казак по-прежнему воспринимается как представитель военно-служилого сословия, бунтарь и разбойник. С позиций советской идеологии их также представляли то борцами за народное дело (Кондратий Булавин, Степан Разин, Емельян Пугачев), то «держимордами» самодержавия – усмирите-

лями врагов государевых. Эти стереотипы отчетливо проявляются и в современном массовом сознании.

В регионе по проблеме казаки-горцы известны работы историков, этнологов, культурологов, лингвистов: П. Аутлева, Н. Бондаря, И. Добаева И. Куценко, Т. Кумыкова, М. Куракеевой, О. Матвеева, С. Мафедзева, В. Ратушняка, В. Ракачева, Я. Ракачевой, Д. Ракачева, К. Унежева, А. Хагурова, Р. Хашхожевой, Ш. Хута, В. Шкуро, К. Шаззо, В. Чумаченко, Ш. Хута и других.

В то же время опыт межэтнических отношений казаков и горцев в духе толерантности можно позаимствовать и из многочисленных примеров в кубанской исторической публицистике. В первую очередь, это беллетризованная публицистика и историко-этнографические произведения «отца кубанской казачьей культуры», ученика Кирилла Россинского и друга Тараса Шевченко Якова Герасимовича Кухаренко (1799-1862) (псевдоним – Кухар Яцько).

Я.Г. Кухаренко, атаман Черноморского казачьего войска (ЧКВ) – один из самых просвещенных руководителей Кубани: историк, писатель, этнограф. Он оставил ценное творческое наследие. В очерках «Исторические записки о войске Черноморском» и «Пластуны» автор не обошел вниманием взаимоотношения черноморцев с закубанскими народами. Подчеркивая, что аланский паша по приказанию Оттоманской Порты разжигал недоверие черкесов к черноморцам и России, Кухаренко пишет: «Тогда же некоторые племена начали искать дружбы казаков и правительства России. Предводители бжедугов явились к кошевому Чепеге с представлением мира и обещанием прибыть в подданство России. Чепега угощал, ласкал их и, уверив в искренности и своем к ним дружелюбии, расстался с ними по-приятельски, и доложил о том Таврическому губернатору. Такие дружеские сношения с черкесами были весьма полезны для черноморцев» Став впоследствии начальником штаба и наказным атаманом войска черноморского генерала, Кухаренко в своих действиях придерживался той же соседско-дружественной политики. «Историче-

ские записки», благодаря насыщенности фактическим материалом, не утратили своей ценности и в наше время.

Историко-этнографический интерес представляет творчество публициста-мемуариста, «интеллигентного черноморца 40-х годов» Василия Федоровича Золотаренко (1818-1872): этнографический очерк «Плач Василия при реке Кубани», биографический очерк о протоиерее Кирилле Васильевиче Россинском, мемуары «Все идет своим порядком к вечности...», «Из дневника».

У выдающегося дореволюционно историка Кубани, страстного публициста и литератора, автора энциклопедичной «Истории Кубанского казачьего войска» (1913 г.), Федора Андреевича Щербины (1849-1936), есть интересный историко-этнографический очерк «История Армавира и черкесо-гаев», изданный отдельной брошюрой в Екатеринодаре в 1916 году.

Особого внимания заслуживает опыт культурно-нравственного и социально-бытового общения казаков и горцев, зафиксированный в историко-публицистическом творчестве Ивана Диомидовича Попки (1819-1893). Уроженец Тимашевского куреня, И. Попка получил образование в Московской духовной Академии, знал десяток иностранных языков, имел самую большую домашнюю библиотеку среди местной интеллигенции. Его монографии, статьи и очерки были явлением на страницах газет и журналов в Екатеринодаре, Тифлисе, Харькове, Санкт-Петербурге.

Всматриваясь в тематику и жанровое своеобразие публицистики И.Д. Попки, видим, что его волновали вопросы, связанные с событиями на Северном Кавказе, история народов его населяющих: черноморского (кубанского), терского казачества и западных адыгов. В своих работах он полнее и глубже других вникает в психологию этнокультурных взаимосвязей казаков и горцев. Как историк он исследует многосторонние контакты с горцами – торгово-экономические, политические и культурные.

Как публицист стремится то задушевно, то пафосно, но искренне и честно передать чувства, психологию, устремления русских людей, казаков, и людей, объединенных в этническую общность, известную в Европе и России под названием «черкесы».

Адыги – (общее самоназвание предков современных адыгейцев, черкесов и кабардинцев) – один из самых древних народов на Северном Кавказе. В дореволюционной российской литературе они были больше известны под общим названием «черкесы». Область расселения западных адыгов именовалась Черкессией (шапсуги, бжедуги, абадзехи, пшехи, темиргоевцы, махощевцы, натухаевцы, хакучинцы, убыхи, хатукаевцы, адамиевцы, егерухаевцы, жанеевцы и др.), а восточных – Кабардой (ногайцы, кабардинцы, абазины, бесленеевцы, карачаевцы). В основе «Адыгэ хабзэ», адыгского этикета – неписанные законы (правила) поведения горца в обществе и в быту. Выполнение правил этикета под контролем всего этнического сообщества. Порочить свой род недостойным поведением для адыга – позор. Преступившему нормы этикета публично объявляли, что он «не адыг». Это было равносильно смертной казни.

«Остатками неистребимого горского менталитета» называет кубанский социолог Айтеш Аюбович Хагуров общие сквозные черты, присущие северокавказским этносам, именуемые в социологии психологическими универсалиями:

традиционализм – соблюдение горского этикета, строгое следование многовековым традициям; регламентированность отношений в соответствии с возрастом, статусом, принадлежностью к клану, роду, семейному дереву;

подчиненность группе или *общинность*, т.е. высокая степень мобилизационной готовности к действиям, что делает горцев более коллективистскими, чем государственными;

радикализм как склонность к силовым методам решения конфликтных ситуаций.

Эти же универсалии мы легко обнаруживаем в непревзойденном по художественно-публицистическим качествам и убедительности историко-этнографическом очерке И.Д. Попки «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Очерки края, общества и вооруженной силы». Как известно, очерки изданы отдельной книгой в Санкт-Петербурге, в 1858 году, а автор удостоен престижной Демидовской премии. И.Д. Попка – уроженец Тимашевского куреня – получал образование в Московской духовной академии, знал девять иностранных языков. За 52 года службы на кордонной линии прошел путь от рядового казака до генерала, участвовал в Крымской (1853), русско-турецкой (1877-78) войнах, был предводителем дворянства Кубани, Терека и Ставрополя, с детства прекрасно знал жизнь края, проблемы адыгов и характер отношений казачества с горским социумом. «В населении... закубанских гор... нет власти, – пишет И.Д. Попка, – там есть только связи, постоянные или преходящие: одни связи крова и рода, другие связи для встречи общей опасности или похода за добычей..., третьи связи для разбирательства споров и развода столкновений». Автор свидетельствует, что еще в середине XIX в. шапсуги и другие закубанские горцы были «слабо привязаны к исламу и недалеко от религиозного индефферентизма. Когда... первый эмиссар Шамиля, Хаджи-Магомет, явился среди абадзехов в 1841 году и заговорил к ним с высоты корана о правоверии, то дворяне, бывшие в числе его первых слушателей, пожали от недоумения плечами и холодно отозвались, что такие речи прилично выслушивать только муллам, а не благородным уоркам (дворянам)». А вот бытовые наблюдения о закубанских соседях: «воровать у горцев не стыдно, стыдно попадаться». Более презрительного попрека не может сделать девушка присватывающемуся юноше, как сказав ему, что он доселе и «дойной коровы украсть не сумел». Но если вор надоел даже своим соплеменникам, руку на него поднять не в обычае. И.Д. Попка описывает такой эпизод: из мирных аулов привели молодого черкеса, отъявленного и неисправимого вора и попросили казаков утопить этого негодяя в Кубани. На

удивленные вопросы казаков: «Хиба ж вы сами нэ зумеетэ сего зробыть?» – аульчане отвечали: «Нам, братцы, грех, мы свои, мы одна кровь».

Миролюбивые отношения казаков и горцев строились, в первую очередь, в процессе торговли. На кордонной линии и в Екатеринодарской крепости, на ярмарках, базарах общались казаки и горцы, присматривались к нравам и обычаям друг друга, стараясь понять их и учитывать при мирном и немирном общении. Торговые сношения черкес с казаками поддерживались меновыми дворами, учрежденными войсковым правительством по высокому правому берегу Кубани. Из Войска в Закубанье шли соль, ткани, войлок, посуда, сундуки, мыло, железо и железные изделия. От горцев – лес, нефть, пиявки, алебастр, скот, кожи, лошади, бурки, горская одежда, ножи, хлеб, масло, мед. Препятствием для транзита товаров, говорит И. Попка, были только высокие пошлины со стороны «нищих бжедугских князьков». «Чтоб не показалось странным, как могут происходить на одном и том же рубеже и война, и торговля, довольно сказать, что у горцев нет соли, а у казаков нет лесу. Первым нечем посолить свою пасту (кашу), а последним не из чего возвести хату. Так вот вследствие обоюдного лишения в предметах первой потребности для существования был меновой торг между казаками и горцами».

Такой обмен шел на пользу тем и другим. Жилища горцев преобразились, а казаки гордились купленными у них лошадьми, оружием, расшитыми черкешенками вещицами. Вне строя, в походном и домашнем быту казаки стали носить черкесскую одежду, предпочитая ее своей форме, как за легкость и удобство покроя, так и за прочность сукна.

Казаков восхищает изобретательность и тонкий вкус адыгов не только в воинском снаряжении, но и в земледельческих орудиях, а также утонченный этикет и уважение к женщине. В свою очередь горцы понимали и ценили в черноморцах великодушие и их «рыцарскую разборчивость в средствах», т.е. порядочность, верность дружбе, данному слову, клятве. По свидетельству ав-

тора очерка, об этих качествах казаков горцы отзываются со сдержанным уважением.

На войсковой праздник, состоявшийся в Екатеринодаре в мае 1844 года, были приглашены и бжедуги, и хамышеевцы, и шапсуги из соседних от Екатеринодара аулов. В атаманской ставке, на столах, щедрое угощение ожидало куренных атаманов, стариков, недорослей и закубанских гостей. Обширная поляна, на которой стояли войска, пестрела тысячами зрителей. Конные черкесы держались поодаль, пешие теснились в общей толпе. Когда в ставку прибыли наказной атаман ЧКВ Н.С. Заводовский, начальник войскового штаба Г.А. Рашпиль и преосвященный Иеремия, в один торжественный голос слились тысячекратное «ура», грохот 16 орудий и войсковой гимн. «Одушевление казаков сообщилось и черкесским дружинам. Они присоединили свой резкий гик к величественному, как сама победа, русскому военному клику. Хамышейцы, стоявшие до той минуты внимательными зрителями на левом берегу Кубани, у аула Бжегокай, подняли гик и пальбу, потом бросились на лошадях в реку и, полуизмокшие, присоединились к ликующему собранию.

Кроме торговли и праздников, взаимодействию и сближению адыгов и русских способствовало приобщение горцев к образованию. Для детей мирных черкесских дворян в местных учебных училищах и гимназии учреждались особые вакансии. В 1846 г. горцы стали поступать в русские гимназии, в 1860 г. первые адыги поступили в высшие учебные заведения России. В 1866 г. в Майкопе была открыта первая горская школа, позже – в других аулах. После окончания Большой Кавказской войны, т.е. после 1865 г. сложился адыгейский литературный язык на основе шапсугского, темиргоевского, абадзехского и бжедугского наречий. В ряде аулов были открыты школы, где обучение велось на адыгейском языке, организованы курсы учителей родного языка, появились рукописные книги на адыгейском языке. Попка в «Черноморских казаках» сообщает интересные сведения об образовании казаков, и о взаимоотношении с горцами в процессе обучения: «Школьное сотоварищест-

во казаков и горцев молодого возраста помогает первым изучать язык последних, преподавание которого введено в гимназический курс». Автор считает, что несмотря на то, что русский язык – язык межэтнического общения, но решение войскового правительства – правильное решение: молодым казакам «совершенно необходимо» изучать черкесский язык, язык народа, с которым собираешься жить в соседстве и мире. Так кубанский историк и публицист Иван Диомидович Попка еще в середине XIX века показывал российскому читателю: нужна не только способность, но желание и готовность посмотреть на мир глазами другого народа, умение, желание и готовность разделить с соседом и радость, и невзгоды по принципу: сосед – тот же семьянин.

Знакомство с социокультурными проблемами в исторической ретроспективе – это уже важный шаг на пути укрепления взаимопонимания и взаимоуважения к другим народам, его обычаям и традициям. Культурно-нравственное взаимодействие – более выгодный, нежели военный, способ разрешения социально-этнических конфликтов. Опыт взаимоотношений казаков и горцев в XIX веке, зафиксированный в исторической публицистике Кубани, убедительное тому подтверждение.

*Ракачева Я.В. – к.и.н., доцент кафедры социологии
Кубанского государственного университета,
Полонец И.И. – инженер научно-исследовательской части
Кубанского государственного университета,
г. Краснодар*

Миграция и мигранты в периодической печати Краснодарского края

Задача СМИ заключается не только в передаче информации, ее оценке и формировании желаемого эмоционального отношения к этой информации,

но и вовлечении человека в деятельность. Если общество заинтересовано в активных участниках общественных движений, ему выгодно формировать адекватное сознание и создавать реальную картину мира.

В последние годы в общественном сознании активно формируется стереотип миграции и мигранта в связи с распространением в СМИ дискурса на данную тему. Грегори Тиллетт, автор исследования «Разрешая Конфликт. Практический подход», полагает, что образ мигрантов и иммигрантов основывается на двух разных стереотипах. «В период экономического спада население воспринимает пришельцев как захватчиков, отбирающих у местных жителей рабочие места. В период экономического подъема, местные жители обращают внимание прежде всего на обычаи мигрантов, которые противостоят местным традициям». Но на каком бы образе не строились отношения между принимающим обществом и мигрантами, доверительными и продуктивными их не назовешь.

В обществе преобладают негативные стереотипы мигрантов из-за отсутствия полной и достоверной информации. В средствах массовой коммуникации чаще всего обсуждают спонтанную миграцию, которая в человеческом сознании ассоциируется с беззаконьем. «Сегодня при самом упоминании «мигрант» часто возникает образ «нахлебника»...». Мигранты, даже обладающие профессиональной квалификацией, доставляют обществу множество проблем. «Мигранты привносят диверсификацию, обеспечивают инновации и служат вакциной против стагнации».

Исследования прессы, содержания и направленности ее материалов, ведется социологами уже на протяжении многих лет, т.е. фактически в мониторинговом режиме, что в свою очередь позволяет проследить динамику контекста. Примером подобных исследований может служить анализ периодической печати Краснодарского края, проводимый нами на протяжении последних десяти лет. Последний мониторинговый срез с использованием метода контент-анализа проводился в рамках исследовательского проекта «Социаль-

но-экономические эффекты трудовой миграции на Кубани в общественном мнении жителей региона» (грант РГНФ №13-03-00577а) и был нацелен на выявление характера и содержания и эмоциональной направленности публикаций по миграционной тематике, а также определение динамики этих показателей.

В ходе исследования анализу были подвергнуты 3 краевые ежедневные газеты: «Кубанские новости» (КН), «Кубань сегодня» (КС) и «Краснодарские известия» (КИ) за 2008 – начало 2009 г. Полученные данные сопоставлялись с данными, полученными в 2002 г. В качестве категорий анализа были выделены лексемы «миграция» и «мигранты», и производные от них, используемые в любом контексте, за единицу счета был принят материал (статья, сообщение и т.д.), единицами контекста выступили качественные характеристики материалов: тематика, эмоциональная направленность и пр.

Материалы, посвященные проблеме миграции и мигрантов в периодических печатных изданиях Краснодарского края за 2008 – начало 2009 г., радикально отличаются от публикаций начала 2000-х гг. Прежде всего, заметно снижение общего числа публикаций посвященных миграционным вопросам. За период 2008 – начало 2009 г. число таких публикаций составило 18, тогда как в 2002 г. – 179.

Изменяется и объект журналистского внимания – теперь в ракурсе не этническая миграция, а трудовая. Об этом красноречиво говорят заголовки статей: «Работающий человек не должен быть бедным» (КС, 03.10.08), «Главное интерес региона» (КИ, 17.12.08), «Квота на мигрантов» (КН, 17.12.08), «Иностранцы: как их принять на работу?» (КС, 15.01.09), «Гастарбайтер на пороге» (КС, 05.03.09), «Трудовая миграция и кризис» (КС, 05.03.09).

Газетные материалы по проблемам миграции в первую очередь касаются экономических аспектов данного вопроса – квотирования рабочих мест для

местных жителей и трудовых мигрантов в связи с мировым экономическим кризисом.

Изменилась география и этническая принадлежность мигрантов. Если в 2002 г. это были турки-месхетинцы, армяне, курды, то теперь украинцы, белорусы, таджики, узбеки, турки.

Сместились проблемные акценты. Вместо «угрозы национальной безопасности», «изменения этнического баланса», теперь, по мнению СМИ, проблемой является то, что прибывшие в край на работу мигранты не торопятся уезжать домой, оставаясь, они создают дополнительную нагрузку на рынок труда, где составляют серьезную конкуренцию местным жителям, сбивая уровень зарплаты, соглашаясь работать без «соцпакета». «В условиях мирового экономического кризиса такое положение дел может создать напряженность на рынке труда. А этого ни российские, ни кубанские власти не допустят» (КС, 05.03.09).

В то же время, авторы статей выражают опасение, в том, что сокращение въездных квот может породить волну незаконной миграции, а значит, потребует дополнительного контроля за ней. В связи с этим уже в ближайшее время, чтобы более оперативно определять цель приезда иностранных граждан и место их временного пребывания, сотрудники органов внутренних дел начнут дежурить на пограничных постах круглосуточно (КС, 05.03.09).

Характеризуя трудовую миграцию, краевые печатные СМИ придерживаются противоречивых оценок. С одной стороны, отмечается взаимная выгода, которую получают край, испытывающий дефицит трудовых ресурсов и получающий прибыль от инвестиционных проектов, которые обеспечиваются руками иностранных рабочих, и сами трудовые мигранты, которые имеют возможность здесь зарабатывать. «Рабочая сила со стороны стала настоящей палочкой-выручалочкой для многих строительных и подрядных организаций («Квота на миграцию» КН, 17.12.08). С другой, миграция и мигранты по-прежнему представляются в СМИ как угроза для принимающего общества.

Причем фобии, которые продолжают распространять в отношении данной группы СМИ, достаточно типичны. Они – «источник заболеваний, антисанитарии, они пользуются нашими благами, живут за наш счет...».

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на важность проблемы миграций для современного российского общества, она не так уж часто находит свое отражение в региональных средствах массовой информации. СМИ в последние годы публикуют немного материалов, отражающих проблемы миграции и мигрантов. Сами публикации носят противоречивый характер наряду с позитивными мнениями и оценками на страницах газет существуют и негативно направленные тексты, где трудовая миграция оценивается с позиции проблем, которые она несет российскому обществу в целом и Краснодарскому краю в частности.

Необходимо также отметить, что в будущем миграционная тематика в той или иной форме будет присутствовать на страницах региональной и центральной печати. Все это требует от СМИ взвешенного и объективного освещения миграционных процессов.

*Таутиева И. Х. –
ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский
госуниверситет им. К.Л.Хетагурова»,
г. Владикавказ*

**Модные слова в лексике русского языка рубежа
XX-XXI веков и причины активизации включения
их в речедетельность СМИ**

Известно, что язык как система развивается одновременно с обществом, отражая на всех уровнях изменения, происходящие в те или иные исторические эпохи, соответствующие новой определённой общественно-

экономической формации. В соответствии с этим стабильность в полном смысле этого слова языковой системы относительна, так как подвержена большим или меньшим изменениям, которые на себе испытывают все языковые уровни: от фонетики до синтаксиса. Но самой подвижной частью языка является, конечно же, лексика, представляющая собой весь словарный состав языка, и отличительной стороной которой является её «непосредственная обращённость к действительности» [1.С.10]. Собственно это и определяет её активную подвижность, характеризующуюся различными изменениями в словарном составе, вызванными тем, что сама лексика делится в результате исторических изменений на две четко дифференцирующиеся группы слов: активный и пассивный словарный запас. Вторую группу представляют так называемые устаревшие слова (архаизмы, историзмы) и, в определённой степени, неологизмы. А первую – так называемая общеупотребительная лексика во всех её разновидностях и эмоционально-стилистической характеристике.

В контексте исследования нас интересуют неологизмы, в первое время своего появления в языке представляющие собой элементы пассивной лексики, но обладающие, благодаря высокой динамике использования их в речи, способностью быстро осваиваться говорящими на данном языке, и затем, будучи семантически освоенными, переходящими в состав общеупотребительной лексики.

Модные слова – это своего рода тоже неологизмы, но с присущими им специфическими особенностями. Общезыковой неологизм появляется в языке как объективная необходимость для обозначения предмета, абстрактного понятия характерных для нового исторического этапа развития общества. Что же касается модного слова, то оно необязательно появляется в языке с выше обозначенной целью, хотя часть модных слов и возникает в полном соответствии с историческими изменениями и, соответственно, требованиями времени. Специфической особенностью модных слов является то, что большинство из них в этот разряд перемещается из общеупотребительной лексики благода-

ря значительному семантическому сдвигу, продиктованному особенностями определённого исторического момента. И это объективный общественный процесс, так как язык и время – две данности, которые проявляются в нашей жизни в тесном взаимодействии и взаимном отражении. Такая реальная данность характеризует динамику эволюционного движения языка, связанную с историей и национальной культурой того или иного этноса. При этом исторический процесс развития общества, как правило, характеризуется тем, что на новом этапе появляется поколение со своими мировоззренческими взглядами на новую структуру построения общества в контексте философского и эстетического осмысления окружающей реальности, а также новыми способами выражения всего осмысленного средствами языка.

Мы сочли необходимым говорить об этом потому, что язык рубежа XX-XXI веков претерпел колоссальные изменения соответственно реформированию общества в целом и глобальному преобразованию в соответствии с этим нашей жизни во всех ее проявлениях.

Как отмечается в исследованиях, посвящённых различным сторонам языкового изменения последнего времени, среди предпосылок, обусловивших эти изменения, выделяются следующие:

- изменение круга носителей языка;
- деидеологизация многих сфер человеческой деятельности, переоценка ценностей;
- создание новой государственности, снятие разного рода запретов и ограничений в политической, экономической и социальной жизни;
- расширение контактов с зарубежными странами;
- развитие науки и техники;
- распространение интернета и др.

Особенностью современных процессов, происходящих в русском литературном языке, является его демократизация, обусловленная свободой слова. Эта так называемая свобода слова способствовала активному словотворчест-

ву и высокой динамике спонтанного общения в различных сферах социальной жизни, которому свойственно «говорение в момент речи», что исключает подготовленную, выверенную и отредактированную речь. Вместе с тем, свобода слова должна не исключать, а, напротив, привлекать говорящего к глубокому размышлению над тем, что он предполагает сказать, кому адресована его речь и в какой конкретной ситуации она произносится. В этой социалингвистической ситуации одним из наиболее заметных политических решений в нашей стране стало законодательное упразднение цензуры, которое значительно расширило рамки доступности к любой информации, как государственных органов, так и независимых СМИ. Законодательное утверждение свободы слова дало значительный импульс к расширению и печатных, и эфирных средств массовой информации. Правда, динамика этого расширения не всегда пропорциональна качеству информационной продукции. Но, по справедливому замечанию Н.С. Валгиной, «несмотря на то, что язык современных СМИ производит часто негативное впечатление из-за ложно понятого тезиса о свободе слова, надо признать, что современный русский язык, в силу сложившихся исторических обстоятельств, сегодня черпает ресурсы для обновления литературной нормы именно здесь – в средствах массовой информации» [1.С.4].

Узаконенная в обществе свобода слова как абсолютная противоположность цензуре динамично снижает уровень культуры речи и в стилистическом, и в лексико-семантическом планах. Она открыла все языковые шлюзы, через которые бурным потоком хлынула лексика, характеризующаяся сниженной стилистической эмоционально-экспрессивной окрашенностью и до рубежа XX-XXI веков находившаяся за пределами литературного языка, так как считалась табуированной. Оценить эту ситуацию по традиционной формуле «плохо» или «хорошо» невозможно, так как язык, с точки зрения общественной категории, – это объективная реальность, и все, что происходит с ним, как, собственно, и с другими реалиями, является продуктом своего вре-

мени, а потому, хотим мы того или нет, приходится признать, что язык сегодня далеко не тот, что был еще три десятка лет тому назад, его система значительно поколеблена произошедшими у нас в этот период историческими изменениями.

Подробное освещение социолингвистической ситуации вообще и формирующейся на ее основе речедетельности современных СМИ, которые «дают поистине впечатляющую картину пользования языком» [1.С.3], объясняется тем, что отмеченные нами языковые процессы являют собой основную причину не только появления модных слов, но и активного включения их в речь и широкой массой говорящих, и абсолютным большинством журналистов.

Характеризуя предмет нашего исследования, необходимо подчеркнуть, что модные слова – это не явление сегодняшнего дня: каждый исторический период развития общества имеет свой лексикон, отражающий смысловое содержание появившихся в конкретную эпоху новшеств в жизни общества, отсутствовавших ранее и потому требующих знакового словесного выражения. В силу своей новизны и необычности для говорящих они представляют собой неологизмы, но в определенный отрезок времени частотность употребления делает их модными словами.

По своей функциональной роли модные слова дифференцируются на отдельные группы и, вслед за многими исследователями этого языкового процесса, мы считаем рациональным рассматривать их в следующей классификации:

- новые заимствованные слова, называющие новые понятия (гламур);
- новые заимствованные слова, заменяющие старые наименования (брифинг, секьюрители, киллер);
- новые русские слова, называющие новые понятия (беспредел, раскрутка);
- новые русские слова, заменяющие старые наименования (тусовка);

— старые русские слова, развивающие новые значения (команда, крыша);

— старые русские слова, обозначающие понятия, о которых стало модно говорить (духовник, исповедь).

Несомненно, использование модных слов характеризует языковой вкус личности, который, по определению В.Г. Костомарова, представляет собой социолингвистический феномен пользования языком с меняющимся соответственно историческому времени идеалом лексического состава средств коммуникации [З.С.12].

Совершенно очевидно, что языковой вкус нашего времени с узаконенной свободой слова характеризуется стремлением говорящего к обновлению лексического состава форм выражения мысли, с одной стороны, и «быстроговорению» – с другой. В результате, это вызывает высокую динамику вариативности средств выражения и значительный рост способов вербального общения.

Особое внимание среди модных слов привлекают к себе так называемые окказионализмы, по своей структуре и содержанию представляющие собой индивидуально авторские словесные образования, составленные по существующим в языке словообразовательным моделям по типу «обоюдоострое», «свинцовоночие», «прозаседавшиеся» (В. Маяковский), «мыслерубка» (Е. Евтушенко) и др. В отличие от других модных слов, окказионализмы, как правило, создаются для художественной изобразительности, а потому представляют собой стилистическое средство, к которому нередко прибегают авторы для решения своих эмоционально-экспрессивных целей. Но те из них, которые отвечают языковым особенностям русского словообразования, как неологизмы вообще, стабильно приживаются в языке и начинают широко функционировать в речи. Например, «гламуризация» (Т. Толстая), «армагеддец» (М. Задорнов), «послица» (М. Леонтьев) и др.

Как было уже отмечено, ставшие на исконно-русской языковой почве модными, слова иноязычного происхождения четко делятся на две группы: первую представляют абсолютно необходимые в сложившейся новой социальной ситуации, а потому представляющие собой неизбежные словесные элементы. Они регулярно используются в речи благодаря активизации пространства новых предметов и явлений в возникшей новой общественно-исторической ситуации. Их включение в речевой оборот объясняется разными причинами. Одни из них – в целях речевой экономии, когда иноязычное однословное наименование предпочитается исконному описательному обороту, например: уполномоченный по правам человека – омбудсмен, председатель нижней палаты парламента – спикер, особый вид журнала, содержащий краткое изложение материалов из других изданий – дайджест, больница для безнадежных больных – хоспис, вид факсимильной связи – телефакс, факс и т.д. Следует признать, что по этой причине нами чаще используются именно иноязычные слова, так как подобная речевая экономия предпочтительней и гораздо удобней. Другие – для вуализации понятий: чисто психологически иноязычное слово помогает скрыть негативный или прямой смысл понятия: педикулез (вшивость), канцер (рак), киллер (наемный убийца) и др.

Другую группу представляют модные иноязычные слова, включаемые в речедетальность, даже если им есть русский эквивалент, для придания речи особой значимости и престижности. Зачастую иноязычное слово кажется более весомым, значимым, неизбежным, необычным, демонстрирующим образованность и осведомленность говорящего, поэтому по сравнению с заимствованиями первой группы, их включение в речь чаще всего формализовано: аларм – вместо сирена, фридом – вместо свобода, пати – вместо вечеринка и многие другие. Использование подобной лексики, в частности, диктуется модой на английский язык в такой степени, что сегодня английские слова активно вытесняют и русские слова, и даже заимствованную из других языков лексику (например: хит вместо шлягер, сэндвич вместо бутерброд, бодибил-

динг вместо культуризм, тренд вместо тенденция, спрей вместо аэрозоль и мн. др.) И этому во многом способствуют средства массовой информации, которые, как точно определяет О.В.Лаптева, «способны как формировать общественное сознание, так и деформировать его» [2.С.3].

Необходимо отметить, что среди так называемых модных слов особое место занимает лексика специально созданного языка, целенаправленно раскрывающего процессы компьютерных технологий, широко распространенных в современном глобализированном мире. Особенностью этого языка является то, что в нем сформировался свой «компьютерный» сленг, активно пополняющийся все новыми и новыми словами, отличающимися высокой изобретательностью их авторов. На наш взгляд, последнее и позволяет характеризовать эту группу слов как компьютерный сленг, так как в отличие от других стилистических разновидностей русского языка, он представляет собой искусственный язык, понятный лишь лицам, относящимся к социально обособленной системе. Например, наколенник – компьютер, собранный и работающий в домашних условиях, шланг – телефонный кабель, жук – вирус, глюк – сбой в программе, Емеля – адрес, e-mail, мозги – оперативная память, сисадмин – системный администратор, кирпич – процессор, Карлсон – вентилятор, охладитель для компьютера и мн. др.

В силу ограниченности регламента нами рассмотрены лишь несколько групп слов, активно и широко употребляемых современными носителями языка и тиражируемых средствами массовой коммуникации, в связи с чем ставших модными. Превратившись в своеобразные символы эпохи, они становятся источником информации обо всех сторонах жизни общества в определенный исторический период его развития, чем, несомненно, вызывают к себе интерес исследователей.

Библиография:

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2003.

2. Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана. М., 2001.
3. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений за речевой практикой массмедиа. СПб., 1999.

*Хакуашева М. А. – д.ф.н., профессор,
Институт гуманитарных исследований при Правительстве Республики
Кабардино-Балкарии,
г. Нальчик*

Современные проблемы адыгского мира

Двадцатилетний постсоветский период негативно отразился на целостности единого культурного пространства России. Почти все бывшие советские республики и регионы оказались в изоляции. Этот факт способствовал образованию вакуума, который имеет тенденцию стремительно заполняться преимущественно дезинформацией, связанной, в том числе, с дискредитацией отдельных национальных культур и даже народов.

Важным моментом является ситуация двойного «черно-белого» информативного поля: легального (белого) и теневого (черного). Впрочем, Интернет с лихвой компенсирует то, что замалчивается СМИ. Так что реально неосвещенных проблем у нас, по сути, нет. Есть лишь проблема в их официальной легализации. Но даже тогда, когда предпринимаются робкие усилия по социальной, культурной, психологической реабилитации адыгского народа, рассеянного по всему миру, возникает весомый противовес целого отряда «активных доброжелателей», которые пытаются дискредитировать саму естественную потребность в сложнейшем процессе восстановления утраченных национальных основ. При этом их подход не самый избирательный и дифференцированный: порой любая слабая попытка осмысления и частичного восстановления истории и культуры объявляется сепаратистской, националисти-

ческой и т.п. Абсурдность подобных оценок очевидна и у людей со здоровым чувством юмора вызовет откровенный смех (к примеру, создание «Великой Черкесии» – весьма модного ныне обвинения – десятью процентами адыгского населения, проживающего на исторической родине). Так попытки элементарного этнического восстановления подменяются нелепыми и, мягко говоря, негуманными измышлениями. Но при всей очевидной абсурдности они имеют тенденцию к усилению и распространению, как и следует ожидать, когда речь идет о заказной демонизации человека, идеи и народа.

Казалось бы, в обычном обществе в такой ситуации естественно было бы ожидать моральной и психологической поддержки со стороны властей и непосредственного окружения. Но мы в лучшем случае вынуждены встречать странную реакцию вежливого молчания или безмолвного раздражения.

Откровенные низкопробные провокации осуществляются посредством Интернета и недобросовестных СМИ. Возможность появления исторических фальсификаций можно отчасти объяснить тем обстоятельством, что до сих пор нет единого взвешенного подхода к факту Русско-Кавказской войны, которая в советской школе вообще не преподавалась. Эта проблема до сих пор адекватно не представлена в системе школьного и вузовского обучения, соответственно, в целом не отражена в общественном сознании. Именно отсутствие четко выработанной методологии в системе исторического и общего образования является одним из важных факторов для процветания дезинформации и фальсификации, угодных представителям самых разных социальных категорий современного общества.

Одной из важных проблем является неразрешимость так называемого «черкесского вопроса», который в силу многих причин оказался озвученным только в самой верхней «части айсберга». Спровоцированная предстоящими Олимпийскими играми 2014 года в Сочи, вставшая во весь неожиданно высокий рост тяжелая этическая дилемма – лишь небольшая часть общей черкесской проблемы, которая имеет, как кристалл, несчетное число граней. На них

по понятным причинам закрыты глаза почти всех политиков, политологов, соответственно, – представителей всех остальных сфер деятельности. Поэтому уделом адыгов было и остается молчание. Не только потому, что почти невозможно выразить и проговорить всю глубину адыгской драмы, но главным образом потому, что ее не готовы услышать. (Однако даже интерпретация самого молчания зачастую искажается и объясняется «природной скрытностью»).

Это молчание, затянувшееся на столетия, при публичном решении адыгского (черкесского) вопроса стало «старой доброй» традицией. Оно настолько укоренилось, что большинству вершителей судеб черкесского народа даже не приходит в голову спросить, что же сами черкесы думают по собственному поводу. Похоже, такая ситуация и сейчас некоторых вполне устраивает.

Между тем позиция адыгов «изнутри» собственной проблемы когда-нибудь должна быть не только озвучена и услышана, но и принята как важнейшая при реальном решении «черкесского вопроса».

1. В настоящее время только 10% адыгов проживает на исторической родине (адыги – эндоэтноним, черкесы – экзоэтноним). Соответственно, 90% проживает в 56 странах.

При этом огромная черкесская диаспора, несмотря полуторовековое сопротивление ассимиляции, тем не менее, постепенно утрачивает свой язык.

Что же происходит на исторической родине?

Мы проживаем в пяти разных республиках, которые территориально разделены. Это обуславливает значительный процент ассимиляции и депопуляции.

На примере КБР, за период 2007-2011 гг., по данным МС, официально (т.е. зарегистрировавшись) с территории республики убыло коренного населения – 29587 человек, а прибыло (также коренного населения) – 14922, т.е. убыло почти в 2 раза больше, чем прибыло, а в абсолютных цифрах убыль со-

ставила 14665 человек. Доля выехавших граждан, возрастной ценз которых не достигает 40 лет, составляет – 59,6%, из них мужчин – 68,5%.

Официальная статистика не отражает реального положения, так как мало кто из отъезжающих регистрируется.

Значительный отток преимущественно молодежного населения объясняется небывалым уровнем безработицы: 80% (!) Эта цифра совсем недавно была официально оглашена Геннадием Андреевичем Зюгановым. Другой причиной является социально-политической нестабильность. Еще одна серьезная причина заключается в чудовищной разнице между гос. финансированием центра и регионов. (Пример: заслуженный работник Высшей школы РФ...)

2. За последний год около 200 адыгов, которые оказались в российских центрах, вынуждены были поменять свои имена и фамилии на русские. Это связано с тем, что практически невозможно устроиться на работу, в ряде случаев – поступить в ВУЗ.

Такая же ситуация долгое время существует в Турции, в которой проживает самая большая черкесская диаспора. Там все адыги пишутся под чужими турецкими именами и фамилиями. Но почему это возможно у себя на родине? Ведь такого не наблюдалось в США даже в период сегрегации.

3. Ныне молодым людям призывного возраста из республик Северного Кавказа не разрешается служить в рядах российской армии. Это означает, что в скором времени в случае военного конфликта молодые люди из республик Северного Кавказа не смогут быть мобилизованы, не будут представлены в рядах российской армии, будут реально отстранены от участия и решения стратегически важных задач по защите и охране родины, не смогут служить в МВД, ФСБ, не смогут быть зачислены на государственную службу (так как в гос. структурах могут служить лишь мужчины, прошедшие военную службу).

4. У адыгов сложилась критическая ситуация в вопросе изучения родных языков. С 20 по 23 мая 2009 года в Москве состоялось празднование 70-

летнего юбилея журнала «Дружба народов». Наши ведущие специалисты дают неутешительные прогнозы в отношении существования кабардинского языка (признанного литературным) – 25-50 лет. Срок жизни других адыгских диалектов может быть еще меньше.

Весьма показательна динамика «урезания» мест для абитуриентов по кабардинскому языку и литературе в КБГУ: 75 мест в 1970-1980 годы, 38 мест в 2012-2013 гг.

Кроме того, Российской Думой был принят в третьем чтении закон о превращении уроков по изучению национальных языков в факультативные (то есть необязательные), которые будут посещаться лишь по желанию.

По всей территории РФ, кроме русской, не преподаются национальные литературы (собственно-национальные литературы преподаются в соответствующих республиках, например, осетинская – в Северной Осетии и т.п.)

Чем это грозит? В российском обществе все этносы и их культуры могут оказаться «чужими», неизвестными – их легко дискредитировать. Именно на такой почве формируется ксенофобия и межнациональные конфликты.

5. Ныне в России стало модным ставить памятники «славным героям» Русско-Кавказской войны.

В Лазаревске был воздвигнут памятник генералу Лазареву. Областной центр был тоже назван Лазаревск, район – Лазаревский. Героизм великого генерала заключался в том, что он весьма удачно осуществил «зачистку» Шапсугии от шапсугов. Много раз по ночам памятник сносили местные жители-шапсуги. Однако памятник все-таки стоит. Возмущенные циничным произволом жители более двадцати лет безуспешно пытаются вернуть прежнее название – Шапсугский район. В гос. архивах выросли тома писем, составленных на имена чиновников всех рангов и званий. Но Лазарев и Лазаревск непоколебимы.

Вскоре установили памятник другому великому герою – генералу Ермолову. В Грозном. Правда, там уже памятник уже не сбрасывали – взрывали.

Вскоре началась чеченская война. Но рьяные любители (возможно, они же заказчики) героических памятников не растерялись: поставили памятник великому сыну колониальной войны не где-нибудь, а в бывшей столице кабардинцев (раньше их называли пятигорскими черкасами). Именно Ермолов был ответственен за их ликвидацию, и его именем до сих пор пугают кабардинских детей. Большой, величественный генерал Ермолов возвышается в Пятигорске недалеко от центральной улицы, названной также его именем.

А не так давно в Армавире был торжественно открыт памятник адмиралу Зассу. Адмирал прославился тем, что платил казакам за то, чтобы они отрезали головы убитых черкесов.

Но возникает совершенно логичный вопрос: почему такие факты возможны в государстве, где необходимость существования самого государства основана на главной функции защиты каждого народа и каждого представителя любого народа? Почему адыгам, как российскому народу, пережившему тяжелейшую историческую травму, навязывается унижительная позиция оборона вместо закономерной государственной помощи, комплексной реабилитации и обычной человеческой поддержки?

Проблема черкесов – не только проблема их самих, но, в первую очередь, – проблема государства. И чем дольше она будет вольно или невольно игнорироваться как якобы несуществующая, тем больше будет расти и осложняться именно как государственная проблема.

Что касается мотивов отдельных федеральных политологов в попытках фальсифицировать историю, то они прозрачны и нелепы: каждая страна с колониальным прошлым хочет его завуалировать для сохранения доверия со стороны гражданского населения, для поддержания мифа о собственной непогрешимости. Так было в истории Америки, Австралии и других колонизированных стран. Подобная тактика замалчивания и фальсификации, практикуемая до сих пор в нашей стране, возможно, кому-то кажется единственным выходом для стабилизации общественного порядка. На самом деле, она

оказывает противоположное действие, вызывая эффект дестабилизации и недоверия как к существующему политическому курсу, так и по отношению к отдельным политикам и представителям власти, что в конечном итоге ведет к ухудшению межнациональных отношений и угрозе целостности России.

Опыт постколониальных стран свидетельствует: единственный выход из данной ситуации – оглашение исторической правды посредством научного и научно-популярного дискурса в строгом соответствии с фактами.

Например, наряду с научным и научно-популярным, разоблачительный общекультурный западный дискурс стал тем самым необходимым всеобщим катарсисом, который послужил воцарению исторической правды в отношении колонизации Америки, Австралии, стран Карибского бассейна и т.д.

Но в нашем отечестве известный богатый опыт постколониальных стран чаще всего совершенно не учитывается, и мы, увы, вынуждены констатировать правомочность постмодернистского тезиса о том, что история является «отсутствующим объектом». Советская версия историографии, если даже отчасти переписана в соответствии современным научным требованиям, все еще господствует в умах большого числа наших соотечественников.

Современный мир стал многополярным. Как решать в существующих условиях тяжелые социальные, политические и культурные проблемы? И тогда на помощь приходит диалог. Кажется, только благодаря открытому конструктивному диалогу можно найти бескровный выход из жестокого конфликта, из недавнего оппонента сделать союзника, соединить две противоположные политические или идеологические платформы, которые еще вчера казались несоединимыми... Трудное, но спасительное мастерство диалога становится определяющим во всех сферах нашей непростой жизни, на всех ее уровнях: международном, государственном, региональном, личном... Возможно, сократовский метод вопрошания и ответа никогда и не терял актуальности, но это наиболее отчетливо начинаешь понимать лишь в эпоху кризиса. Где та правда, которая быстрее всего приводит к единственной истине? Есть

ли такая? Разумеется, есть, но это лишь в том случае, если действительно руководствоваться поисками истины, а не другими мотивами, которые к этим поискам не имеют никакого отношения.

Мы не задавались целью анализировать сходный опыт других братских республик Северного Кавказа. Но непосредственная вовлеченность в единое поле общественно-политических и культурных процессов, наша боль и сочувствие в бедах и проблемах соседей позволяют утверждать, что почти все вопросы и «болевы́е точки» в той или иной степени касаются всех народов и субэтносов Северного Кавказа.

На сегодняшний день нашей основной задачей стала идея поддержания целостности России.

Но при этом возникает принципиальный вопрос: каким образом следует добиваться этой целостности? Имея ее в виду, огромное большинство представителей республик Северного Кавказа заинтересованы в образовании разнонационального единства.

Однако основной вектор современного политического курса определенно направлен в сторону силового нивелирования национального компонента. Мы убеждены, что это – заведомо обреченный путь развития, нарушающий целостность России.

Любые попытки силового воздействия с целью нивелировать или устрани́ть национальный элемент вызывают немедленное противодействие, а при длительной дискриминации рано или поздно приводят к военному конфликту или гражданской войне. Это, как правило, случается в тех случаях, когда эволюционный процесс подменяется насильственным.

Мы полагаем, что одним из самых важных факторов, нарушающих целостность России, является порочная национальная политика. Сегодня «разрешить национальный конфликт» по-прежнему означает еще больше «закручивать гайки по усмирению», то есть пренебрегать мнением, голосом представителей малых народов. И если до недавнего времени ситуация касалась

лишь национальной дискриминации (постепенная потеря родного языка, письменности, культуры в целом, уничтожение подлинной истории и исторической памяти), то уже сейчас мы сталкиваемся с элементарными нарушениями гражданских прав. Мы сталкиваемся с многочисленными жертвами российских неонацистов, которые убивают людей по одному лишь фенотипическому (то есть внешнему) признаку, не встречая при этом серьезного сопротивления. При этом статистика этих потерь засекречена. Этот процесс носит столь откровенный провокационный характер, что вызвал целое протестное общественное движение русскоязычной молодежи (так называемое «антифа»).

Между тем легализация подлинной истории адыгов (так же, как всех других соседних народов Северного Кавказа), оглашение их реальной современной ситуации произвели бы разительный перелом в массовом сознании широкой российской общественности и способствовали бы серьезной разрядке напряженности межнациональных отношений.

Но общественная ситуация значительно меняется, и вся прогрессивная общественность России давно имеет правильное представление о черкесской проблеме. Так, говоря о трагической истории адыгского народа, Яков Аркадьевич Гордин во время нашей электронной переписки написал в одном письме: «Царская Россия совершила преступление, уничтожив адыгскую цивилизацию. А сейчас не решается признать это преступление».

Сергей Александрович Арутюнов, зав. отделом Кавказа московского Института этнологии и антропологии, читая лекцию в КБИГИ о необходимости исторического покаяния, сказал, что Россия не имеет будущего без покаяния.

Мы убеждены, что представители не только народов СК, но и широкой российской общественности вправе констатировать неудовлетворительный уровень деятельности официальных лиц, ответственных за национальную по-

литику РФ, которую можно расценивать как несостоятельную, способствующую разъединению народов России.

*Эндрю Фоксел (Andrew Foxall) – ученый
Оксфордского университета*

Ставрополь – линия фронта между Россией и Северным Кавказом

Ежегодно проводимый «Русский марш», более разрекламированный как кампания под лозунгом «Хватит кормить Кавказ», и беспорядки на Манежной площади в 2010 году имеют одну общую черту: они сосредоточены почти исключительно или на северокавказских республиках, или на людях северокавказских национальностей. В контексте этих популярных в России настроений против Северного Кавказа и его народов Ставропольский край занимает особое место: это – единственная территория Северо-Кавказского федерального округа, где большинство населения составляют этнические русские.

Уже не первый раз Ставропольский край становится в каком-то смысле «линией фронта» между Россией и Северным Кавказом. Благодаря своему географическому положению в центре северокавказского региона, Ставропольский край играет важную роль в региональной и государственной политике постсоветской России. Именно здесь в 1995 году чеченские боевики под предводительством Шамиля Басаева осуществили захват больницы в Будённовске, что привело к прекращению огня, положившему конец первой чеченской войне. В 2007 году серия жестоких межэтнических столкновений между этническими русскими и этническими северокавказцами в Ставрополе привлекла внимание государства. А в 2010 году при создании нового субъекта, в рамках проводимой им реструктуризации российской федеральной системы, президент Медведев выбрал Пятигорск в Ставропольском крае в качестве штаб-квартиры Северо-Кавказского федерального округа.

Антисеверокавказские кампании имеют тенденцию представлять четкое разделение между Россией и Северным Кавказом, в частности, в плане демографии (в 2010 году количество этнического русского населения в Чечне, Дагестане и Ингушетии составляло менее 4%, по сравнению с более чем 80% в Ставропольском крае) и в плане экономики (республики Северного Кавказа получают значительно больше субсидий из Москвы, чем другие регионы в России) и критиковать миграционную политику властей в отношении этнических северокавказцев. В то время как ситуация осложняется больше, чем предполагает такая простая поляризация (и упускается из виду тот факт, что северокавказцы являются российскими гражданами, и, как все российские граждане, имеют закрепленную в Конституции свободу выбора места их проживания), эти кампании находят особый отклик у многих русских.

Постсоветская кавказофобия в России

Тот, кто знаком с Россией, знает, что античеченские настроения издавна существовали в этой стране, как результат кавказских войн девятнадцатого века. После 1991 года такие настроения обострились, не в последнюю очередь из-за двух чеченских войн (1994-1996 и 1999-2002 гг.), после захвата заложников в школе Беслана в 2004 году и многочисленных терактов в Москве и других местах, и превратились в более обобщенную кавказофобию. Серьезные экономические и социальные изменения в России в постсоветский период тоже внесли свой вклад в этот процесс.

Эксперты считают, что результатом этого стало повышение уровня этно-национализма и ксенофобии в России (см., например, годовые отчеты, опубликованные информационно-аналитическим центром «СОВА»). А опрос, проведенный «Левада-Центром» в 2011 году, показал, что почти две трети населения России согласны с лозунгом «Россия для русских» («Россия за [этнических] русских»), тогда как в январе 2012 года опрос обнаружил, что 55% россиян поддерживают лозунг «Хватит кормить Кавказ». Совершенно оче-

видно, что напряженность между русской общественностью и Северным Кавказом и его народами повышается. И эти явления имеют тенденцию к росту.

Ну а что со Ставропольским краем? Некоторые люди в стране все больше и больше рассматривают край в качестве последнего «бастиона» России на враждебном Северном Кавказе, а сообщения СМИ недавно провели параллель между ситуацией, с которой край сталкивается на Северном Кавказе, и ситуацией, с которой сталкивается Косово в бывшей Югославии.

Антисеверокавказские настроения в Ставропольском крае

С 1991 года в Ставропольском крае усиливаются дискриминация и насилие, имеющие антисеверокавказскую направленность. В начале 1990-х годов Ставрополье столкнулось со значительной степенью внутренней миграции этнических северокавказцев (и этнических русских), спасающихся от геополитической нестабильности в республиках Северного Кавказа, не в последнюю очередь от последствий первой чеченской войны (1994-1996 гг.). В ответ на это в 1995 году власти края приняли закон, жестко регулирующий миграцию, и предприняли ряд инициатив для ограничения внутренней миграции северокавказцев, в том числе размещение казачьих формирований на границе края с Чечней и Дагестаном.

Во время фактической независимости Чечни от России между 1996 и 1999 гг. войска МВД были размещены на границе между Ставропольским краем и Чечней. В 1999 году, с началом второй чеченской войны, к казачьим формированиям и войскам МВД, осуществляющим патрулирование границы между Ставрополем и Чечней, присоединились русские националистические группировки, которые нашли официальную поддержку со стороны властей края.

Учитывая этот институциональный климат с поддержкой принадлежащих правому крылу движений, в Ставропольском крае был отмечен рост русских националистических движений (в частности, «Русского национального единства»), отражая такую ситуацию по России в целом. Тем не менее, внут-

ренняя миграция этнических северокавказцев продолжилась, а напряженность из-за доступа к рабочим местам, земле и ресурсам привела к тому, что между многочисленными этническими группами стали периодически вспыхивать столкновения. Уличные бои и беспорядки происходят регулярно, особенно в сельских районах на востоке края.

Несмотря на то, что «Русский марш» стал проходить в Ставропольском крае после 2006 года (через год после первого митинга в Москве), сила антисеверокавказских настроений в этом регионе ощущается в других отношениях. В мае и июне 2007 года шесть недель скачкообразных межэтнических беспорядков в Ставрополе привели к смерти трех молодых людей (двоих этнических русских и одного этнического чеченца). В сообщениях указывалось, что во время беспорядков специальные силы полиции и силы местной полиции объединились с русскими этно-националистами, включая членов запрещенного в настоящее время «Движения против нелегальной иммиграции», нападающих на этнических кавказцев. Эти беспорядки произошли меньше, чем через год после аналогичных событий в Кондопоге, Карелия.

С 2007 года «Союз славянских общин Ставрополя» (который возник в результате раскола «Русского национального единства») стал активно участвовать в координировании русских националистических инициатив, поддерживая действия воинствующих казаков и яростно выступая против миграции в этот регион этнических кавказцев. В 2008 году «Союз» был связан с подбрасыванием муляжа бомбы к зданию ФСБ в Невинномыске, что являлось частью широкой кампании русских националистов с тем, чтобы сфальсифицировать кавказскую повстанческую деятельность и спровоцировать ксенофобию. Несмотря на значительную периферийность «Союза» по отношению к большой политике в крае, его существование является мощным напоминанием о силе этно-националистических настроений.

В то время как количество расистских и неонацистских атак на этнических кавказцев в России достигло своего максимума в 2008 и 2009 гг. (со-

гласно данным, опубликованным информационно-аналитическим центром «СОВА»), уровень антисеверокавказских настроений в Ставропольском крае продолжал расти и после этого периода. В апреле 2010 года семь человек погибли и еще более сорока получили ранения после взрыва бомбы в центре Ставрополя. В сообщениях того времени говорилось, что теракт, направленный на посетителей выставки чеченской культуры, был осуществлен русскими националистами. Несколько месяцев спустя, в сентябре 2010 года, в ответ на создание президентом Медведевым Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) и включение Ставропольского края в новый субъект, там прошла кампания протестов широких масс. Через несколько дней после возникновения этой кампании начали появляться сообщения о резкой эскалации напряженности между этническими русскими и этническими северокавказцами в Ставрополье. Впоследствии в течение двух недель там происходили межэтнические столкновения, и порядок был восстановлен только после того, как власти ввели ограничения на передвижение.

Ряд других событий также отражает напряженную ситуацию в Ставропольском крае. Летом 2011 года там имели место столкновения между этническими русскими (в том числе казаками) и этническими северокавказцами, включая июльское убийство двух этнических кавказцев группой казаков в Кисловодске. В декабре 2012 года, в ответ на убийство этнического русского этническим чеченцем в Невинномысске, националисты (в том числе члены ультраправого крыла) со всей России собрались в Ставропольском крае, чтобы потребовать высылки северокавказцев из региона. Аналогичное сборище было запланировано в том же городе на конец января 2013 года. Под руководством правой организации «Новая сила» протестующие, основным лозунгом которых был «Ставрополь – не Кавказ!», требовали отделения Ставропольского края от СКФО и ограничения миграции северокавказцев в регион.

Отвержение Северного Кавказа и его народов

С 1991 года Ставропольский край характеризуется изменением демографических, экономических и геополитических обстоятельств, которые привели к заметному увеличению антисеверокавказских настроений. Несмотря на то, что приведенный выше обзор носит, безусловно, упрощенный характер, он является легко узнаваемым и имеет большое значение для понимания сегодняшней ситуации в России.

Нельзя игнорировать силу популярных настроений в России против Северного Кавказа и его народов. Русские все чаще задаются вопросом, хотят ли они, чтобы республики Северного Кавказа оставались частью Федерации. Согласно данным опроса 2011 года, одна пятая часть населения России поддерживает отделение республик Северного Кавказа от России, а почти половина россиян считает, что жизнь в стране улучшилась бы, если бы северокавказские республики стали независимыми. Недавние события в Ставропольском крае подтверждают это, указывая на то, что желание этнических русских к сепаратизму растет, а сам край находится на передовой этого движения.

РАЗДЕЛ III. ЯЗЫК КАК ОСНОВА МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

*Бибилова Р.П. – к.п.н., профессор
Северо-Осетинского государственного университета имени
К.Л. Хетагурова,
В соавторстве с Хадиковой А.А.,
г. Владикавказ*

Основы построения методической системы обучения учащихся предикативной основе предложения в условиях осетинско-русского двуязычия

Предикативная основа предложения – один из сложных разделов синтаксиса, в связи с чем теоретическое и практическое овладение данной категорией учащимися-осетинами вызывает серьезные затруднения.

Объективные трудности в изучении этой синтаксической категории связаны «с самой лингвистической сущностью грамматической основы предложения, особенностями синтаксических отношений между ее компонентами, ее функционированием» [4.С. 12].

Особенно низки показатели по выделению грамматической основы предложения у учащихся в тех случаях, когда:

- она односоставна, так как понятие грамматической основы учащимися воспринимается на формальном уровне;
- логический субъект выражен формой косвенного падежа;
- форма винительного падежа совпадает с формой именительного падежа;
- предикативный центр выражен неморфологизированными членами предложения.

Выделение главных членов предложения в рамках структурного (формального) аспекта, признанного в школьной практике ведущим, затруднительно в предложениях, где главные члены представлены инфинитивом, именительным падежом имени существительного, словами категории состояния и т.д. (Жизнь прожить – не поле перейти. Создавать счастье – это высокий труд. Для волков овцы – легкая добыча. Нам весело).

На современном этапе развития лингвистической науки представляется необходимым вывести изучение главных членов предложения за рамки традиционного грамматического подхода, расставить акценты в изучении этой синтаксической категории, обратить внимание на функционирование основы предложения в связном тексте. Языковая категория при этом предстает с учетом того, как она функционирует в речи, то есть в отношении к внеязыковой действительности.

Основная цель системы обучения предикативной основе предложения – сбалансировать лингвистический и коммуникативный компоненты содержания обучения. С этой целью внимание акцентируется на выработке у учащихся тех умений, которые в практике школы недостаточно отрабатывались в условиях ныне действующего учебника. Это усвоение норм языка и обогащение речи.

Внимание к тексту, ситуациям, фрагментам творческих работ на уроках синтаксиса не означает умаления роли хорошо подобранного и уместно использованного в процессе обучения языкового материала в виде отдельных конструкций.

Усиление функционального аспекта при изучении данной синтаксической категории требует более широкого, чем обеспечено учебником, использования текста как средства обучения. Использование отрывков из текста оправдано и тем, что именно в связях и отношениях с другими предложениями своего окружения предложение определенного типа приобретает характер предложения.

Предоставляя возможность вычлениить из него любую синтаксическую конструкцию, текст дает богатый материал для сопоставлений, сравнения синтаксических единиц разного строения и значения, для обоснования их использования в данном речевом произведении.

Выбор предложений с тем или иным грамматическим значением при создании высказываний не случаен: он зависит от типа речи (повествование, описание или рассуждение), от стилистической окраски текста, от жанра произведения, от конкретной задачи автора и т.д. Понимание этого обогащает речевую практику как говорящего / пишущего, так и слушающего / читающего.

Работа над предикативной основой важна для наблюдения над ее использованием в тексте, в особенности над фактами языка на материале художественных произведений. Подобные упражнения помогают учащимся понять, что грамматическая основа предложения – основа образной мысли, составляющей суть чтения. Внимание к содержанию позволяет научить школьников творческому чтению, с одной стороны, с другой – дает возможность анализировать выбранные им языковые средства, учит ответственно относиться к собственной речи.

Внимание к функционированию грамматической основы в связном тексте отвечает функциональной направленности обучения синтаксису, при котором обучаемые понимают особенности функционирования данной языковой категории для правильного использования ее в своей речи.

При разработке методической системы обучения мы исходили из следующего положения: «В национальной аудитории не должно быть такого явления, когда учащиеся усваивают грамматику, но не овладевают речью» [З.С.16].

Именно поэтому концептуальным для нашего исследования стал коммуникативно-деятельностный подход, предполагающий создание для учащихся-билингвов условий, в которых они участвовали бы в деятельности, а

сама деятельность была бы значимой для них (К.З. Закирьянов, Э.Л. Миронова, М.М. Шанский, М.Х. Шхапацева и др.).

Нами применялись такие формы организации учебно-воспитательного процесса, которые помогали варьировать структуру урока, уделялось внимание разным видам речевой деятельности (слушанию, говорению, чтению, созданию письменных высказываний), правилам речевого поведения в различных ситуациях общения, проверке правильности полученных результатов.

При таком подходе учитель становится стратегом, реализующим концепцию учебника и дополняющим его коммуникативными материалами. Использование активных методов обучения, при котором деятельность обучаемых носит продуктивный, творческий характер, способствует формированию положительной мотивации учащихся к изучению синтаксического материала и безошибочному его использованию в процессе речевого общения.

Реализация в экспериментальном обучении системно-функционального подхода, при котором языковые единицы изучаются в единстве формы, значения, функции, позволяет выстраивать целостную систему обучения во взаимодействии всех ее компонентов – целей, содержания, принципов и методов, средств и форм речевого развития учащихся.

Управлять своей речью, осмысленно выбирать из ряда возможных средств наиболее уместное для данного случая мы учимся всю жизнь, и основы для сознательного совершенствования речи закладываются в школе. Но для этого мало чисто классификационной работы, недостаточна механическая замена одной конструкции другой (по образцу). Прием замены одной конструкции другой полезен не сам по себе, а как условие сопоставления данного и полученного предложения по оттенкам значения и сфере употребления.

С учетом того, что проблема синонимии тесно связана с речью, обязывая анализировать соотношение слов в определенном контексте, в системе обучения особое внимание уделялось употреблению в речи учащихся-осетин синонимических конструкций в соответствии с коммуникативной установкой.

При синонимических преобразованиях учащийся видит значение исходной конструкции, наблюдает и осознает то, как предложение меняет смысловой оттенок. Ранее скрытые от обучаемого значения начинают функционально проявлять себя, оказываются выделенными, обнаруженными. Являясь средством углубления теоретических знаний учащихся, такая работа помогает в дальнейшем стилистически верно использовать учебный материал.

Стилистический аспект обучения предикативной основе предложения наиболее полно можно рассмотреть на уровне текста, опора на него при обучении предикативной основе предложения способствует выработке у восьмиклассников критического, вдумчивого, взыскательного отношения к отбору языковых средств и в конечном итоге обеспечивает учащимся правильную и эмоционально-выразительную речь.

В предлагаемой системе обучения внимание учащихся обращалось на стили речи (книжный и разговорный, художественный, научный), на типы организации речи по особенностям структуры (повествование, описание, рассуждение), на способы функционирования различных грамматических основ в данных стилях и типах речи.

При этом обращалось внимание на текстообразующие функции учебного материала: роль подлежащего в реализации цепной связи предложений; анафорическое подлежащее и сказуемое; позиция сказуемого в тексте и ее влияние на структуру, содержание, эмоциональную окраску; сказуемое как средство реализации параллельной связи предложений в тексте.

Мы поддерживаем точку зрения А.Ю. Купаловой в отношении грамматической основы предложения, которая выделила следующие уровни ее рассмотрения: 1) интуитивно-смысловой (отношение к содержанию); 2) морфологический (средства выражения); 3) собственно-синтаксический (функция) [1]. Второй и третий уровни предполагали рассмотрение особенностей функционирования предикативной основы предложения на основе синонимического сопоставления, определение ее коммуникативной целесообразности.

Усиление речевой направленности в предложенной нами системе обучения рассматривалось как система ориентиров, на которые учащиеся могут опереться в процессе речевой деятельности.

Экспериментальное обучение реализовывалось через упражнения, являющиеся основными методическими единицами обучения. Вслед за М.Р. Львовым мы рассматривали упражнения как виды учебной деятельности учащихся, ставящие их перед необходимостью многократного и вариативного применения полученных знаний в различных связях и условиях [2]. Система упражнений представляла собой совокупность взаимосвязанных упражнений различного типа.

В ходе обучения учащимся сначала предлагались предречевые упражнения для формирования умения оперировать усвоенным языковым материалом, затем речевые (ситуативные) упражнения, характеризующиеся мотивацией речевого акта и составленные с учетом специфики спонтанной речевой деятельности.

За основу в предложенной системе обучения мы взяли классификацию упражнений Л.П. Федоренко [5]: рецептивные (анализ готового «чужого текста»), репродуктивные (видоизменение текста), продуктивные (конструирование самостоятельного высказывания).

Система упражнений по усвоению учащимися-восьмиклассниками предикативной основы предложения построена с учетом таких факторов лингвopsихологического и методического порядка, как сознательность, преемственность, перспективность, связь теории с практикой, научность, доступность, учет родного языка, наглядность и др.

Таким образом, функциональная направленность обучения учащихся-осетин предикативной основе предложения возможна в рамках традиционной парадигматики грамматического значения предложения с учетом корректировки, перераспределения материала внутри темы, его рассредоточенной

подачи, усиления аспектом деятельностной ориентации обучения, речевой подготовки учащихся.

Библиография:

1. Купалова А.Ю. Основы функционального подхода к изучению синтаксиса русского языка в школе / А.Ю. Купалова. М.: Просвещение. 1991.
2. Львов М.Р. Словарь-справочник по методике преподавания русского языка: Пособие для студентов педагогических вузов и колледжей / М.Р. Львов. М.: «Академия»; Высшая школа, 1999. 272с.
3. Сабаткоев Р.Б. Методика развития связной русской речи в осетинской школе / Р.Б. Сабаткоев. Орджоникидзе. 1979.
4. Тихова В.В. Функциональный подход к изучению главных членов предложения в школе: дис.... канд. пед. наук / В.В. Тихова. М., 1991. 249с.
5. Федоренко Л.П. Принципы обучения русскому языку / Л.П. Федоренко. М.: Просвещение. 1973. 160с.

Индербает Г.В. –

Чеченский государственный педагогический институт,

г. Грозный

Русский язык как язык творчества инонациональных писателей

История мировой художественной литературы знает немало примеров, когда целые народы в своем художественном творчестве обращались к языку другого народа. Так, например, литературным языком для иранских и тюркских народов долгое время являлся классический арабский язык, для японцев и корейцев – классический китайский язык, для германского и западнославянских народов – латинский. Такое явление было характерно для раннего феодализма в этих странах, когда, как отмечает литературовед В. Виноградов, «границы народности и литературного языка не совпадают» [2. С.324]. Обра-

щение писателя к языку не своей, а другой нации – характерное явление не только эпохи феодализма, но и более позднего времени, наших дней. И сегодня многие писатели-африканцы пишут свои произведения на французском языке. Можно привести примеры, когда в наше время один язык выступает в качестве литературного языка нескольких народов. Это прежде всего относится к английскому языку, являющемуся литературным языком английской, американской и канадской литературы. Приведенные примеры наглядно опровергают утверждения тех, кто заявлял и заявляет, что «народность, имея свой язык, не может создать свою литературную традицию на языке иной национальности» [2. С.44]. В этом плане очень глубоки и богаты традиции русского языка, к которому, начиная с XIX века, постоянно обращаются представители народов и народностей, волею исторических судеб оказавшихся в составе России или проживавших на сопредельных с нею территориях. Во второй половине XIX в. немногочисленные представители горских народов, лишенные собственной национальной письменности, пробовали свои творческие силы именно на русском языке. На русском языке писали абазинец Адиль-Гирей Кешев, осетины Инал Кануков и Коста Хетагуров, адыгеец Султан-Гирей и другие. Появление писателей из горской среды, избравших своим литературным языком русский, не случайность, а закономерность, объясняемая обстоятельствами истории. При отсутствии у горских народов письменности на родном языке использование русского языка было прямым следствием исторически сложившихся связей горских народов с Россией и ее культурой.

Своими лучшими произведениями первые горские писатели приняли посильное участие в разработке темы Кавказа, в художественном раскрытии образа горца с такой стороны, с какой к нему не подходили русские писатели, видевшие в горце прежде всего воина, защитника «вольности святой», а не труженика.

Широко используя национальный фольклор, поднимая многие жизненно важные вопросы существования своих народов, они явились первыми посланцами горской художественной мысли в русской литературе, а через нее – в мировой. Они дали ряд замечательных картин внутренней жизни горских народов Северного Кавказа, наступившей после завершения Кавказской войны и окончательного присоединения отдельных северокавказских народов к России.

Появление в русской литературе произведений, написанных авторами из среды народов Кавказа, было залогом того, что русская литература не только прислушается к голосу его певцов, не только воспримет созданные ими эстетические ценности, но и, обогащаясь, испытает их влияние.

«Вот явление неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей; изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно...» [6. С.13] – восторженно писал А.С. Пушкин в 1836 году об очерке «Долина Ажитугай» русского офицера Султана Казы-Гирея, опубликованном в первом номере журнала «Современник».

Обращение к русскому языку как к языку творчества было обычным явлением для национальных писателей в советское время. За примерами, свидетельствующими об этом, не приходится ходить далеко. В Дагестане, например, на русском языке писал Эфенди Капиев, в Северной Осетии – Хаджи-Мурат Мугуев, в Чечено-Ингушетии – Абдул-Гамид Гойгов, Саидбей Арсанов, Идрис Базоркин и другие. Это в основном имена тех, кто стоял у истоков молодых северокавказских литератур. С русским языком (удачно или неудачно) связали свою творческую судьбу и последующие поколения чечено-ингушских писателей. Султан Юсупов, Абдулла Сайдулаев, Ибрагим Торшхоев, Малкан Исмаилова, Зиявдин Абдуллаев, Роза Талхигова, Альберт Магомедов, Вахид Итаев, К. Ибрагимов, Р. Нашхоев, М. Гешаев, Умар Яричев, Таус Исаев, Салман Дацагов и другие. По образованию они были учителями,

врачами, инженерами, журналистами, учеными. Различен вклад их в чечено-ингушскую литературу...

Особое внимание к вопросу о национальных языках и национальных литературах у советских литературоведов и философов возникло после XXII съезда КПСС, принявшего Программу строительства коммунизма. После этого съезда судьбы национальных литератур и национальных языков на протяжении 70-х годов являлись предметом ряда дискуссий в газетах «Литература и жизнь», «Правда»; в журналах «Дружба народов», «Вопросы литературы», «Коммунист», «Вопросы философии» и т.д. Национальным культурам и языкам в условиях «строительства» коммунизма не только были посвящены отдельные статьи в газетах и журналах, но были написаны и специальные исследования советских литературоведов (Г. Ломидзе, К. Зелинский, А. Агаев, У.Б. Далгат, П. Берков, Х. Туркаев). Центральное место в этих работах занимал вопрос о языке, в том числе и о русском языке как творческом языке национальных писателей. При обсуждении вопроса о русском языке как языке творчества нерусских писателей литературоведы стремились выработать для себя конкретную политику в области языка и литературы, согласующуюся с решениями КПСС, с Программой КПСС, выработать такие критерии, которые дали бы возможность успешно претворить эти решения в литературную жизнь.

При обсуждении в печати названных проблем высветились две противоположные точки зрения. Вопрос о выборе писателями неродного языка как языка творчества в литературных спорах отдельными литературоведами связывался с вопросом о национальном и интернациональном в литературе. Так, например, дагестанец Ахед Агаев и молдаванин И. Грекул, по-своему понимая решения КПСС, предлагали национальным писателям «в срочном порядке» преодолеть национальную форму, национальное своеобразие литератур, переходить в своем творчестве на русский язык. Национальное своеобразие нерусских литератур они сводили к отсталым пережиткам, которые мешают

сближению народов Советского Союза. В качестве одного из элементов национальной формы литературы, подлежащего быстрейшему преодолению, они рассматривали инациональный язык.

Обращение нерусских писателей к русскому языку понималось этими литературоведами не как явление, имевшее место в прошлом. В этом они видели «положительный» симптом, свидетельствующий об отмирании национальных литературных языков.

Взгляды тех, кто недооценивал национальную специфику искусства, кто торопился форсировать темпы слияния культур и языков, были подвергнуты резкой и аргументированной критике со стороны многих писателей, литературоведов. Так, известный осетинский критик Н. Джусойты, включившись в начавшуюся дискуссию, писал: «Конечно, никому из литераторов не возбраняется писать на языке другого народа. Но видеть в этом процессе форму сближения народов и литератур – значит звать молодые литературы не к развитию «собственных сил», а к их свертыванию, к замедлению художественного роста этих народов, к замиранию процесса их приобщения к вершинам общечеловеческой культуры...» [4. С.87].

Положительно характеризуя влияние русского языка и русской литературы на языки и литературы народов СССР, другой национальный критик Р. Бикмухаметов продолжал дискуссию: «Еще очень рано говорить о превращении русского языка в родной язык всех советских людей и призывать писателей творить не на родном, а на русском языке» [1. С.93].

В литературе появилась и другая, более крайняя точка зрения писателей и критиков по этому вопросу. Так, уже известный нам Н. Джусойты в ряде статей в газете «Литература и жизнь», в журнале «Вопросы литературы» довольно категорично выступил против обращения нерусских писателей к русскому языку как языку их творчества. Отказывая писателям, творящим на инациональном языке, в принадлежности к своей национальной литературе, он писал: «...Самый серьезный критерий принадлежности писателя к той

или иной литературе – это язык его художественного творчества... Национальная литература может существовать только на национальном языке, создание литературной традиции на инонациональном языке – фикция...» [5. С.105]. Н. Джусойты, конечно, был прав в утверждении того, что первым и наиболее отчетливым проявлением национального своеобразия литературы является важнейший компонент художественной формы – язык. Однако нельзя согласиться с выводом автора о том, что «национальная литература может существовать только на национальном языке». Язык, как известно, не единственный элемент национальной формы литературы. Если бы это было так, то произведения, переведенные на другие языки, потеряли бы свою национальную определенность. Наряду с языком и национальная тематика также имеет первостепенное значение для национальной формы произведения. В качестве иллюстрации к этой мысли можно назвать творчество Фазиля Искандера. С 1948 года писатель почти безвыездно живет в Москве, пишет на русском языке. Но, несмотря на это, весь его художественный мир до сих пор умещается там, в родной Абхазии...

В истории мировой художественной литературы многочисленны примеры, когда национальную литературную традицию того или иного народа исследователи ведут с произведений, созданных на неродных языках. Известно, что некоторые дагестанские народности историю своих национальных литератур ведут с произведений, написанных еще до революции на арабском языке. На фоне таких фактов категорическое исключение из национальных литератур писателей, работающих на русском языке, выглядит весьма необоснованным... Н. Джусойты, много сделавший для успешного развития национальных литератур, знает, что говорит. Ополчаясь так рьяно против выбора нерусскими писателями русского языка, он, в этом нет никакого сомнения, преследовал самые благородные цели: «Для молодых национальных литератур особенно важно, чтобы их немногочисленные кадры были неразрывно связаны с национальной литературной традицией...» [3. С.45].

У нас в республике, насколько нам известно, в теоретические рассуждения о том, являются ли чеченцы и ингуши, пишущие на русском языке, национальными писателями или им в этом отказать, не впадали литературоведы и языковеды.

И А.-Г. Гойгов, и С. Арсанов, и И. Базоркин рассматривались у нас не как русские писатели, а как чечено-ингушские. Это нашло отражение и в «Очерках чечено-ингушской литературы».

Обращение того или иного чеченца или ингуша в своем творчестве к русскому языку следовало признать правомерным. Интересы писателя, пишущего на русском языке, не могут быть ущемлены ни морально, ни юридически. Произведения С.-Б. Арсанова, И. Базоркина, как и произведения последующих поколений писателей, широко известны чеченцам и ингушам и пользуются у читателя большой любовью. И в то же время, оценивая обращение чеченцев и ингушей к русскому языку как положительное явление, было бы исключительно опасно недооценивать значение вклада писателей в развитие родного языка. Здесь необходимо вспомнить историю развития русской литературы XVIII века. Кантемир, Ломоносов, Сумароков, Новиков, Державин... С именем каждого из них связаны те или иные приобретения принципиального характера в усилении, в обогащении русского литературного языка. Вклад писателя в развитие родного языка важен не только потому, что развитый язык способствует ускоренному обогащению литературы, но, прежде всего и потому, что он оживляет, делает более интенсивной, эффективной всю духовную жизнь народа. Такого влияния прежде всего лишались чечено-ингушские писатели, творящие на русском языке.

Идеи «ускоренного преодоления родных языков национальных меньшинств», «теории их бесперспективности и обреченности» сыграли определенную негативную роль в развитии языков и литератур чеченцев и ингушей. Из справедливого положения Программы КПСС о том, что русский язык является языком межнационального общения, сотрудничества и дружбы совет-

ских народов, местные партийные функционеры делали вывод о том, что чеченский и ингушский языки являются «языками национального обособления, национальной замкнутости». Прикрываясь неверно понятыми установками КПСС, местные руководители делали все, чтобы ограничить сферы использования родных языков. Такое отношение к языкам чеченцев и ингушей со стороны местных властей порою давало отрицательные результаты в уродливой форме. Нередки были случаи, когда родители требовали, чтобы их детей освобождали от изучения в школе родного языка. Книги, написанные на родном языке, не читались ни взрослыми, ни детьми.

В условиях подобного отношения к родным языкам и литературам со стороны руководства республики и населения пишущий должен был задуматься: на каком языке реализовать ему свое творческое вдохновение? Неверие в перспективы развития чеченской и ингушской литератур вынуждало начинающего писателя по возможности ориентироваться на русский язык как на язык творчества.

Об этом явлении критик Р. Бикмухамедов писал так: «Писатели, пишущие на русском языке, появляются потому, что их родные литературы еще слабы. Когда они наберут силы, то их станет меньше...».

Обращаясь к русскому языку, молодые писатели не столько рассчитывали на внимание всесоюзного читателя, сколько на то, чтобы их читали хотя бы в родных республиках.

«В условиях все усиливающегося значения русского языка, его влияния, некоторые представители нерусских наций и народностей вырабатывают образное мышление на русском языке» [7. С.136], – отмечал Г. Ломидзе в книге «Пути развития советской многонациональной литературы». Указанной причиной, мы думаем, можно объяснить появление в 70-80 годах прошлого века целого ряда молодых литераторов, пишущих на русском языке. Многие из них серьезно заявляли о себе, хотя и не всем им удалось выйти на всесоюзного читателя. Писатели новых поколений, создавая свои произведения на

русском языке, внесли в чеченскую и ингушскую литературы свежую струю, смело выходя за рамки устоявшихся образов и тем.

Поэтические произведения ингушей Саида Чахкиева, Герихана Гагиева Ибрагима Торшхоева и чеченцев Раисы Ахматовой, Вахида Итаева, затрагивающие извечные темы человеческого бытия, были заслуженно известны все-союзному читателю. Не менее удачны были поэтические и прозаические произведения Султана Юсупова, Умара Яричева, Розы Талхиговой, Альберта Магомедова, которые, к сожалению, в силу различных причин, не нашли встречи с большим читателем.

Наблюдения за литературой, вышедшей на русском языке, показывают, что русскому читателю были более интересны произведения национальных писателей, когда они написаны о прошлом этого народа. Национальное своеобразие в произведениях, написанных на русском языке на современные темы, русскому читателю было очень трудно заметить: одни и те же ситуации, одни и те же проблемы, что и в литературах, которые руководствовались методами социалистического реализма. Произведения чеченцев и ингушей, написанные на русском языке, в идейно-художественном отношении отличаются определенными особенностями. Эти особенности, конечно, присущи и всем национальным произведениям народов бывшего Союза.

Романы «Когда познается дружба» С. Арсанова, «Из тьмы веков» И. Базоркина, очерки и рассказы А.-Г. Гойгова знакомили всесоюзного читателя с прошлым чеченского и ингушского народов, которое, по известным причинам, было не только не легким, а порою и трагичным. В задачу этих писателей входило нарисовать правдивую картину этого прошлого и на этой основе вызвать у инонационального читателя добрые чувства к чеченцам и ингушам. Как показывает жизнь, с этой задачей они успешно справились. По пути, проложенному этими писателями, пошло и новое поколение чечено-ингушских писателей.

Художественная литература чеченцев и ингушей имеет, по сравнению с другими литературами, недлительную историю развития. По ней еще очень трудно делать выводы о том, насколько прогрессирующим процессом является обращение чеченских и ингушских писателей к русскому языку...

По мере развития родного языка, его выразительных средств, по мере улучшения преподавания родного языка в школах и вузах, расширения сферы его функционирования, обращение к русскому языку как языку творчества, возможно, пойдет на убыль, но не исключено и то, что появятся литературно одаренные люди, которые пожелают творить свои произведения на русском языке. Примером к сказанному является творчество прозаика Германа Садулаева (г. Санкт-Петербург). Русский язык, который, будучи великим своим художественно-лексическим богатством, и после развала Советского Союза не утратил своего значения для национальных литератур.

Несмотря на известные события последних лет, русский язык для нас, чеченцев, был и остается языком, достойным уважения, средством общения и доступа к духовным ценностям народов ближнего и дальнего зарубежья.

Библиография:

1. Бикмухаметов Р. Литературная газета. 1968.
2. Виноградов В. Краткая литературная энциклопедия. Т.4. М., 1964.
3. Джусойты Н. О национальной самобытности писателя. / «Вопросы литературы». №12. 1968.
4. Там же.
5. Там же.
6. Корзун В. Литература горских народов Северного Кавказа. Чечено-ингушское книжное издательство. Грозный, 1966.
7. Ломидзе Г. Пути развития советской многонациональной литературы. М., 1967.

*Пазов С.У. – к.ф.н., профессор
Карачаево-Черкесского государственного университета,
Пазова Л.К. – к.п.н., доцент
Карачаево-Черкесского государственного университета,
г. Карачаевск*

**Абазинский язык: экстралингвистические факторы
функционирования и развития на современном этапе**

Известно, что развитие любого языка, изменения, которые происходят в нем, связаны с двумя группами факторов – лингвистическими и экстралингвистическими. Наблюдаются они и в абазинском языке.

К наиболее заметным экстралингвистическим факторам, способствующим развитию абазинского языка на современном этапе, можно отнести следующие: международные соглашения и государственные законы, охраняющие языки, а также носителей этих языков и способствующие их развитию; создание письменности, изучение родного языка в средней и высшей школе, исследовательская работа по проблемам абазинского языка, издание печатной продукции, абазинские передачи по радио и телевидению, издание газет и журналов, абазинский театр и т.д.

Современный абазинский язык признан ЮНЕСКО языком, находящимся под угрозой исчезновения [11]. В России абазинский язык внесен в «Красную книгу «Языки народов России», а сами абазинцы включены в «Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации» (Постановление, 24.03.2000).

В силу такого положения особо важное значение в группе экстралингвистических факторов, призванных сохранить и способствовать дальнейшему развитию языка, имеют международные соглашения и государственные законы.

На современном этапе в России абазинский язык защищен «Рамочной конвенцией о защите национальных меньшинств» [9], «Европейской Хартией региональных языков или языков меньшинств» [2] и законами РФ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [5] и «О гарантиях прав коренного малочисленного народа абазин в Карачаево-Черкесской Республике» [6].

Абазинский язык считается младо – (по другой терминологии: ново-) письменным. Попытки создания письменности предпринимались в позапрошлом веке. Так, во второй половине XIX в. Умаром Микеровым была составлена «особая азбука, приспособленная к местному наречию, и посредством ее сам обучал детей удобопонятным для них способом» [3]. Несколько вариантов алфавита было разработано просветителем Т.З. Табуловым. Один из этих вариантов на основе латинской графики был разработан в 1932 году и введен в действие. В 1938 году письменность была переведена на кириллицу и является на сегодняшний день действующей.

В соответствии с вышеназванными законами в настоящее время абазинский язык является одним из государственных языков Карачаево-Черкесии [7]. Он изучается в начальной (1-4 кл.), средней (5-11 кл.) и высшей (бакалавриат, магистратура, специалитет) школе, а также на уровне послевузовского образования (аспирантура, переподготовка, различные формы повышения квалификации). Научное исследование проблем абазинского языка осуществляется на кафедре абазинской и черкесской филологии Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, в Карачаево-Черкесском институте гуманитарных исследований, а также в научных центрах Москвы, Санкт-Петербурга, Сухума, Тбилиси. Исследованием отдельных вопросов абазинского языка занимались и занимаются ученые Европы и Америки (У. Аллен, К. Боуда, Г. Деетерс, Дж. Хьюит, Б. О'Херин и др.)

На абазинском языке издаются газеты и журналы, художественная литература и книги для детей, учебники и учебные пособия для средней школы

и вуза, регулярно ведутся передачи по радио и телевидению, работает театр, проводятся различные конкурсы, викторины, олимпиады.

Карачаево-Черкесская Республика – уникальный регион, в котором проживают представители более 80 национальностей. Пять из них являются субъектообразующими – это абазины, карачаевцы, ногайцы, русские и черкесы. Их развитию оказывается поддержка как со стороны Федерального Правительства, так и Правительства республики – здесь 191 средняя общеобразовательная школа с дневной формой обучения, в которой обучается 55234 ученика. Из всех школ в 95 учащиеся занимаются по учебным планам, предусматривающим изучение родного языка, литературы, культуры. Обучение проводится на русском языке. Родной и русский языки в абазинских школах изучаются параллельно, начиная с 1 класса. А в школах, занимающихся по учебным планам русских школ (городские школы), учащиеся с 1 по 11 классы родной язык изучают по трехчасовой программе.

В средних общеобразовательных школах, занимающихся по учебным планам национальных школ, родной язык и литература изучаются как предмет (абазинский язык в 13 школах). В 53 школах с многонациональным составом учащихся (городские и поселковые школы) созданы условия для изучения языков коренных народов КЧР как носителями этих языков, так и представителями других народов. В 21 из них (1623 учащихся) изучаются абазинский язык, литература, культура.

С 1989 по 1993 годы в 1-4 классах сельских национальных школ республики проводился эксперимент по переводу обучения на родной язык. Результаты эксперимента в Хабезском районе (эксперимент по переводу обучения на абазинский язык проводился в школах этого района) были одобрены Коллегией Министерства образования и науки КЧР, однако повсеместного внедрения эта система не получила.

С 1993 года в школах было введено изучение нового учебного предмета «История и культура народов Карачаево-Черкесии». До 2005 года этот пред-

мет изучался в 152 средних общеобразовательных школах республики в 9-10-11 классах по программе 1 час в неделю, а с 2005 года изучается в 10 и 11 классах.

По абазинскому языку имеются нормативная и академическая грамматика, которые свидетельствуют о том, что в языке происходят изменения, язык развивается.

Однако здесь хочется отметить и ряд экстралингвистических факторов, которые в определенной степени препятствуют развитию родного (абазинского) языка.

Во-первых, это социально-психологический фактор. Имеется в виду отношение носителей языка к своему языку и его престижу.

В последние годы в России активно происходит социальное расслоение общества. Это особенно пагубно отражается на судьбах и культуре малочисленных народов, к которым относятся и абазины. Происходит изменение жизненных приоритетов молодежи и снижение функций родного языка. Сегодня выгодней знать английский язык, потому что в дальнейшей трудовой деятельности в фирмах, акционерных обществах или за рубежом абазинский язык может и не понадобиться, а знание английского даст определенные преференции.

Государственный стандарт образования в Российской Федерации требует обязательного изучения русского языка, математики и ряда других дисциплин. Родной язык не входит в их число. Поэтому многие родители, особенно в городах, стараясь освободить ребенка от лишней учебной нагрузки, часто игнорируют родной язык – «зачем лишняя тройка в аттестате?!»

Во-вторых, фактор экономический.

Раньше во всех селениях, в том числе и абазинских, имелись детские дошкольные учреждения (детские сады). Было престижно посещать эти учреждения и поступать в школу подготовленным к учебе. Кроме того большинство родителей работало, и поэтому детские сады для многих были един-

ственной возможностью не оставлять в рабочее время детей без присмотра. В сельских дошкольных учреждениях с детьми разговаривали на родном языке, приучали к культуре своего народа. Развал СССР, разрушение советского строя привело к закрытию большинства этих дошкольных учреждений, в результате чего много детей осталось без соответствующего общения именно в тот период жизни (от 2 до 5 лет), когда активно развивается язык ребенка, закладываются основы для его обогащения в будущем. Экономическая нецелесообразность содержания большого количества малочисленных детских дошкольных учреждений в абазинских селениях резко снизило знание детьми родного языка и функциональную востребованность последнего.

Снижение функциональной востребованности абазинского языка происходит и по другим причинам. Это билингвизм или многоязычие абазин, недостаточное использование возможностей, которые дает закон о государственных языках Карачаево-Черкесской Республики, а также смешанные браки (семьи).

Изучение родного языка в республике осложнено и отсутствием хороших учебников, программ, методических пособий, дидактических материалов, а также учебника, учитывающего диалекты и говоры абазинского языка.

Анализ обеспеченности учебного процесса учебниками и учебно-методической литературой на языках народов КЧР (по данным Министерства образования и науки республики) свидетельствует, что их дефицит составляет 22930 экземпляров. Из них по абазинскому языку и литературе – 1830 экз.

Учебники и учебно-методическая литература для углубленного изучения родного языка – большая редкость, отсутствуют и учебники родного языка для обучающихся по программам школ с многонациональным составом (по трехчасовой программе) учащихся. Мало художественной и переводной литературы на языках народов КЧР, в том числе и на абазинском. Проблема недостаточного обеспечения учебного процесса учебно-методической литературой объясняется, главным образом, тремя причинами: 1) отсутствием

глубоких теоретических программных исследований по проблемам теории и методики обучения родному (абазинскому) языку, а также родному и русско-му языкам во взаимосвязи; 2) недостаточностью средств, выделяемых Правительством республики на подготовку и издание учебников и учебно-методической литературы по языкам народов КЧР; 3) снижением активности авторской работы над учебниками и пособиями.

Здесь можно привести и еще ряд обстоятельств, которые сдерживают развитие абазинского языка, а иногда даже способствуют снижению его функциональной востребованности.

Однако, на наш взгляд, будет более целесообразным, если приведем те условия, при которых развитие языка будет более успешным.

1. Проблемы демографии. Чтобы сохранить абазинский язык и развивать его в дальнейшем, необходимо иметь народ (и вовсе немалочисленный), который будет говорить на этом языке. Недаром ЮНЕСКО объявила, что языки, на которых говорят менее 100 тыс. человек, скорее всего, исчезнут в XXI веке. Абазин сейчас гораздо меньше, чем приведенная цифра. Надо делать выводы и повышать рождаемость.

2. Родной язык ребенок должен слышать с первых дней жизни и усваивать в семье. Для сохранения и развития абазинского языка немаловажное значение имеют сельские детские дошкольные учреждения (детские сады). Необходимы их восстановить в каждом селе и сделать местом усвоения детьми богатств родного языка и культуры.

3. Прошли времена, когда уважаемые старцы рассказывали часами малышам сказки, учили их играть в национальные игры, давали им необходимые знания, связанные с этикетом. В сегодняшнем сумасшедшем ритме жизни их функцию начали выполнять компьютерные игры и другие виды отдыха и развлечений, которые говорят с ребенком только на русском или английском языках. Стало быть, возникла необходимость создания и на абазинском языке развлекательных передач, мультфильмов, игр и т.д.

4. За последние 25-30 лет не было ни одного нового солидного издания или сборника, содержащего образцы абазинского устного народного творчества (загадки, пословицы, поговорки, сказки, сказания и т.д.). Необходимо срочно издать (или переиздать) абазинские сказки и другие фольклорные тексты.

5. Плохо обстоят дела и с изданием художественной литературы. То малое, что сейчас появляется на абазинском языке, издается, в основном, за счет авторов. Многие хорошие произведения абазинских писателей и поэтов стали библиографической редкостью, через некоторое время они могут исчезнуть навсегда. Необходимо разработать программу и переиздать все те произведения, которые вошли в школьные учебники, стали классикой абазинской литературы.

6. Необходимо изменить отношение родителей и учащихся к своему родному языку в школе, для чего уроки абазинского языка и литературы должны стать полноценными, такими же, как и математика, русский язык и т.д. Сам учебный процесс следует обеспечить качественной учебно-методической литературой.

7. Новый абазинский театр еще не стал на ноги, проходит этап становления. Активно работающий театр потребует решения многих других задач, в первую очередь, его обеспечение постановочной литературой – сценариями пьес, инсценировок и более крупных произведений. Работа театра потребует развития драматургии, а она, в свою очередь, обогатит абазинский язык новыми выражениями, оборотами, формами.

8. Необходимо усовершенствовать абазинское письмо и абазинскую орфографию, не разрушая того, что уже наработано. Идеальным было бы разработка одной письменности для всех народов абхазо-адыгской группы, но на первом этапе необходимо это попробовать на уровне абхазского и абазинского языков, имея в виду и тех, кто сегодня живет в Турции, Сирии, Иордании и других странах Европы и Америки. При этом надо исходить из того, что дей-

ствующие алфавиты абазинского и абхазского языков, основанные на кириллице, должны стать базой для единого и более совершенного алфавита. Абазинская и абхазская диаспора в странах зарубежья сегодня все еще не имеет стабильного алфавита, орфографии. Попытки создания письменности для них предпринимаются с 2004 года. Есть определенные достижения. Однако принимаемые в последние несколько лет попытки перевода письма абхазо-адыгских народов, проживающих в Турции и арабских странах, на латинскую графическую основу, может отдалить (или и вовсе развести в разные стороны) разделенные войной части единого и без того немногочисленного этноса.

* * *

Сегодня абазинский язык живет, функционирует, развивается. Однако существует много обстоятельств, которые сдерживают это развитие. Необходимо сделать все, чтобы нынешняя ситуация вокруг языков малочисленных народов не стала «могильщиком» этих языков, в том числе и абазинского.

Библиография:

1. Генко А.Н. (1955). Абазинский язык. Грамматический очерк наречия Тапанта. М.: АН СССР, 1955.
2. Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств. Страсбург, 1992.
3. Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 9 марта 1891 г.
4. Ломтатидзе К.В. Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков. I. Фонологическая система и фонетические процессы. – Тбилиси, 1976. На груз. яз. Резюме на рус. яз.
5. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации. М., № 82-ФЗ от 30.04.1999.
6. О гарантиях прав коренного малочисленного народа абазин в Карачаево-Черкесской Республике. Черкесск, №27-РЗ от 12.11.2001.
7. О языках народов Карачаево-Черкесской республики. Черкесск, РЗ № 104-XXII от 29.05.1996.

8. Пазов С.У., Татаршао А.Х. Абазины – древний народ Кавказа // Къвбина – Кубина – Локт. Черкесск-Карачаевск: изд-во КЧГПУ, 1999.
9. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств. Страсбург, 1995.
10. Allen Y. S. Structure and System in the Abaza Verbal Complex // Transaction of the Philological Society. Hertford, 1956.
11. Atlas of the World's Languages in Panger. Paris, 2010.

*Пархоменко Е.В. – ст. преподаватель
Кубанский государственный технологический университет,
кафедра философии,
г. Краснодар*

Речевая агрессия как коммуникативное явление

Грубое и резкое обращение закрывает перед
нами все двери и все сердца.

С. Смайлс

В современной науке существует множество определений языковой агрессии. Необходимо отметить, что подходы к определению неоднозначны и акценты в них различны вследствие того, что компонент «агрессия» как отдельное понятие имеет различные дефиниции. Так, В.Ю. Апресян в работе «Имплицитная агрессия в языке» определяет термин «языковая агрессия» как «все типы негативного или критического отношения говорящего к адресату, выраженные при помощи языковых средств» [1].

А в энциклопедических словарях-справочниках даются следующие определения:

— «речевая (языковая, вербальная) агрессия – форма речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом»;

— «использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности»;

— «манера речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство» [7].

Принимая во внимание разнообразие толкований данного термина, определим речевую агрессию как выражение негативного отношения к кому-либо (чему-либо) средствами языка, а также наполненность текста такими языковыми средствами и приёмами, которые вызывают у адресата тягостное впечатление и отрицательные эмоции.

Речевая агрессия имеет ряд особенностей:

— Речевая агрессия может проявляться в рамках любого типа общения (межличностного, группового, массового) и любого дискурса, независимо от его временных и национальных факторов.

— Языковая агрессия всегда имеет четко направленный вектор движения на адресата, поэтому можно говорить о том, что это явление не что иное, как действие, мотивированное враждебным отношением к адресату.

— Характеризуется двойной интенцией адресанта: во-первых, это сознательная ориентация адресанта на субъектно-объектный тип общения; во-вторых, выражение негативного отношения к адресату либо к предмету речи, не представленному в коммуникации.

Конечной целью адресанта является вовлечение адресата в реальный или потенциальный конфликт, вследствие изменения status quo в указанных сферах коммуникативного пространства. Это позволило на основе коммуникативно-прагматических установок адресанта выстроить типологию речевой агрессии: речевая агрессия квалифицируется как вторжение в речевое, аксиологическое или когнитивное пространство адресата.

Социумные объекты агрессии – социально значимые концепты, которые приобретают негативную социальную оценку в результате взаимодействия экстралингвистических и интерлингвистических факторов. Такие объекты формируются в результате установления логической связи между негативными явлениями в жизни общества и тем объектом, который с той или иной степенью очевидности может быть признан причиной существующего положения. В результате появляется значительное количество негативных высказываний, где для обозначения таких объектов используется абстрактная номинация, которая могла бы соответствовать значительному количеству референтов. Выбор номинации диктуется, как правило, стремлением адресанта к максимальной негативизации, проявляющейся в отборе резких, оскорбительных слов, в том числе нецензурных ругательств, насмешливых интонаций, в повышенной громкости голоса, в резко отрицательных оценках собеседника, неприятных для него намеках, грубой иронии. Т.А. Воронцова говорит о речевой агрессии как о конфликтогенном речевом поведении, «которое не только нарушает взаимодействие на уровне межличностного общения или приводит к противостоянию между прямым и косвенным адресатом, но и способно спровоцировать социальные конфликты. Речевая агрессия как коммуникативно-дискурсивное явление носит достаточно универсальный характер и не является приметой современной действительности конкретного локуса» [2].

Вульгаризация и агрессивность речи не новое явление, периодически происходит активизация «варваризирующей» стихии, причем законы этой периодичности примерно одинаковы для всех языков и культур. Извне корнями данного феномена можно считать особую социополитическую атмосферу:

1. Общая (политическая, экономическая, культурная) нестабильность современного общества, которая определяет снижение уровня жизни при росте уровня преступности, случаев асоциального поведения и, как следствие, тенденцию негласного поощрения общественным сознанием вербальной аг-

рессии как неотъемлемой части кодекса речевого поведения «современной», «сильной», «уверенной в себе» личности.

Пропаганда насилия в средствах массовой информации. Массмедиа, и прежде всего телевидение, выступают как источник вербальной агрессии. Своеобразному культивированию, насаждению речевой агрессии способствуют также популярность жанров боевика и триллера в современных литературе и кинематографе с соответствующими моделями речевого поведения персонажей и набором словесных клише, а также компьютерные игры и музыка агрессивной направленности. Кроме того, речевую агрессию своеобразно «стимулируют» явно нездоровый интерес к подробностям преступлений и форма их представления во многих современных печатных изданиях.

2. Утрата или ослабление механизмов, традиционно сдерживавших проявления речевой агрессии (цензурный контроль, строгое соблюдение норм речевого этикета).

3. Отношение к этой форме агрессии, степень ее порицаемости в данной логосфере, речемыслительной культуре. Так, например, значительная степень социальной лояльности к речевой агрессии в российском обществе, очевидно, позволяет согласиться с тем, что «данное явление встречается в нашем обществе значительно чаще и представлено многообразнее, чем, скажем, в японской культуре, где вербальная агрессия встречает активное общественное осуждение».

Поэтому в современном европейском социуме практически отсутствует строгий юридический контроль над проявлениями вербальной агрессии – четко продуманная и реально действующая система законов и нормативных актов. В соответствии с действующим законодательством (ст.20.1 КоАП РФ) речевую агрессию можно квалифицировать как мелкое хулиганство, «то есть нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, влечет наложение административ-

ного штрафа в размере от пятисот до одной тысячи рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток» [4].

Между тем в герменевтической концепции французского философа П. Рикера в качестве одной из возможных оппозиций языковому насилию, сдерживающего механизма справедливо рассматриваются именно юридические нормы, процесс (судебное разбирательство – tribunal) как «регламентированная форма конфликта», «правовая переработка насилия», цель которого – «способствовать общественному миру благодаря торжеству языка над насилием» [6].

Однако в действительности привлечение к ответственности по данной статье оказывается достаточно затруднительным, прежде всего потому, что многие предпочитают не замечать речевой агрессии в свой адрес, не реагировать на словесные нападки или решать эту проблему самостоятельно – чаще всего с помощью ответной агрессии.

Среди внутренних причин, способствующих развитию агрессии, можно отметить:

— Низкий уровень общей и речевой культуры личности. В данном случае сквернословие для человека, который их употребляет, никак не отмечено, оно входит в его обычный лексикон и используется им автоматически и как единицы именования соответствующих предметов и действий.

— Функционирование аффективного сквернословия как варианта обычного, когда языковая агрессия выражается в употреблении оскорблений, связанных с негативизмом, которые направлены как на адресата, так и на себя. Аффективный мат в большинстве случаев является оскорблением.

— Намеренное употребление сквернословия как вызов обществу, попытка разрушить общепринятые правила приличия.

В некоторых СМИ распространился своеобразный вид речевой агрессии, получивший название «стеб» (стеб – ернически агрессивное поведение, отношение к чему-либо и соответствующий стиль речи). В ерническом стиле

журналисты пишут о катастрофах, пожарах, убийствах, грабежах, высмеивают то, что, казалось бы, не располагает к шутке: «Нехило запыливал деревянный двухквартирный дом по улице Таджикской.. Попыливали хозяйственные постройки, баня... В неравной битве с огнем четыре барана превратились в шашлык». Такая манера навязывает агрессивно-нигилистическое отношение ко всем без исключения явлениям (как отрицательным, так и положительным) и отражает идейный разброд общества, в котором прежние идеалы разрушены, а новые еще не сформированы [8].

Разрушение концептуального и стилистического единства СМИ выразилось в разделении прессы на качественную и бульварную, в последней речевая агрессия имеет часто разнузданный характер, который был невозможен в прежние годы жесткой цензуры.

Среди форм речевой агрессии выделяют прямую активную агрессию:

оскорбление: «Уголовники в коридорах власти» (ЯВ, №25, 2008);

угроза: «А то грохнем тебя и бабу твою и закопаем под плинтусом. И вообще что-то рожа твоя нам не нравится» (ЯВ, №7, 2008);

обвинение: «Страну развалила кучка младо реформаторов, а почву им подготовил Горбачев» (ЯВ, №7, 2009);

создание отрицательного образа: «...рядом со мной стоит «готишная» барышня, в полном боевом прикиде: белый грим... В общем, гордость кладбища» (ЯВ, №49, 2009) [5].

Активная непрямая (распространение клеветы, сплетен), пассивная прямая (отказ разговаривать с другим человеком, игнорирование его вопросов), пассивная непрямая (отказ дать определенные словесные объяснения, демонстративное молчание). Формы пассивной речевой агрессии реализуются, как правило, в условиях непосредственного, устного общения.

К проявлениям речевой агрессии можно отнести и перегруженность текста негативной информацией, основная цель которой – произвести впечатление на потенциального покупателя газеты. На этот эффект явно рассчита-

ны, например, заголовки статей, собранных на одной полосе любой газеты [9].

Каковы последствия речевой агрессии?

Во-первых, любая агрессия порождает ответную агрессию, искажает восприятие слушателем или читателем информации, манипулирует сознанием отдельного человека или групп людей.

Во-вторых, речевая агрессия может дестабилизировать общество.

В-третьих, речевая агрессия расшатывает языковые нормы, губит эстетический вкус, рекламирует нелитературную, сниженную речь.

Способы противодействия речевой агрессии, прежде всего, правовые: нужно в судебном порядке защищать честь и достоинство тех, на кого направлена речевая агрессия. Цензурная составляющая является еще одним механизмом, способным сдерживать «гуляние злобы», так как уровень сознания современного общества таков, что дают, то и потребляют.

Исследования этой важнейшей проблематики особенно необходимы именно на материале нашей логосферы, так как механизмы, традиционно сдерживавшие проявления речевой агрессии, в связи с длительными социальными потрясениями утрачены. «Языковое мышление постепенно лишается присущей ему мистической глубины и онтологического напряжения» [3, С.63]. Есть ли в этом трагизм? Или грусть расставания с юностью...

Библиография:

1. Апресян В.Ю. ИмPLICITная агрессия в языке.
<http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Apresian.ht> (дата обращения 30.10.2013).
2. Воронцова Т.А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: Автореф. Диссертации на соискание ученой степени доктора фил. наук. Челябинск, 2006 <http://www.dissercat.com/content/rechevaya-agressiya-kommunikativno-diskursivnyi-podkhod#ixzz2jDyfJIYf> (дата обращения 30.10.2013).

3. Елистратов В.С. «Сниженный язык» и «национальный характер»
// Вопросы философии, № 10, 1998. С. 55-63.
4. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (с изм. и доп.) // СПС «Консультант Плюс».
5. Матвеева А.А.. Языковая агрессия в современной российской прессе
// Сб. мат. Всероссийской научной междисциплинарной интернет-конференции г. Якутск, 16-26 апреля 2009 г. <http://www.100-bal.ru/kultura/7732/index.html> (дата обращения 1.11.2013).
6. Рикер П. Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права. // Вопросы философии, № 4, 1996. С. 32-34.
7. Трошева Т.Б. Речевая агрессия // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М. 2003. <http://stylistics.academic.ru/140/> (дата обращения 30.10.2013).
8. Формы проявления речевой агрессии в газетном тексте / Н.Е. Петрова, Л.В. Рацибурская // Русский язык в школе. 2006. №1. <http://diplomadviser.info/2010/07/27/artikle-24>(дата обращения 1.11.2013).

Пашкова Н. В.

*Кубанский государственный технологический университет,
г. Краснодар*

Разговор – ключ к спасению!

Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно.

М. Мамардашвили

На смену паническому страху, связанному с прекращением разговора, о котором размышлял А. Пятигорский, современная реальность являет нам ужас отсутствия смысла. В своей работе «Непрекращаемый разговор» Пяти-

горский пишет: «Разговор немислим без моего участия в нем, но и сам я немислим, если разговор прекратится» [2.С.6], т.е. разговор для него – это возможность сохранения общечеловеческих связей, которые будут потеряны, если вдруг мы замолчим. По его мнению, «разговор – это индивидуальный случай мышления» [2. С.9], но если в диалоге отсутствует мыслительное содержание, тогда диалог перестает быть местом, где случается мышление. В нашей реальности молчание может быть более осмысленным, чем «пустой», бессодержательный диалог.

Сегодня потребность в обмене информацией заменяет естественную потребность в размышлении, мы просто передаем и принимаем сведения, факты, комментарии. Существуют некие языковые конструкции, которые заполняют наше речевое пространство до самых краев и при этом вытесняют Мысль, она тонет в водовороте пустых вербальных знаков, которые являются лишь пародией на Слово. Чрезвычайно сложно в таком мире появиться живой мысли, а следовательно, и живому слову.

Прошли времена, когда античные философы наделяли Логос той силой, которая способна устанавливать мировой порядок. Так для древних греков Логос – это не сам язык, но нечто, относящееся к языку, проступающее через него и выявляемое через диалогическое общение. «Греки ведь были разговаривающими людьми, они все обсуждали. Бесконечное обсуждение, рассуждение, беседы – это очень интересная вещь, которая характеризует греков как рассуждателей, беседунов» [1]. Да и сама греческая реальность есть нечто таинственное, потому что Греция — это не территория, а состояние. И это состояние зависело от того, что «греки были своего рода рассуждающим человеческим органом, они сами себя создавали в качестве состояния через свои разговоры, в том числе, например, через „Илиаду“. У них было единство формирования себя через эпос, называемый „Илиадой“, „Одиссеей“ и т.д. То есть они формировали себя такими предметами или механизмами, как эпос, трагедия, литературные тексты, которые сами существовали в контексте об-

щения и разговора» [1]. Передаваемый из уст в уста эпос был средством, позволяющим осознать себя соучастниками исторических событий, со-творцами автора. «Илиада» была необходимостью Диалога, его возможностью, его формой существования.

Диалог – это особая сфера существования человека, которую нам открывает Сократ. В отсутствии текстов, есть то, чего отчаянно недостает обычному человеку, – чувство увлеченности, любви к жизни, воли к самоопределению. Соотнося внешние события со своими внутренними убеждениями, Сократ был гражданином, потому что он не просто обладал правом участия в общественных делах, но и принимал на себя обязательства в жизни общества, иллюстрируя старую идею греческого мира о том, что у нас не просто есть право, но у нас обязанность участвовать в делах государства, решать свои проблемы через призму проблем общества.

Современная действительность задает новую систему координат, где диалог становится практически невозможен. Поколение «next» говорит и мыслит на новом языке, в отсутствии глаголов, а, следовательно, и действия. Массмедиа своей пустой информацией гонятся не за смыслами, а за сенсацией. Понятие «Со-беседник» заменено на «потребитель коммуникации», для которых «Жизнь стала Тошибись!» («Toshiba»), «Бриллианты навсегда» («De Beers»), «Невозможное возможно» («Adidas»). Слово, умело сказанное, может повернуть людской поток в любом направлении.

Нынешнее общество, застрявшее в потреблении, жестокое и нетерпимое к инакомыслию живет по понятиям, а не по правилам и законам. Для масштаба нашей страны одного канала «Культура» мало для того, чтобы быть проводником ума, интеллигентности, творчества и благородства, необходима среда, формирующая ценностные ориентиры для будущих поколений! Невозможно сохранить традиции, исторические связи, передать следующим поколениям богатство родного языка, если этому языку учат люмпены, если понятия «интеллигенция» не существует, но есть топ-менеджеры, мерчендайзе-

ры, PR-менеджеры, HR-менеджеры и т.д. У них не получится как у Пушкина «И, обходя моря и земли, Глаголом жги сердца людей», потому что нет глаголов, потому что действительность очень скудная, наполнена симулякрами, потому что слов много, а смыслов – нет. Для того чтобы понять окружающий нас мир во всех его связях и проявлениях, необходимо услышать других и выстрадать собственные мысли и смыслы.

Но хуже откровенного взаимного непонимания может быть только иллюзия понимания, потому что в этом случае стороны попросту не понимают, что происходит, и они не осознают, что они НЕ понимают. Казалось бы, партнеры говорят на одном языке, а смыслы вкладывают разные. Сплошь и рядом мы знаем слова и названия явлений, событий, процессов, но не их содержание, не глубинный смысл, и тогда происходит подмена знания сущности предмета знанием его названия, которое принимается за понимание. На самом деле, это миражи знания и понимания. Так любой диалог становится лишь «приятной» иллюзией диалога.

Осознание того, что только в разговоре, только в процессе говорения человек начинает реально проявляться как Человек, становится атавизмом. В отсутствие «человеческой среды», где собеседники пребывают в одной реальности, где говорящий и слушатель «одной крови», когда они чутко реагируют на те импульсы, которые посылают друг другу, надежда на встречу с мыслящим Человеком становится иллюзией. Именно такой диалог есть следствие изменения человека, наполнения смыслом его жизни, инструмент, помогающий говорящему «познать самого себя», отыскать «человеческое в человеке». Это всегда было сложно сделать, ведь слово зазвучит, будет услышано, если оно пронизано мыслью. Мысль оживляет мир, делает его неистощимым, да и сам этот феномен неистощимости проистекает из того плана бытия, который мы именуем духовным, а истощиться может только физическое, телесное. Из этого же духовного среза рождается мысль, – не умное слово, понятие или какое-нибудь логически согласованное высказывание (что тоже

может являться мыслью), но мысль, которая тут же схватывается какими-то невидимыми силами нашей души, затрагивает что-то там внутри, и заставляет человека совершать личностное усилие.

С помощью слова можно вершить любые дела и получать любую прибыль, но это «мертвое слово». Современному, прагматичному человеку с его желанием получить выгоду это не кажется чем-то из ряда вон выходящим. И он начинает жить в мире суррогатов, в мире, где слово и смысл – это абсолютно не связанные между собой понятия.

Декарт считал, что употребление слов – это признак наличия интеллекта, но часто происходит следующее: говорящий ухватывается за термины, «штампы», бессмысленно повторяет их, и мысль «прячется».

Мы стоим на пороге «лингвистической» катастрофы, нас окружает пустое говорение, потому что «хранилища» языка закрыты, зачастую никто даже не делает попытки заглянуть туда. Как современному человеку понять А.С. Пушкина: «...смотрит в поле, **инда** очи разболелись гляючи...», или М.Ю. Лермонтова: «Мои мучительные **пени** Бессмысленно отвергнул ты», или С.А. Есенина: «Пускай меня бранят за **стансы** – В них правда есть».

Сейчас у нас тот язык, которого мы достойны, потому что структура языка отражает структуру жизни. Живя этой жизнью, мы перестали задавать себе сущностные вопросы, мучиться философскими проблемами. Наш новый язык не может порождать философские вопросы, не может порождать мысль. Трудно строить диалог с помощью слов, лишенных смысла, такой разговор способен разрушить любую индивидуальность, уничтожить все многообразие жизни.

Язык как проводник в этой бытийности помогает пройти через различные состояния, позволяющие ощутить нашу включенность в культуру; с помощью языка мы способны приблизиться к самим себе неузнанным и непознанным. Язык создает в нас пространство интереса к себе и к миру, ту самую пытливость, которая, позволяет отделить себя подлинного от иллюзорного

для того, чтобы понять ценность невероятной возможности присутствия в этом мире.

Библиография:

1. Мамардашвили М. Лекции по античной философии. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Mamar/index.php (дата обращения 25.10.2013).

2. Пятигорский А. Непрерываемый разговор. СПб.: Азбука-классика, 2004.

*Хадашева С.А. –
ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский
государственный университет имени К.Л. Хетагурова»,
г. Владикавказ*

Перевод как средство интенсификации процесса обучения определятельным конструкциям в национальной школе

В лингвометодической литературе подчёркивается, что к числу наиболее трудных тем для изучения учащимися-осетинами относятся способы выражения определятельных отношений, для передачи которых в русском и осетинском языках используются единицы разного уровня: лексического, словообразовательного, морфологического и синтаксического, позволяющего говорить об изоморфности определятельных конструкций в обоих языках. Однако при общем сходстве организации данных конструкций в русском и осетинском языках у средств выражения определятельных отношений есть много грамматико-стилистических особенностей, выявить которые в процессе их изучения помогает использование перевода, имеющее существенное значение в семантизации языковых единиц, особенно на начальном этапе изучения. Главная задача состоит здесь в том, чтобы подобрать соответст-

вующие средства родного языка для эквивалентной передачи семантики категории атрибута. Важно иметь в виду, что в результате различного, или во всяком случае не всегда совпадающего распределения того или иного содержания между соотносительными знаками в разных языках их значения полностью не совпадают, что может приводить к нежелательной интерференции. Целесообразность применения этого метода в национальной школе подтверждается тем, что, как показывают исследования психолингвистов, любое явление иностранного языка воспринимается учащимися через призму родного языка [1.С.13.]. А поскольку перевод оказывается психологической необходимостью, то пренебрегать им неразумно.

Общеизвестно, что перевод занимает особое место как один из самых эффективных методов обучения языку. Роль перевода в обучении русскому языку как неродному в разное время была различной и до сих пор занимала весьма скромное место. Между тем перевод как особый вид работы по развитию речи для методики русского языка в национальной школе имеет принципиальное значение, так как позволяет в максимальной степени обеспечить осознание системных свойств изучаемого и родного языков, усовершенствовать языковые и речевые навыки билингвов с учетом коммуникативно-прагматических характеристик употребления языка. Педагоги прошлых лет не раз признавали, что перевод является неотъемлемой частью гуманитарного образования, хорошей тренировкой лингвистических способностей, средством развития языкового чутья. Для всех без исключения методик он по-прежнему остается одним из главных упражнений. Во-первых, потому что умение переводить позволяет учащемуся расширить границы общего образования, углубить знания и тем самым расширить сферу применения своих знаний; во-вторых, с помощью перевода у учащихся вырабатываются навыки внимательного отношения к языковой форме как способу выражения содержания. Так, в методике преподавания русского языка в осетинской школе утвердилось восприятие частого обращения к переводу и межъязыковому со-

поставлению на уроках по многим причинам: свободное владение русским языком учащимися и необходимостью выработки в сознании детей двух независимых языковых систем: осетинского и русского. В осетинской школе перевод используется нами не как метод, а как прием преподавания.

В качестве надежной лингвистической основы процесса перевода служит сравнительное изучение языковых явлений (в нашем случае определительных конструкций осетинского и русского языков) и установление между ними определенных соответствий, что помогает учащимся лучше осознать и усвоить его, и вместе с тем научиться применять на практике. Наряду с этим перевод является средством, дающим возможность выявить пробелы в знаниях учащихся по усвоению средств выражения определительных отношений и ликвидировать их. Среди методистов можно встретить противоречивые мнения о роли родного языка в обучении русскому языку на разных этапах обучения. Одни полагают, что эта роль постепенно уменьшается; другие, напротив, полагают, что возрастает. На наш взгляд, в старших классах осетинских школ нет острой необходимости при изучении определительных конструкций русского языка часто привлекать родной язык учащихся, так как они могут пояснить данное явление средствами самого русского языка.

Итак, учет типологии определительных конструкций осетинского и русского языков позволяет выбрать правильную стратегию при их изучении, создать серию тренировочных упражнений, направленных на предотвращение речевых ошибок у учащихся-осетин. Мы выяснили, что такими упражнениями являются упражнения-переводы, которые могут выполняться при анализе всех уровней языка. Они помогают воскресить в памяти учащихся знания, полученные на уроках родного языка, позволяя значительно сэкономить время для объяснения нового материала на уроках русского языка. Например, приступая к изучению согласованных и несогласованных определений можно предложить учащимся выполнить упражнение с таким заданием: перевести текст, насыщенный определениями с родного языка на русский. В процессе

выполнения такой работы школьники выявляют, что определения в осетинском языке чаще всего выражены именами существительными в родительном падеже, реже – относительными прилагательными. На русский язык и те и другие могут переводиться несогласованными и согласованными определениями: хъæдгæсы хæдзар – лесничий дом, дом лесника.

Очень часто учащиеся-осетины под влиянием родного языка неправильно строят словосочетания с несогласованными определениями, в частности, пропускают предлоги в предложных конструкциях: вместо «подарок отца» говорят «подарок от отца». Ясность в этот вопрос помогает внести перевод данных словосочетаний на родной язык, нахождение их эквивалентов. Систематическая же тренировка закрепит и правильное употребление их в речи.

Перевод применяется также с целью разграничения тех несогласованных определений, которые учащиеся заменяют согласованными определениями или в которых они смешивают предлоги. Внимание учащихся обращается на то, когда такая замена возможна и когда невозможна. Например, в словосочетаниях «книга отца – отцовская книга», «железная ограда – ограда из железа» несогласованные определения-существительные могут быть заменены прилагательными. В словосочетаниях же «ответ товарища – товарищеский ответ», «книга друга – дружеская книга» замена существительных в родительном падеже прилагательными невозможна.

Следующий момент, на который важно обратить внимание при переводе, – это сопоставление и противопоставление грамматических форм в осетинском и русском языках, что должно предотвратить речевые ошибки учащихся-осетин.

Грамматические формы также должны вводиться постепенно, по мере их изучения. На наш взгляд, целесообразна такая последовательность: сперва даются простые нераспространенные предложения, затем последовательно вводятся второстепенные члены.

В процессе выполнения упражнений по переводу с русского языка на родной учащиеся усваивают не только сходство и различие грамматических конструкций, но и порядок слов в обоих языках. Так как в осетинском языке определение всегда стоит перед определяемым словом, а в русском языке оно может стоять и перед определяемым словом и после него, то в качестве закрепления этого материала можно рекомендовать следующее задание: «Сопоставьте оригинал с переводом. Объясните различие в местоположении определений: 1) Бола привез вязанку дров. – Бола сугты баст æрбаласта; 2) Музыканты заиграли первый танец. – Музыкантæ фыццаг хъазт æрцагътой; 3) Сослан поменял оконную раму. – Сослан аивта рудзынджы фæлгæт». Очень часто синтаксическая структура исходного предложения, полученная в результате перевода, может не совпадать с точки зрения выражения субъектно-объектных отношений. Такое явление часто наблюдалось при переводе, когда учащиеся использовали слово, отсутствующее в оригинале. Чтобы учащиеся отчетливее уяснили порядок слов в определительных конструкциях родного предложения и эквивалентном ему русском предложении, лучше перевести сначала с русского языка на родной, а затем, чтобы выработать у учащихся навык практического пользования им, приступить к упражнениям по переводу с осетинского языка на русский.

Необходимо заострить внимание учащихся на том, что русское предложение, осложненное обособленным определением, выраженным причастным оборотом, может быть заменено сложноподчиненным предложением с придаточной определительной частью. Однако в осетинском языке нет причастных оборотов рассматриваемого типа. Нами уже отмечалось, что определение всегда предшествует определяемому слову, поэтому при переводе простое предложения с обособленным определением, выраженным причастным оборотом, и сложноподчиненное предложение с придаточной определительной частью на осетинский язык могут быть переведены только сложноподчиненными предложениями с придаточной определительной частью: «Скъолайы раз цы

бæлæстæ сагъд ис, уыдон дидинаг ракалдтой» – «Около школы какие деревья посажены, они зацвели». Важно учитывать эту особенность в осетинском и русском языках. Кроме того, перевод синонимических конструкций является одним из путей выработки у учащихся навыка правильного выбора средств выражения определительных отношений на русском и неродном языках.

Упражнения в переводе с русского языка на родной, несомненно, имеют большую ценность. Однако ориентация на достижение коммуникативного эффекта при изучении определительных конструкций рекомендует использовать тексты, отбор которых обусловлен тем, какие грамматические навыки будут отрабатываться и закрепляться в связи с его использованием и как он насыщен необходимым лексико-грамматическим материалом. При применении текстовых источников возможна следующая комбинация: сопоставляемые явления могут изучаться независимо в каждом отдельном языке и речевых произведениях на этом языке, либо в речевых произведениях, находящихся в отношении перекодирования (оригинал – перевод, перевод – оригинал). Процедура такой работы заключается в том, что учащиеся сначала переводят текст с русского языка на родной, а затем, закрыв первоначальный текст, снова переводят с родного языка на русский и сверяют получившееся с первоначальным вариантом. В этом и заключается практика перевода, так как именно в таком направлении можно достичь более высокого уровня качества результата.

В целом, при всем многообразии форм и методов, используемых учителем на уроках русского языка при работе над упражнениями описываемого типа, перед ним стоит важная задача: внести в сопоставление систематичность, предупредить ошибочные ассоциации, добиться того, чтобы сопоставление служило лучшему освоению нового языкового материала. И при этом надо помнить, что сопоставление родного и русского языков целесообразно лишь в том случае, если оно способствует более глубокому изучению русского языка. Ведь при сопоставлении изучаемого языка с другим или с другими,

мы имеем возможность как бы выйти за пределы изучаемого языка и посмотреть на него со стороны. Это позволит нам открыть в изучаемом языке много явлений, которые могли бы остаться незамеченными. А перевод может быть частью общего процесса обучения родному языку, выступая в качестве вспомогательного приема при стремлении к всестороннему овладению русским языком.

Использование переводов приучает учащихся к сравнениям фактов языков, развивает их любознательность. Они получают более глубокие знания по русскому языку. Процесс сопоставительного перевода помогает учащимся выработать наблюдательность и языковое чутье.

Таким образом, перевод представляет собой непрерывный акт преодоления трудностей различного уровня языка и речи, способствует решению проблемных задач и мотивирует пути их решения, так как создает реальные условия моделирования коммуникации с использованием двух языков – русского и осетинского и тем самым мотивирует процесс обучения. Однако желательно прибегать к переводу как можно реже и объяснять явления русского языка средствами самого русского языка.

Библиография:

1. Рябова Т.В. О применении концепции управления усвоением в обучении русскому языку иностранцев. // Психолингвистика и обучение русскому языку нерусских. М., 1977. С.13-42.

*Хакуз П.М. – д.филос.н., профессор
Кубанский государственный технологический университет,
кафедра философии,
г. Краснодар*

Имитация разговора как причина непонимания

Проблема разговора при кажущейся ее простоте сложна и запутана, поэтому при анализе этого феномена никак не обойтись без обращения к работе Х.-Г. Гадамера «Актуальность прекрасного». Приведу несколько положений, проливающих свет на природу разговора.

Понимание – языковое явление. Именно язык есть то, что несет в себе и обеспечивает общность миропонимания. И, напротив, искажение языка – причина непонимания и тревоги. Мне представляется, писал он, что «напряженность, пронизывающая нынешнюю эпоху, вызвана как раз абберрацией, которой подвергается наш язык».

Способ существования языка – разговор. Разговор – это не два монолога, протекающих рядом друг с другом, это не утверждение одного мнения в противовес другому, это даже не простое сложение мнений. Возделывание общего поля говоримого преобразует участников диалога и формирует у них общую позицию, которая перестает служить выражением моего или твоего мнения.

Разговор – это нечто происходящее между людьми и оставляющее в них глубокий след. Разговор не потому стал разговором, что мы узнали что-то новое, – нет, с нами приключилось нечто такое, с чем мы не встречались в собственном опыте жизни, и это «нечто» влияет на нас, ибо каждый обретает себя в другом, изменяя себя по образу другого.

Случается, что люди понимают друг друга, могут договориться друг с другом, то это значит, что они нашли общий язык. А если люди отчуждаются друг от друга, не могут договориться, то это означает, что не найден общий язык, каждая сторона говорит на своем, не понятном другому языке. Но и при этом нежелание и неспособность к разговору все же излечивается, как утверждает Гадамер, не чем иным, как разговором [1, С.48, 87, 89].

Если посмотреть на современный разговор через призму сказанного Гадамером, то обнаружим следующее. Разговор (речь), как известно, является одним из определяющих атрибутов социума, личности. Способность к разговору – естественная способность человека. Подлинное человеческое существование невозможно без говорения. Говорение, речь – это природа и сущность человека. «Общество живет речью, – пишет О. Розеншток-Хюсси, – и умирает в отсутствие речи» [2, С.18]. Человек – разговаривающее существо. Например, Древняя Греция, говорит М. Мамардашвили, – это не географическое место, а состояние души, медиативный опыт постижения истины. Греки стали греками, читая и комментируя «Илиаду», «Одиссею». Греки были разговаривающими людьми, они все обсуждали. У них не было вообще «чтения про себя». Все, что писалось, писалось для произнесения вслух. Бесконечное обсуждение, рассуждение, беседы – это очень интересная вещь, которая характеризует греков как рассуждателей, беседунов. И сама греческая реальность индуцируется самой беседой об этом предмете. Греция в действительности есть состояние, а не территория. А что такое состояние? Состояние, называемое существованием Греции, зависело от того, что греки были просто своего рода рассуждающим человеческим организмом. Они сами себя создавали в качестве состояния через свои разговоры, в том числе через «Илиаду» и «Одиссею». У них было единство формирования себя через эпос, трагедию, литературные тексты, которые сами существовали в контексте общения, разговора (Мамардашвили).

Однако в современном мире все меньше и меньше подлинного общения и коммуникации. Это притом что средства массовой коммуникации получили невиданное доселе развитие. Сегодня речь в основном сводится к сообщению сведений, что не достигает глубинных оснований бытия. Речь, лишенную оснований, собственной фундаментальности, М. Хайдеггер называл болтовней. Болтовня никогда не служит настоящему общению между людьми, потому что никогда не возвышается до диалога: если говорение подразумевает «открытость», а, следовательно, истину, то болтовня, напротив, означает сокрытость, то есть неистину.

Язык утратил свою мудрость, он стал только функциональным, поверхностным, крикливым. Аспиранты не «шлифуют» свои тексты, государственные деятели говорят ни о чем, профессора не могут вырваться из плена своего предмета и обратиться к своему языку, студенты изъясняются таким языком, которым говорят ничего, руководители всех уровней вещают истины, которые никого не волнуют, они не могут перейти от монолога к диалогу.

Слово утратило смысл, разговор стал ритуалом, что влечет за собой целый ряд моральных поражений и болезней, а значит, и интеллектуальную, эмоциональную, художественную обесчоченность. Речи переполнены деталями, но нет смысла, они утратили ритм, экспрессию, простые мысли излагаются на чудовищно сложном языке, слушателям все давно понятно, а говорящий все еще продолжает назойливо что-то доказывать. Много говорят, быстро утомляя слушателей, но не успевают сказать что-либо.

Разговор перестал выполнять свою функцию, перестал быть средством настоящего общения, задушевной беседой. Речи, произносимые на всех уровнях, не выражают никаких смыслов. Общественное сознание стало пространством тотальной симуляции. Маяковский жаловался, что «улица мечется, безъязыкая, улице нечем молчать и разговаривать». Накопился огромный арсенал слов, не выражающих ничего, или которыми можно выразить все, что угодно. Например: один депутат свою предвыборную программу озаглавил:

«Обеспечить каждому жителю Кубани достойное настоящее и будущее». – Такое под силу разве что Богу! Современные речи перестали быть свершениями, они произносятся потому, что это стало традицией.

Кроме того, люди разучились спрашивать. Вопросы пугают, создают состояние дискомфорта, чего не могут простить осмелившемуся спросить. Речи стали пустыми и никчемными. Слушатели не лучше! Мало кто умеет по-настоящему слушать. Зачем кого-то слушать, когда самому можно показать свою «эрудицию»? Зачем вслушиваться в чужую речь, стараться понять ее, когда проще критиковать, не принимать, спорить?! Зачем думать, когда все истины «доступны»? Зачем «возделывать свою душу», когда душа сегодня – непростительная роскошь? Зачем философия, когда все онаучено, прагматически определено?

Сегодня мы подошли к рубежу, за которым просматривается потеря способности к разговору. Х.-Г. Гадамер имел серьезное основание спрашивать: «Способны ли еще люди открыться друг другу настолько, чтобы между ними начали виться нити разговора? Находят ли они друг в друге людей, открытых для разговора. Совсем ли исчезает искусство разговора?» Эти опасения Гадамера вполне оправдались! Это случилось! Разговор как вид общения исчез. Все участники «диалога» одновременно кричат, никто никого не слышит. Яркий пример – передачи В. Соловьева, особенно с участием В. Жириновского.

Сегодня наблюдается монологизация человеческого поведения. Отсутствие разговора порождает множество проблем в современном обществе. Слова, которыми обмениваются люди, лишены глубины, а, следовательно, силы убеждения. Что-то случилось с содержанием нашего языка. Он стал простым сотрясанием воздуха, окаменелым ритуалом. Возможно, это связано с тем, что самые важные и значительные мысли, откровения, как полагал Л. Шестов, являются на свет голыми, без словесной оболочки: найти для них слова – особое, очень трудное дело, целое искусство. И наоборот: глупости и

пошлости сразу приходят наряженными в пестрые, хотя и старые тряпки – так что их можно прямо, без всякого труда, преподнести публике [3, С.211].

Еще одна особенность современных речей. Л. Витгенштейн говорил, что любые тексты (разговор тоже текст) состоят из сказанного и несказанного, при этом сказанное скрывает несказанное. Современные речи не только и не столько что-то раскрывают, они в основном скрывают. В них происходит утаивание, сознательное сокрытие чего-то важного. Сознательное умалчивание, сокрытие положения дел – это и есть ложь. Чтобы скрыть ложь, произносятся длинные речи, выстраиваются всевозможные доказательства. Словом, ложь стала важнейшим речевым феноменом.

И еще: речевая агрессия стала нормой. Речевая агрессия – это выражение негативного отношения к кому-либо средствами языка, это наполненность текста такими языковыми средствами и приемами, которые вызывают у адресата тягостное впечатление и отрицательные эмоции. Языковая агрессия всегда направлена на адресата, к которому враждебно относится говорящий. И конечной целью речевой агрессии является вовлечение адресата в реальный конфликт. В речевой агрессии вещающий стремится к максимальной негативизации отношений к адресату, что проявляется в оскорбительных словах, в прямой ругани, в насмешливой интонации, грубой иронии... Кого благодарить за это? – В. Жириновского, властей, значительную часть журналистов!

В российском обществе уровень злобы весьма высок, ненависть разлита в воздухе, социум расколот, уровень шизофрении значителен. Вместо того чтобы противодействовать этому, с телевизионного экрана происходит постоянная подпитка злобы и ожесточения. Выступления некоторых депутатов и журналистов служит не гражданскому миру, а гражданской войне. Скандалы, унижение других народов, авантюры, ложь, беспринципность – это далеко не полный перечень способов, которыми они пользуются, чтобы заполучить голоса, повысить личный рейтинг. Ради своей цели они возбуждают са-

мые низкие чувства, животные инстинкты людей. Все это прикрывается словами заботы о народе.

Современное российское общество живет в мире теней, симуляции и пустоты. Слова, речи, обещания, программы партий ничего не значат. Все – симуляция. Невольно на ум приходят слова Конфуция: если «имена не правильны, речь противоречива; когда речь противоречива, дела не завершаются успехом; когда дела не завершаются успехом, не процветают правила поведения и музыка; когда не процветают правила поведения и музыка, наказания и штрафы налагаются неправильно; народу некуда поставить ноги и положить руки».

Библиография:

1. Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С.48, 87, 89.
2. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М., 1994. С.18.
3. Шестов Л. Сочинения. Апофеоз беспочвенности. М., 1995. С.211.

Цховребова З.И.

Роль русского языка в развитии гуманитарного сотрудничества

Русский язык давно вышел за рамки единого языка русской нации. Он является языком общения многочисленных народов, проживающих в РФ, и одновременно стал языком международного общения в современном глобальном мире. Русский язык приобретает все большее международное значение. Он стал языком международных съездов и конференций, на нём написаны важнейшие международные договоры и соглашения. Усиливается его влияние на другие языки. Знание русского языка облегчает общение людей различных национальностей, населяющих нашу страну, облегчает их взаимопонимание.

Русский язык – один из замечательных языков мира по разнообразию грамматических форм и по богатству словаря. Он всегда был предметом гордости русских писателей, любивших свой народ и свою родину. «Народ, у которого такой язык, – народ великий», – говорил один из прекрасных знатоков русского слова И.С. Тургенев. М.В. Ломоносов находил в русском языке «великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского» и, кроме того, «богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка».

Таким образом, огромная роль русского языка в современном мире определяется его культурной ценностью, его мощью и величием.

Русский язык обогащает языки народов, в том числе и осетинский язык, такими словами, например, как партия, школа, газета. В свою очередь и некоторые элементы из нашего национального языка входят в словарь русского литературного языка (например, аул, арык, арак, амбал и др.).

1 января 1993 г. В Южной Осетии появилось первое самостоятельное периодическое издание, выходившее на русском языке. Это стало заметной вехой в развитии юго-осетинских СМИ, так как одним из самых дефицитных товаров в те суровые годы была информация. Надо отдать должное тем энтузиастам – журналистам, руководству республики, для которых русскоязычная газета стала кирпичиком в построении республики и взаимосвязей с Российской Федерацией.

Я хочу вам рассказать свою маленькую историю о работе газеты «Южная Осетия» за период с 2002 года. Именно в том году я была назначена главным редактором этой главной газеты – рупором общественно-политической жизни Республики Южная Осетия. В то время тираж газеты упал до 500 экземпляров. Газета печаталась на линотипных станках времен Гуттенберга, а статьи в редакции печатались на механических машинках, которые доживали свой век. Сегодня мы добились того, что во всех отделах редакции есть компьютеры, цифровые фотоаппараты, диктофоны и другая современная оргтех-

ника. Мы сами верстаем и набираем газету, тогда как эти операции ранее проводились в типографии. А главное нам удалось привлечь в редакцию молодых журналистов, которые, на мой взгляд, являются основными носителями новаторских идей. В результате нам удалось довести тираж газеты до 5 тысяч, что тоже не является пределом, несмотря на ограниченное информационное пространство РЮО.

Несколько лет назад наша газета появилась в интернете и круг читателей в виртуальном пространстве с обнадеживающим постоянством расширяется.

Однако мы не пытаемся нарисовать идеальную картинку редакционной работы. У нас действительно много задач, которые мы пытаемся каждодневно решать. Пресса по-прежнему остается на переднем плане борьбы за правду.

В августе 2008 года трагедия Южной Осетии разнеслась по всему миру. Сотни жертв, разрушенные дома, разбитые семьи, страдания беженцев, которые до сих пор находятся в местах временного проживания – все это создает достаточно неприглядную картину жизни в Южной Осетии в настоящее время. И мы, журналисты, считаем своим долгом говорить о проблемах маленького человека. Потому что своей главной задачей мы считаем писать правду. Более 60 лет хранится в бастионе Всеобщей декларации прав человека наше право на свободу выражение своих мыслей. В результате мы стремимся поднять уровень человеческого достоинства.

На мой взгляд, не только СМИ, но ни одна организация, ни один коллектив не могут работать успешно, если они не шагают в ногу со временем. Что в свою очередь невозможно без модернизации и внедрения новых возможностей.

Модернизация, в моем понимании, помимо экономического аспекта включает в себя как главный компонент актуальность и востребованность. Здесь сложно переоценить роль молодых кадров (о возрасте собравшихся на конференции). Именно молодежь, еще раз повторю, острее реагирует на тен-

денции времени и в отличие от нас, умудренных жизненным опытом, чаще вскрывает негативные проявления в обществе.

Что плохого в современных СМИ? На мой взгляд (анализируя современные СМИ и говоря об общих тенденциях), слишком много негативных явлений и фактов выплескивают СМИ на читателя и зрителя. Причем это касается не только событий сегодняшнего дня, но и исторического плана, идеологического характера. Все это у читателя и зрителя в конечном итоге развивает комплекс неполноценности, как у гражданина. Мы в редакции прорабатываем проекты, которые не разъединяют, а объединяют людей. Приводим исторические факты, которые вызывают гордость за свою родину. Вы, может быть, скажете: в этом нет ничего нового, но, на мой взгляд, как и любая мода, модернизация предполагает воскрешение добрых традиций, в том числе советской прессы. Среди них, помимо обозначенного это обсуждение на страницах газет проблем «маленького человека». У нас появились такие рубрики как «Глас народа», «Тема недели», «Обратная связь», все они направлены на привлечение государственных чиновников к проблемам рядовых граждан через газету.

Мое глубокое убеждение в том, что свободное общество должно дышать плюрализмом, это могут сделать только журналисты, свободно владеющие языком, на котором мыслят и говорят.

В тех условиях, которых проживает сегодня народ Республики Южная Осетия, у нас остается много внешних врагов. Непростая ситуация внутри республики, связанная с послевоенным синдромом, затянувшимся процессом восстановительных работ, подчас хаотичной работы подрядчиков, занимающихся заменой коммуникаций на улицах Цхинвала, а также кризисная ситуация в связи с президентскими выборами, затянувшимися на осенне-зимний период, все это создает определенную напряженность внутри общества. Особую важность при этом представляет взаимодействие российских и югоосетинских журналистов, которые работают в едином информационном про-

странстве и используют в своей профессиональной деятельности русский язык.

Я считаю, что роль русского языка определяется тем великим значением, которое имел и имеет в истории человечества русский народ – творец и носитель этого языка, а также той весомой ролью, которую играет Российская Федерация в современной геополитике.

Почему еще так важно знание языка? По себе знаю, как теряется доверие к журналисту, если в его материале ошибка – орфографическая, грамматическая или стилистическая. Некоторые считают, что журналист не должен корпеть над исправлением ошибок – на то есть корректоры. Но, как мы можем судить по сегодняшним газетам, корректоры – далеко не панацея. Да и если журналист не умеет грамотно говорить и писать, он вряд ли умеет грамотно мыслить. А если и умеет, то донести свою мысль до читателя ему становится гораздо труднее. Она или искажается, или запутывается, затуманивается, что одинаково плохо. К тому же, владение языком помогает думать, четко формулировать свои мысли.

В журналистике больше «ремесла», чем в литературе. Поэтому к технической стороне следует подходить очень тщательно, постоянно отрабатывать легкость и ясность языка. Языкознание в этом деле обойти никак нельзя.

Журналист – не языковед; некоторые области языкознания ему нужнее, чем другие. Такими я считаю, прежде всего, грамматику, лексикологию, фразеологию. Неприятно видеть в опубликованных материалах неправильное употребление предлога или неверное понимание значения слова. Очень досадно наблюдать случаи бездумного и ненужного использования иностранных слов. Происходит это от недоверия к русскому языку, которое чаще всего является следствием плохого владения им.

Чтобы язык газет действительно можно было назвать высшей формой «великого и могучего», журналисту нужно относиться к себе требовательно и уж никоим образом не пренебрегать языкознанием. Приведу еще цитату из

того же учебника: «Для студентов-журналистов важно не только усвоение теоретических основ вузовского курса современного русского литературного языка, но и выработка языкового чутья и стилистических навыков. Студенты должны научиться осмысливать языковые факты в стилистическом аспекте, получить сведения, необходимые для понимания и сознательного использования речевых средств в их функциональном применении». Здесь все настолько ясно и емко сформулировано, что комментария не требуется. Остается самим учиться так мыслить и выражать свои мысли.

СЕКЦИЯ IV. Историософия национальной самоидентификации и межнациональных отношений

*Авидзба А. Ф. – к.и.н., заведующий
отделом источниковедения Абхазского института
гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА,
г. Сухум*

Проблема маргинализма как фактор Отечественной войны в Абхазии 1992-1993 гг.

История – это память и знания о прошлом, без которых не может быть ни настоящего, ни будущего. Именно историческая память народа позволяет ему оставаться самим собой. Поэтому желающий уничтожить народ стремится, в первую очередь, уничтожить его историческую память. Этим – стремлением уничтожить историческую память абхазского народа – а не военной необходимостью, было продиктовано сожжение грузинскими оккупационными войсками 22 октября 1992 г. Абхазского института языка, литературы и истории и Государственного Архива.

Историческая память, которая запечатлена в генах и закодирована в подсознании личности и этноменталитете, не дала возможности зарубежной абхазской диаспоре не прийти на помощь своей исторической родине. Они пришли, несмотря на то, что многие, если не большинство погибших на полях сражений Отечественной войны в Абхазии представителей диаспоры знали о ней только по рассказам и преданиям. Именно в такие пограничные моменты проявляются лучшие человеческие черты и готовность к самопожертвованию ради возвышенных целей. В этом отношении весьма показательна клятва зарубежной абхазской диаспоры, произнесенная ее представителями над телом своего погибшего боевого товарища [6].

В конце XX века в ответ на реальную угрозу истребления абхазского этноса на его защиту поднялись братские народы из Северного Кавказа. Этому способствовала проснувшаяся генетическая память родственных народов, призывавшая находится вместе в судьбоносные моменты их существования. Добровольческое движение – одна из самых знаменательных страниц Отечественной войны в Абхазии. Тогда Абхазия стала не только родиной абхазов и тех, кто каждую минуту готов был ради нее погибнуть, но и местом борьбы сил добра против зла и несправедливости. Многие добровольцы сложили свои головы на алтарь свободы и независимости Апсны. Их имена – незабвенная, самая дорогая реликвия для каждого уважающего себя и Абхазию жителя нашей страны.

Не в пример им поступили, за небольшим исключением, грузины, проживавшие в Абхазии. Среди них были и немало таких, кто с оружием в руках защищал Абхазию и сложил свои головы за нее, тем самым, доказав, что они действительно считали Абхазию своей Родиной, а не только «удобным местом для проживания». Однако в подавляющем своем большинстве «абхазские» грузины встретили оккупантов с цветами и продолжали их поддерживать даже после ставшего эталоном солдафонства и человеконенавистничества выступления командующего войсками Грузии в Абхазии Г. Каркаршвили,

в котором он пообещал «этим сепаратистам» (абхазам – А. А.), что если из общей численности погибнет 100 тысяч грузин, то из ваших погибнет все 97 тысяч, которые будут поддерживать решение Ардзинба» [1. С. 128].

В них также заговорили гены, которые против их воли доказали, что они не имеют с абхазами кровного родства в историческом понимании этого слова. Несмотря на массивную пропаганду аббарегенности грузин в Абхазии, в исторической памяти грузин, переселенных сюда во времена плодотворной деятельности «Абхазпереселенстрой» и до нее, эта «историческая правда» не запечатлелась. Напротив, они всем своим поведением доказали, что не считают Абхазию своей родиной.

Мегрелы и грузины, переселявшейся в Абхазию, были принесены в жертву агрессивным планам по ассимиляции абхазов грузинской этнической массой. В ходе этого процесса, который шел не без насилия, параллельно происходило разрушение подлинной культуры и навязывание переселенцам новых условий и качеств. В ходе процесса «мирного завоевания», как правило, переселенцы-колонизаторы теряют собственную неповторимую культуру (всякая культура неповторима), важнейшим свойством которой является «функционирование в качестве основания для самоидентификации общества и его членов» [10. С. 207]. А взамен ее зарождается маргинальная культура, «характеризующее положение и особенности жизнедеятельности групп или отдельных личностей, чьи установки, ценностные ориентации, модели поведения одновременно соотнесены (реально или в интенции) с различными культурными системами и проистекающими из них требованиями, но ни в одну из которых они не интегрированы полностью» [2. С. 258]. Грузинам и мегрелам — переселенцам и их потомкам — была отведена роль «аплодирующей толпы», «пятой колонны» и «пушечного мяса», которую, в конце концов, они и исполнили. У этих людей не осталось родины с тех пор как их переселили в Абхазию ради ее порабощения. Их превратили в маргиналов,

Здесь также, на мой взгляд, уместно привести утверждение О. Корнилова о необходимости и огромной значимости «языковой картины мира», которую он рассматривает в качестве «вербализированной системы «матриц», в которых запечатлен национальный способ видения мира, формирующий и предопределяющий национальный характер» [4. С. 80]. Это наблюдение весьма ценно, т. к. именно несоответствие в представлениях об окружающем мире, в мироощущении и мировосприятии нередко приводит к конфликту культур или ценностей, – каковым является и грузино-абхазский конфликт, – которая есть не что иное как «критическая стадия противоречий в ценностно-нормативных установках, ориентациях, позициях, суждениях...» [10. С. 194]. Такие конфликты отличаются, как правило, ожесточенностью и бескомпромиссностью. С этой спецификой связана и особенная сложность нахождения компромисса и примирения конфликтующих сторон, стремящихся отстаивать свои принципы «до победного конца». Компромиссы, как известно, легче достигаются между соперничающими интересами, нежели между несопоставимыми ценностями и идеологическими установками. В данном контексте можно говорить о конфликте целой системы этнических ценностей, а они согласно, Д. Сартания, «лежат в основе норм поведения этноса – этикета (этно-этикета) и являются конденсированным проявлением этнических ценностей, с одной стороны, и реализационным инструментом данных ценностей – с другой» [7. С. 47].

В период нового этапа в национальном движении в Грузии его лидеры, провозгласив особую ценность грузинской культуры, а свою страну назвав «форпостам цивилизации на Востоке», культурным мостом между Западом и Востоком, тем самым пропагандировали исключительность или даже богоизбранность грузинской нации и грузинской государственности. Тем не менее, маргинальный характер этой самой государственности и грузинской культуры сложились задолго до появления ее представителей в Абхазии. Как свидетельствуют сами грузинские ученые, грузинский маргинализм, или маргина-

лизм грузинской культуры, имеет глубокие исторические корни и его зарождение было обусловлено специфичностью путей развития Грузии. Этому вопросу посвящена статья Н. Чиковани «Проблема маргинальности и окраинности в истории грузинской культуры» [11], в которой автор, проанализировав весь ход истории Грузии, пришел к выводу: «... в Грузии идет сложный и противоречивый процесс поиска ценностных ориентиров, но возможно, выше названная маргинальность нашей культуры помогла нам избежать существования «в поле напряженности», так как не было тотальной несовместимости исходных принципов». В частности, «формировались соответствующие обстановке ценности, стереотипы поведения, ориентированные на неустойчивое, меняющееся окружение» [11. С. 65].

Известный писатель К. Гамсахурдиа считал, что «между миром и маргинальностью грузинской культуры является фактором, поддерживающим нашу культурную самобытность» [11. С. 64]. А грузинский литератор К. Капанели писал, что «история грузинской культуры представляет собой синтезную форму цивилизации». И далее, на его взгляд, «неопределенность культурно-цивилизационного облика Грузии сыграло, в известном смысле, положительную роль в истории нашей культуры: так как Грузия не представляла собой культурно-цивилизационную целостность, в Грузии не существовало единого центра национальной культуры, наши враги не могли причинить нам особого вреда... Именно это спасло Грузию от уничтожения и гибели» [11. С. 63].

Г. Нижарадзе полагает, что «в некоторых случаях существование в маргинальном положении (хотя и в смягченном виде) становится обычным для той или иной культуры и, в некоторой степени, принимает адаптационный характер». По его мнению, «именно так произошло в Грузии» [11. С. 59]. Профессор К. Кацитадзе, имея в виду настоящее время, пишет: «Со всей определенностью можно сказать, что сегодняшняя Грузия маргинальна... и в ближайшем будущем ей предстоит выбрать один из двух путей: интегрироваться в какую-либо большую цивилизацию или сохранить маргинальное по-

ложение, что принесет ей мало пользы» [11. С. 64]. А литературный критик Л. Брегадзе, напротив, считает «маргинальность наилучшим выходом из положения для современной Грузии, так как в этом случае она действительно может рассматриваться как мост, соединяющий Европу с Азией» [11. С. 64]. Историк А. Менвелишвили считал Грузию «создателем и творцом синтезной культуры» [11. С. 63], а академик Т. Гамкрелидзе писал, что грузинская культура «является результатом симбиоза и синтеза, смешения и сочетания», в котором именно «и заключается уникальность и неповторимость грузинской культуры» [11. С. 64]. А совмещение элементов различных культур (нередко совмещение «несовместимого»), их взаимодействие между собою «создает богатую палитру для развития новых направлений и идей» [2. С. 259]. Согласно же российскому ученому В. Цыбурскому, «маргинальность, межцивилизационность – не только вызов народу, – иногда это и шанс возвышения» [11. С. 58].

Маргинальность, промежуточное состояние, может действительно на время способствовать физическому выживанию, а иногда и даже адаптации индивидуума или народа к новым реалиям, но ни как не может содействовать реализации предназначения этноса, смыслу, ценности его существования – неповторимости и сохранению оригинальной культуры. А поскольку общеизвестно, что маргинализация «значительной степени общества означает его деструктуризацию (разрушение социальной структуры) и деморализацию» [8. С. 147], говорит о позитивности, тем более возвышенности, этого явления, все же, весьма проблематично.

«Этнический маргинализм – считает А. Жариков – явление общемировое. Ни один народ в нем не повинен и от него не застрахован. Определенная доля этнических маргиналов всегда имеется в любом этносе. В мире этнических маргиналов (и это его характерная черта) добро и зло не различимы, ибо критерии их разделения утрачиваются. Потому что маргинализм, как социальный, так и этнический, характеризуется, прежде всего, негативным миро-

ощущением. У такого человека нет ни своего народа, ни своей земли. Ему безразлично созидать или разрушать, ибо чужое не жалко, а поскольку чужим является все, значит не жалко ничего» [3. С. 29]. Грузины, проживавшие в Абхазии, – превратившиеся в этнических маргиналов – типичный продукт потребительского общества. Они в этом не виноваты, их, в целях определенной политической конъюнктуры, превратили в таковых.

Маргинальная часть населения страны, подсознательно осознавая свою ущербность (независимо от количественного соотношения), начинает болеть манией преследования, ощущая себя уже на сознательном уровне не ущербными, а ущемленными, и начинает сами вести себя агрессивно. В данном случае это был массовый психоз загипнотизированных людей, готовых есть землю, чтоб убедить себя и других в своей правоте.

Грузины, проживавшие в Абхазии, были принесены в жертву интересам «территориальной целостности» «единой и неделимой» Грузии. Иначе и невозможно охарактеризовать часть этноса, лишенного права иметь родину и жить на ней. Будучи задействованы в «мирном», а затем и военном покорении абхазов, они потеряли корни со своей собственной Родиной (в духовном, возвышенном, не материализованном понимании), что и была составной частью «генерального плана» по колонизации Абхазии. При этом им внушалась мысль о том, что именно они являются носителями исключительно высших культурных ценностей, тогда как их оппоненты, т. е. абхазы, защищавшие свою этническую и культурную идентичность, преподносились в образе «тех же сванов и рачинцев», «ассимилированных апсуйцами» и вставших на путь сепаратизма под влиянием манипуляций пресловутой «третьей силы». Дело доходило даже до таких абсурдных утверждений – которые, однако, попадали на благодатную и восприимчивую почву – о том, что «племя апсуа спустившееся с Северного Кавказа и поселившееся на древнейшей грузинской земле, совершило неподдающееся человеческой памяти коварство: назвали себя «абхазами» и, присвоив нашу историю, «объявили» себя сыновьями и хозяе-

вами самого прекрасного уголка нашей земли Грузии» [5]. Их трагедия еще усугубляется и тем, что, попирая и ущемляя права абхазского народа, они сами являлись марионетками в руках этнически им родственных «великих стратегов», тем самым превратившись в маргиналов в квадрате, стали носителями своеобразного синдрома «ожесточения маргинализируемых дважды» [9. С. 19]. Они – жертвы большой игры, и при этом в конечном итоге пострадали не меньше, чем те против которых их использовали.

Местное грузинское население встало рядом с приезжими «охранниками железных дорог», «борцами против звидизма и за конституционный порядок» в Абхазии – де-юре и грабителями, мародерами, убийцами и насильниками – де-факто. При этом оно использовалось для уничтожения всего, что напоминало об абхазах, что, в свою очередь, служит лишним доказательством его чужеродности и духовной ущербности в Абхазии. Это продолжалось до тех пор, пока они не поняли, что война ими проиграна (что рано или поздно происходит со всем захватчиками), и тогда большинство маргинализованной грузинской части населения Абхазии покинуло ее вместе с оккупантами.

Они убежали туда, куда подсказывало бежать им их чувство потребительской безопасности. Причем их массовый исход не был следствием ожесточенных боевых действий, направленных именно против них или даже с соприкосновением с наступавшей Абхазской Армией, а вызван исключительно страхом перед возможным наказанием за свои преступления в Абхазии. У носителей культуры «маргинальности» – в частности, этнических маргиналов, – нет чувства родины как таковой, но у них на подсознательном уровне сохраняется историческая память о родине, хотя и здесь господствующим является потребительское отношение к ней.

Положение их усугубляется тем, что и сегодня, по истечении 20 лет, их проблему продолжают использовать в своих целях грузинские политики. С этой целью этой группе людей не дают возможности полноценно интегрироваться в современную грузинскую нацию, искусственно держат их вместе в

так называемых временных жилищах, которые на самом деле априори не могут быть приспособленными для каждодневной жизни и решения ежеминутно возникающих житейских проблем. Это делается для того, чтобы эта часть людей не забыла, что она не является полноценным носителем культурных ценностей «настоящих грузинских грузин». Тем самым им подспудно внушается мысль о том, что они здесь «свои, но чужие», но как только они попадут, «будут достойно возвращены», в Абхазию, то сразу превратятся в «полноценных своих». Исходя из этих задач, люди, уже однажды ставшие жертвами колонизаторской, ассимиляторской политики Грузии, опять-таки благодаря преобладанию в современном грузинском обществе реваншистских настроений, и сегодня продолжают оставаться в роли «временного населения» Грузии, «временных грузинских грузин», проживающих «здесь» только до тех пор, пока опять не превратятся в «постоянных абхазских грузин», проживающих «там», и призванных превратить «диких» и «отсталых» абхазов в «культурных» и «цивилизованных» грузин.

Как видно из вышеизложенного, жертвами политики этнической маргинализации – превращения этноса или его части в «промежуточный народ» для дальнейшей его ассимиляции – становятся не только самоидентификация и культура порабощаемых и поглощаемых народов, но нередко сам порабощающий и поглощающий народ или его часть. На определенном этапе этнической и культурной агрессии вступают в силу законы бумеранга – происходит маргинализация не только ассимилируемых, но и ассимилирующих – своеобразная объективизация субъекта – субъект агрессии и объект ассимиляции превращаются в общий объект маргинализации. Отсюда бескомпромиссный и безапелляционный, однако, на мой взгляд, справедливый и очень четко сформулированный вывод А. Жарикова: «Этнический маргинализм – раковая опухоль цивилизации» [3. С. 29].

Библиография:

1. Абхазия: хроника необъявленной войны. М. 1992. Т. 1.

2. Быховская И.М., Горбачева В.В. Культурология. XX век. Словарь. СПб., 1997.
3. Жариков А. Этнический «парадокс» экологии» // ЭТНОСФЕРА. № 3. 2000.
4. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М., 2003.
5. Мишвеладзе Р. «Народное образование». 1989. // Архив НФА.
6. «Республика Абхазия». 12 ноября, 1992 г.
7. Сартания Д. Этикет и этнические ценности. Резюме // Кавказский вестник. Тбилиси. 2002. №5. с. 47.
8. Социология: энциклопедический словарь. М., 2001. с. 147.
9. Уткин А.И. Исламский терроризм в США // Философские науки. № 3. М., 2003.
10. Флияр А.Я. Культурология. XX век. Словарь. СПб. 1997.
11. Чиковани Н. Проблема маргинальности и окраинности в истории грузинской культуры. // Кавказоведение. № 1. М., 2002.

*Аполлонов И.А. – к.ф.н., доцент
кафедры философии
Кубанского государственного технологического университета,
г. Краснодар*

**Национальная гордость и толерантность: проблема границ этничности
в самосознании человека**

Работа выполнена в рамках реализации НИР «Исследование мотивации и разработка системы стимулов формирования толерантности студенческой молодежи», поддержанного Министерством образования и науки РФ, государственное задание № 10.7079.2013

Со времён Аристотеля очевидной становится социальная природа человека. Суть этой природы в изначальной неполноте, или, как сказал Платон, «половинности» отдельного человека: «Понятие самодостаточности мы применяем не к одному человеку, ведущему одинокую жизнь, но к человеку вместе с родителями и детьми, женой и вообще всеми близкими и согражданами, поскольку человек по природе существо общественное» [1, с. 63] и для полноценной и счастливой жизни он испытывает «нужду в друзьях и добрых людях» [1, с. 259]. Социальная природа человека раскрывается не столько в фактической принадлежности его к тем или иным группам, а в тех связях, которые определяют полноту его существования и, тем самым, становятся неотъемлемыми свойствами личностного «Я». Одним из важнейших свойств такого рода является национальная принадлежность человека.

Определение самотождественности человека посредством этнокультурного предиката (то, что я есть я как, к примеру, русский) помещает меня в пространство этнических форм культуры. Онтологическим фундаментом такого пространства является существование моего народа, его «есть», фактичность принадлежности действительности. На уровне самосознания такой фундамент аккумулируется в чувстве «мы», в котором выражена фундаментальная очевидность моей принадлежности к этносу. В этом чувстве открывается экзистенциальная сторона социальной природы человека, суть которой в ощущении «половинности» себя как отдельной перцептивной данности, тогда как в причастности к «мы» открывается основание той бытийной полноты, которая позволяет обрести личностную самотождественность.

Вместе с тем, фактичность этнического «есть» обладает имманентной ему жизненной правдой, поскольку само наличие такой фактичности представляет собой реализацию правильности этого «есть», его состоятельность как осуществление должнствующего быть. В ракурсе этой правильности этническая общность представляется не столько совокупностью составляющих её членов, сколько родовой целостностью, которая присутствует в каждом эт-

нофоре. И поэтому в ощущении этничности коренится важность причастности к чему-то большому, своему и поэтому интуитивно правильному, то есть обладающему большей силой и большим моральным авторитетом, нежели я и мои мнения. Такой моральный авторитет этнокультурной традиции представляет собой то особенное, вне которого невозможно сопряжение человека как индивида и человека в качестве родового признака, поскольку последний вне этого сопряжения остаётся пустой абстракцией. Тем самым в причастности к этносу человеку открывается первичный духовный горизонт человечности, правильности того, что должно быть. Подобное духовное единство этноса, представляет собой определённое идейное содержание, определяющее его родовую целостность, которая позволяет человеку родиться во второй раз, уже как Человеку [3, с. 268]. Таким образом, этническая принадлежность человека можно рассматривать как лоно «социальной беременности», в котором происходит рождение его «второй природы».

Такое лоно составляют не только и даже не столько коды и алгоритмы жизнедеятельности, базирующиеся на культурных универсалиях, категориальных схематизмах восприятия мира и человека [5, с. 9-10], то есть то, что вырабатывает в человеке его культурные привычки, жизненные стандарты и очевидности мировосприятия. Прежде всего, это именно идейное пространство этнических форм культуры как горизонта жизненной правды, в котором истинность сущего соединяется с той его правотой, которая по своей сути уже не совпадает, ни с наличной данностью национального «есть», ни с действующими программами его долженствования. Причастность к такому пространству втягивает человека в диалог и экзегезу, раскрывающие смыслы тех форм «культурного кода» к которому он принадлежит и ощущает сущностную, генетическую связь. И в ходе такого диалога происходит утверждение личностной смысловой позиции человека, позволяющей ему самоопределиваться в горизонтах своего этнокультурного предиката и из носителя этнических свойств, «культурно закодированной» клеточки общественного организма,

совокупности социальных отношений «родиться» в качестве субъекта этнического бытия, который способен это бытие оценивать, в том числе критически и даже нигилистически.

Вместе с тем, нельзя не согласиться с Д.В. Пивоваровым, остерегающим от восхищения «духовностью вообще», поскольку духовность бывает истинной, квазиистинной и ложной, доброй, нейтральной или злой [4]. И в особой мере это относится к духу народа, одержимость которым способна обернуться разрушающими человечность (а порой и вполне реальных людей) формами национализма и ксенофобии. Поэтому в чувстве принадлежности к народу коренятся как глубокие нравственные основания, одухотворяющие человека, так и зёрна, разрушающие эти основания, уничтожающие человечность человека.

На наш взгляд, такие стороны связаны с самой природой духовной целостности народа, которая представляет собой, словами Ф. Шеллинга, «универсум в образе особенного» [7, с. 89], и поэтому, с одной стороны, устремлена к предельным, а потому – всеобщим вершинам человеческого духа, а с другой стороны, наоборот, обособляет, отграничивает конкретные формы реального выражения этого духа. Такое единство границ особенного и разрывающего эти границы устремления к всеобщему, абсолютному и составляет тайну жизни этнокультурной традиции. И экзегеза раскрывает эту тайну в тот или иной вектор, разворачивая в поиск совершенства их жизненной правды или сворачивая их в обособляющую замкнутость. Таким образом, экзегеза этнокультурных форм происходит на границах этих форм. И здесь формирование личностной позиции в осмыслении духовного содержания своего народа предполагает отношение к иноэтничным формам культуры и их носителям: «я» предполагает «мы», которое, в свою очередь, соотносится с «они». Поэтому самопонимание этнокультурной идентичности своей обратной стороной обращено к этнически Другому, являя определённую степень межэтнической толерантности. И именно толерантность является тем контекстом, в ко-

тором разворачиваются ценностные векторы осмысления человеком своей самоидентичности в горизонтах этнокультурного предиката.

Примеры такой экзегезы, являющей личностную значимость этнокультурной идентичности, показывает проведённое эмпирическое исследование взаимосвязи особенностей самопонимания этнокультурной идентичности и толерантности у студентов полиэтничного региона [6]. Всего в нём приняло участие 250 студентов вузов г. Краснодара. Из общего числа респондентов 83% оказались русскими, а 17% – представители адыгской, армянской, украинской и некоторых других национальностей, что в целом отражает этнический состав населения Кубани. Испытуемым было предложено в свободной форме ответить на вопрос: «Что для меня значит быть представителем моей национальности?», и параллельно они заполняли анкету, диагностирующую степень этнокультурной толерантности. Массив данных по этой анкете был подвергнут кластеризации методом К-среднего. В результате кластеризации были выделены два основных кластера испытуемых – с высоким и низким уровнем этнической толерантности. Первый кластер составили 119 человек (51 мужчина, 68 женщин); второй кластер составили 70 человек (39 мужчин, 31 женщина). Таким образом, проведённое исследование позволяет не только выделить те ценностные интенции, которые значимы для понимания собственной сопричастности этносу, но и сопоставить толерантный и интолерантный ракурсы осмысления этих ценностных интенций. Соответственно, можно увидеть ту сторону взаимосвязи этнокультурной идентичности и межэтнической толерантности, в которой они взаимоопределяют друг друга.

Интегральной стороной значимости национальной принадлежности является гордость за народ и страну. В этом чувстве, которое носит во многом интуитивно-эмоциональный характер, выражена личностная значимость причастности к такой целостности, как чему-то великому, превосходному, правильному. Так, в качестве предмета национальной гордости часто указываются подвиги предков, величие истории и культуры, красота обычаев.

В целом, в ответах более чем четверти респондентов содержится прямое указание на это чувство. Причем подобное чувство испытывают респонденты независимо от степени толерантности. Более того, студенты с высоким уровнем толерантности отмечают это чувство даже чаще: 27,7% процентов ответов против 23,4% у респондентов с низким уровнем толерантности. Таким образом, сама по себе национальная гордость является вполне здоровым социальным чувством и не может рассматриваться в качестве фундамента интолерантности и ксенофобии. Векторы толерантности или же интолерантности связаны с личностным отношением к этому чувству, его смысловой наполненностью. И в этом контексте проведённое исследование позволяет сделать ряд интересных наблюдений.

У респондентов с низким уровнем толерантности чувство национальной гордости во многом сопряжено с подчёркиванием исключительности своего народа: «Я горжусь, что я русский, т.к. считаю эту нацию уникальной»; «...считаю, что принадлежность к русской национальности дает мне, моему развитию то, что недоступно остальным»; «...только русские люди имеют в себе статный, выдержанный, аристократический стержень».

Респонденты с высоким уровнем толерантности, напротив, указывают на неприемлемость деления людей по национальному признаку: «Я горжусь своей национальностью ... но это не значит, что я разделяю людей по нациям, для меня главное то, какой сам человек, можно или нельзя доверять ему» (юноша, ингуш); «Разная национальность не должна быть дверью между людьми» (девушка, армянка); «в отношениях с друзьями, одногруппниками, родственниками я не выделяю национальности» (девушка, русская); «другие национальности я не презираю и отношусь ко всем с уважением» (девушка, русская); «нет плохих национальностей. В каждой национальности есть много хороших, добрых людей, но, к сожалению, достаточно и плохих» (девушка, адыгейка); «человек уважает и любит свою нацию, и это правильно, но

дружить, общаться, взаимодействовать с людьми другой национальности считаю правильным и очень даже полезным» (девушка, адыгейка).

В приведенных ответах скрывается очень важная философская проблема, связанная с соотношением национального и общечеловеческого в личной самоидентификации человека. Видимая несовместимость чувства гордости, связанного с принадлежностью к своему народу, с одной стороны, и игнорирования национального признака в отношениях между людьми, с другой, а такая несовместимость может быть выражена в прямом противоречии: «Вообще национальность не играет большой роли, ведь главное воспитание. Но я могу сказать, что я горжусь тем, что я русская», на деле различает два пласта в феномене личной идентичности.

Первый из них, определяющий значимость принадлежности к народу, как отмечалось выше, «прорастает» из лона этнически окрашенных форм «социальной беременности» человека, где происходит его приобщение к духовным скрепам национального «мы», в причастности к которому я нахожу основание полноте моего «я». И такое приобщение к духовным основаниям жизни, как в очевидных и привычных горизонтах её повседневных практик, культивирующих определённые добродетели (честность, порядочность, трудолюбие, ответственность и т.д.), так и в возвышенных поступках, обращённых к идеалам справедливости, добра и красоты, открывает духовный уровень в самом человеке, его «должен быть», рождает его человеческое достоинство. И чувство национальной гордости подчёркивает подобное достоинство, его бытийные основания, коренящиеся в причастности человеческого «я» к национальному «мы» его идейной заданности и духовной правде. При этом, как показано выше, полнота духовной правды обретается на границе, там, где национальные особенности теряют свою партикулярность, становясь гранью достоинств человека как такового.

Но если первый пласт обращает меня к реальности народа как единого целого, то второй пласт, напротив, утверждает реальность отдельного челове-

ка, фактическое наличие которого превосходит любую идейную предумышленность, и, соответственно, превосходит границы национального, являя значимость себя как такового.

Таким образом, в обозначенном выше парадоксальном сочетании национальной гордости и вненациональном отношении к другому человеку, которое присутствует в ответах студентов с высоким уровнем толерантности, граница национального раскрывается в два измерения, одинаково значимые для формирования личностной самоидентификации: человечность, как определённую идейную заданность, и человека, как определённую реальную данность.

Таким образом, межкультурная толерантность является одним из главных условий осмысления человеком значимости своей принадлежности к этносу. В ответах респондентов с высоким и низким уровнями толерантности присутствуют схожие единицы контента, однако практически в каждой из них обнаружены существенные смысловые различия. Эти различия связаны с отношением человека к границам этничности, на которых, по мысли М.М. Бахтина, сосредоточена жизненная сила культуры [2, с. 282]. Именно граница оформляет смысловые позиции, которые могут разворачивать национальное самосознание к поиску всеобщих вершин человеческого духа, или же, напротив, обособлять, отграничивать конкретные формы реального выражения этого духа. Так же проведенный анализ показал гуманистический потенциал межкультурной толерантности, поскольку в этом контексте ценность конкретного человека превосходит значимость его национальных особенностей.

Вместе с тем результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что толерантность не противоречит чувству национальной гордости и патриотизму, в котором многие респонденты видят источник духовности и человеческого достоинства. Более того, толерантность в контексте подобного чувства способствует выявлению в особенностях национальных форм культуры тех граней, которые определяют достоинство человека как такового.

Библиография:

1. Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984.
2. Бахтин М.М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества // Собрание сочинений, т. 1. М: Русские словари, Языки славянской культуры, 2003.
3. Бибихин В.В. Язык философии. М.: Языки славянской культуры, 2002. Пивоваров Д.В. Духовность. // В. Кемеров. Философская энциклопедия. «Панпринт», 1998. URL: <http://terme.ru/dictionary/183/word/duhovnost> (дата обращения 27.07.2013).
4. Стёпин В.С. Философский анализ универсалий культуры // Гуманитарные науки № 1, 2011.
5. Тучина О.Р. Толерантность в контексте самопонимания этнокультурной идентичности (на материале исследования студенческой молодежи Кубани) // Социосфера № 3, 2013.
6. Шеллинг Ф. Философия искусства. СПб.: Алетейя, 1996.

*Ачугба Т.А. – д.и.н., профессор,
ведущий научный сотрудник Отдела этнологии
АБИГИ им. Д.И. Гулиа АН Абхазии,
г. Сухум*

Абхазская диаспора: проблемы этнической идентичности и репатриации

Абхазский народ (самоназвание – апсуа) один из немногих народов мира, большая часть которого проживает за пределами своей исторической Родины. Волею судьбы, сегодня представители абхазов рассеяны в более чем 50 странах мира. Наиболее крупные этнические группы абхазов проживают в Турецкой Республике, Сирии, Иордании, Египте, Германии, Великобритании,

Голландии, Швейцарии, США. Развал Советского Союза увеличил количество стран, где образовались новые абхазские диаспоры. Это в первую очередь, Российская Федерация, а также Украина, Белоруссия и др. государства постсоветского пространства. А проживающие поныне абхазы в Аджарии (Грузия) относятся к потомкам тех абхазов, которые обосновались здесь в 60-е годах XIX века, т.е. в тот период, когда данный регион ещё находился в составе Османской империи. Однако самая большая абхазская диаспора все же проживает в Турции. Поэтому в нашем сообщении основное внимание будет уделено абхазской диаспоре, проживающей в данной стране.

Примечательно, что по традиции, абхазы, как и близкородственные им абазинны, проживающие в Турции, равно как и в других странах Ближнего Востока, именуется под экзоэтнонимом – абаза. А официальные структуры Османской империи и Турецкой Республики, а также некоторые исследователи абхазов и абазин, как и адыгов и убыхов, генетически родственных этнических единиц абхазо-адыгского мира, нередко называют общим собирательным именем – черкесы. Поэтому с помощью письменных источников не всегда удастся отличать друг от друга эти народы. Зато этнографические и лингвистические материалы, собранные в последнее время, дают четкую картину для различия и более глубокого исследования этнических единиц, в том числе и тех, потомки которых не остались на исторической родине.

Как известно, процессы формирования абхазской диаспоры в Османской империи непосредственно были связаны с теми военно-политическими событиями, которые произошли на Кавказе в XIX столетии. В истории Абхазии, начиная с 1810 года, со времён вхождения Абхазского княжества на правах автономии в состав Российской империи, были известны несколько этапов выселения абхазов. Однако самые крупные группы абхазов покинули свою Родину в 50-70-ые годы XIX века. Эти трагические события были связаны с такими явлениями как Крымская война (1853-1856 гг.), окончание Кавказской войны (1864 г.), Лыхненское (Абхазское) восстание (1866 г.), Русско-

турецкая война (1877-1878 гг.). Тогда примерно $\frac{3}{4}$ абхазского населения покинуло Абхазию. Нет точных данных о количестве прибывших на территорию Османской империи абхазов. По данным профессора Г.А. Дзидзария, автора фундаментального исследования: «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия», приблизительное количество абхазов и абазин, покинувших Кавказ в 60-70-ые гг., превысило 135 тыс. человек, и, вместе с убытками, составило 180 тыс. чел. [Дзидзария. С.373]. А добытые в Константинополе (Мухаджир-комиссионери) данные свидетельствуют о том, что с 1816 по 1910 год в Турцию эмигрировало 339 345 абхазов и абазин вместе с убыхами – 384 284 человек [Дзидзария. С. 274]. По данным С.П. Басария, который со своей стороны ссылался на турецкие источники, за указанный период в Османскую империю было депортировано 400 тыс. абхазов и абазин и около 2 миллиона – собственно черкесов (адыгов) [Басария. С. 105].

В связи с тем, что статистические службы Турецкой Республики абхазов и представителей других народов Кавказа не фиксируют как самостоятельные народы, нет возможности заполучить официальные данные о количественном составе абхазской диаспоры. Вместе с тем есть косвенные данные больше оценочного характера, составленные в разное время разными наблюдателями и исследователями, которые дают основания говорить о приблизительном количестве абхазов и абазин в Турции. Например, по данным профессора из Стамбула М. Бутба, еще в нач. 20-х годов прошлого века в Турции проживало около 200 тыс. абхазов. Председатель Совнаркома ССР Абхазия Н.А. Лакоба, совместно с Е.А. Эшба и другими большевиками, побывавший в 1920-1921 гг. в Турции, по поручению В.И. Ленина, считал, что в нач. 20-х годов численность абхазов в Турции составляла около 300-350 тыс. чел. К.Д. Кудрявцев, ссылаясь на турецкие источники, считал также, что в нач. 20-х годов количество абхазов достигало до 300 тыс. человек. [Кудрявцев. С. 184]. В 1997 г. журнал «Нарт», выходящий в Турции, сообщал, что численность народа «абаза» в Турции достигает до 700 тыс. чел. Профессор Ю.Г. Аргун счи-

тает, что количество абазы сегодня колеблется от 500 до 700 тыс., а абазы и адыгов вместе от 3 до 5 млн. человек. Однако полномочный представитель Республики Абхазия В.Д. Авидзба, работающий в этой стране около двадцати лет, считает, что количество абхазов и абазин в Турции достигает 1 млн. человек [Аргун. 2013, с. 22-26].

В настоящее время абхазы главным образом проживают в городах Стамбул, Адапазар, Измит, Измир, Гебзе, Хендек, Дюзче, Болу, Бурса, Инегель, Билиджик, Ескишехир, Анкара, Иозгат, Токкат, Сивас, Кайсары, Адана, Самсун, Синоп и др. и вокруг этих городов [Инал-ипа. 1990]. По данным В. Чирикба, ныне в Турции имеется около 900 сёл с абхазо-адыгским населением, из которых около 200 сел населены абхазами и абазинами и около 50 сел убыхами [Чирикба. С. 22].

Все абазы, проживающие в Турции и других странах мира, не только осознают свое абхазо-абазинское происхождение, но и большинство из них помнят свою принадлежность к той или иной этнографической группе, или территориальной общине, как и сёла, откуда их предки были выселены. Более того, несмотря на то, что по турецким законам, абхазы, как и представители других кавказских народов, официально носят новые турецкие фамилии, практически все абхазы помнят свои исконные фамилии и патронимии (аби-пара). По имеющимся данным, в настоящее время в Турции проживают представители более 3 тыс. абхазских фамилий, в Аджарии – более 100, а в Сирии – около 70. [Инал-ипа. 2002; Ачугба. 1988. С. 46-49]. Кроме того, многие сёла, где компактно проживают абхазы, помимо официального турецкого названия имеют и абхазские названия, в основном названия тех сел Абхазии, откуда их предки были высланы.

Абхазские этнологи и филологи считают, что самую большую этнографическую группу абхазов, проживающих в Турции, составляют бзыпаа, т.е. бывшие жители современного Гудаутского района Абхазии. Они в основном проживают в Стамбуле, Измите, Адапазар, Дюзче, Орду, Синопе и в близле-

жащих сёлах этих городов. По нашим подсчетам, количество абхазского населения г. Адапазар и окрестных сёл, большинство которых являются выходцами из региона Бзыбь, достигает приблизительно 70 тыс. человек.

Крупную группу составляют потомки бывших жителей региона Гума, который раньше охватывал современную территорию Сухумского и Гулрыпшского районов Абхазии. Они в основном проживают в г. Дюзче и шести окрестных сёлах.

Цабалааи далаа, выходцы из Кодорского ущелья, расселены в городах Инегель, Бурса, Биледжик и 24 окрестных селах. А абжуаа – потомки бывших жителей современного Очамчирского р-на проживают в Хендек, Дюзче, Адапазары и ближайших селах этих городов. [Чирикба. С. 48-51].

Потомки жителей верховьев рек Бзыбь и Мзымта, известные соответственно Псхуаа и Ахчипсаа, в основном проживают в городах Дюзче, Измит, Адапазар, Хендек и в окрестных селах. Потомки депортированных Цвиджаа, занимавших до 1864 г. ущелье р. Цвижипсе (правый приток р. Мзымта), нынешнего Адлерского района Краснодарского края, живут в г. Бурса, Ескишехир, Билиджик и др. населенных пунктах. [Чирикба. С. 59-66].

Довольно большую группу составляют жители исторического региона Халцис – занимавшего до 1864 г. приморскую территорию от р. Бзыбь до р. Хоста. Профессор В.А. Чирикба называет более 10 сел из провинции Сакарья, где проживают потомки бывших жителей данного региона, именуемые халцысаа. [Чирикба. С. 68-72]. Кстати, большинство абхазов, проживающих в Аджарии, также считают себе выходцами из Халцыса, о чем, кроме преданий, свидетельствуют и фамилии, распространенные среди них. [Ачугба. 1988. С. 39].

Исследование абхазских этнологов, историков, фольклористов, языковедов свидетельствует, что представители абхазской диаспоры, несмотря на нахождение в ином этническом, хозяйственно-культурном и политическом пространстве, в целом на сегодняшний период сохраняют собственную этно-

культурную идентичность. Хотя турецкие власти изначально стремились ассимилировать абхазо-адыгские и другие этносы Кавказа. В результате, правда, им удалось ассимилировать в языковом отношении убыхский народ, проживавший до 1864 г. в междуречье Хоста и Шахе, однако большинство убыхов все же сохранили национальное самосознание своих предков. Кроме того, часть убыхов владеют абхазским или адыгским языками. Активизации этнических процессов способствовали малочисленность убыхов и полинациональность поселения.

Что касается абхазов, то сохранению их этнической идентичности в первую очередь способствовали такие факторы, как компактность и мононациональность поселения, эндогамность брака внутри этноса, сохранение национальных обычаев и традиций. В сфере сохранения национального облика в последнее время немаловажную роль играет либерализация турецкого общества и связанное с ней открытие национальных культурных очагов в виде клубов (дернеков), где молодежь обучается абхазскому языку, этикету, национальным танцам и песням. Все это непосредственно связано с высоким национальным самосознанием, чем отличаются многие представители абхазской диаспоры, являющиеся инициаторами и организаторами этих начинаний.

Без преувеличения можно констатировать, что в возрождении абхазского национального самосознания неопределимую роль сыграли Победа абхазского народа в Отечественной войне Абхазии (1992-1993 гг.), с активным участием абхазско-адыгской диаспоры, равно как и братских республик Северного Кавказа и казачества России, строительство Абхазского государства и, конечно же, признание Российской Федерацией государственной независимости Республики Абхазия.

Вместе с тем, в Турецкой Республике, как и во всем мире, ускоренным темпом происходят урбанизационные процессы. Ослабление или же разрушение этнически компактных абхазских поселений направлены на активиза-

цию этнокультурных процессов, что может со своей стороны повлиять на устойчивость национального самосознания представителей абхазской диаспоры.

Не лучшим образом складывается ситуация в этом направлении в самой Абхазии. Очевидно, что создавшаяся со второй половины XIX века сложная этнодемографическая ситуация по сегодняшний день провоцирует этнические процессы, в значительной степени корректирует перспективу этнического развития абхазов. Малочисленность, отсутствие компактности расселения абхазского этноса во всех регионах Абхазии, и во многом вытекающее из этого кризисное состояние абхазского языка, непосредственно влияют на стабильность других компонентов этноса – на общность обычаев, традиций, национальной культуры в целом.

В такой сложной этнодемографической ситуации на повестке дня перед абхазским государством стоит проблема репатриации представителей абхазской диаспоры. После того, как царское самодержавие и в последующем советская власть под мощным влиянием лоббистов грузинского шовинизма практически лишили изгнанников и их потомков права на возвращение в Абхазию, то такие возможности появились лишь с развалом СССР и возрождением независимого Абхазского государства.

Нет сомнения, что от положительного решения данной проблемы во многом зависит не только будущее Абхазии как субъекта международного права, но и сама судьба абхазского этноса, как и региональная стабильность. Репатриация потомков абхазских беженцев является не только гуманитарной акцией, т.е. удовлетворяет желания людей жить на родине предков, избавляет от этнической ассимиляции, она также решает ряд демографических, этнокультурных и иных важнейших задач, стоящих перед абхазским народом и его государством. Однако грузино-абхазская война, блокадные условия, в которых оказалось население Абхазии в послевоенный период, резко затормозили процесс репатриации абхазов.

Тем не менее, в Абхазии была создана соответствующая политико-правовая и материально-техническая база и, конечно же, морально-психологическая атмосфера для приема и адаптации репатриантов. В частности, Парламентом Республики Абхазия приняты Закон «О репатриантах». В Республике создан Фонд репатриации, функционирует соответствующая правительственная структура.

Вместе с тем, решение данной проблемы сегодня практически невозможно без активной поддержки России как правопреемницы Российской империи и СССР и международных организаций, в первую очередь ООН и соответствующей структуры – УВКБ. Вселяет надежду новый подход со стороны руководства Российской Федерации к этой общечеловеческой проблеме. Новая Россия, взявшая курс на строительство демократического правового государства, с пониманием относится к справедливой борьбе народов Кавказа в кавказской войне XIX в. и необходимости решения проблем, возникших в результате этой войны. Свидетельством тому является ряд документов, принятых властями Российской Федерации в поддержку российской диаспоры, говорящих о покровительстве российских соотечественников и, конечно же, сам факт репатриации одной из групп адыгов из Косово в Республику Адыгея в 1998 году, а также возвращение адыгов из Сирийской Республики в Кабардино-Балкарию и Адыгею. Об этом же свидетельствует поддержка и практическая помощь российских властей по возвращению абхазов из Сирии на историческую родину весной и летом текущего года, ставшей следствием происходящих там трагических событий.

Что касается вовлечения УВКБ в процесс репатриации потомков абхазских беженцев XIX в., то для этого необходимо проведение глубоко продуманной информационно-пропагандистской работы, проведение международных научных конференций по данной проблематике в целях преодоления двойных стандартов, практикуемых в современном мире.

Надеюсь, репатриация абхазов, как и представителей других кавказских народов, чья трагедия длится более 150 лет, станет не только проявлением торжества исторической справедливости, но и надежным фактором интеграции и стабильности в Кавказском регионе и послужит укреплению Российской Федерации.

Библиография:

1. Аргун Ю.Г. Из истории и этнографии абхазской диаспоры. Сухум, 2013.
2. Ачугба Т.А. К антропонимии батумских абхазов // Журн. «Абаза». – Сухум. 2005, №1.
3. Ачугба Т.А. Поселение абхазов в Аджарии. – Батуми. 1988. На груз. яз.
4. Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. – Сухум-кале. 1923.
5. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми. 1982.
6. Инал-ипа Ш.Д. Зарубежные абхазы: историко-этнографические этюды. – Сухум. 1990.
7. Инал-ипа Ш.Д. Антропонимия абхазов. – Майкоп. 2003.
8. Кудрявцев К.Д. Материалы по истории Абхазии. Сухум. 1922. С. 184.
9. Чирикба В.А. Расселение абхазов и абазин в Турции // Джигетский сборник. Вып. I. Вопросы этнокультурной истории Западной Абхазии или Джигетии. М. Аква-Абаза. 2012.

*Богатырева С.В. – к.ф.н.,
доцент кафедры журналистики и издательского дела
Кубанского социально-экономического института,
г. Краснодар*

Государственная национальная политика и кросс-культурные коммуникации

В условиях глобализации и информатизации стремительно развиваются интеграционные процессы. Интернет предоставляет новые возможности: растет количество поисковых систем, социальных сетей, улучшается качество переводчиков. Казалось бы, доступность любого текста, информационное многообразие, свобода доступа к источникам должны способствовать общественному взаимопониманию и культурной ассимиляции. Однако информационный обмен не приводит к эффективной коммуникации на всех уровнях общения. Если главным вопросом для XX была экология, то для XXI века таковым стала информация.

При анализе проблем коммуникации в Интернет нами выявлены основные причины, влияющие на качество интеграции.

Во-первых, следует дифференцировать цели пользователей Интернет. Информационный запрос удовлетворяют электронные СМИ и порталы, а в социальных сетях успешно рефлектирует концепция Я. Более того мифологизация социальных сетей, их демократические возможности способствуют не столько социальной ассимиляции, сколько, напротив, индивидуализации, выраженной в возможности заявить о себе. Это, по сути, первопричина общения, нуждающаяся не в обмене информацией, а в оценках, одобрении окружающими, чаще всего выраженных в «лайках».

Во-вторых, Интернет предоставляет возможность для информационной избирательности и не влияет на изменение интересов. Пользователи одно-

значно определяются с привычными информационными источниками и группами, стабильно пользуясь одними и теми же ресурсами, не спеша расширять для себя коммуникативное пространство.

В-третьих, в Интернете неустойчива позиция лидеров мнений. Поток информации быстро поднимает их на гребень волны и также быстро смывает критикой в комментариях.

Эти причины мешают информационной корреляции не только на уровне межличностной и групповой коммуникации, они аккомпанируют и проблемам государственной национальной политики, успех которой напрямую зависит от коммуникативных навыков.

Руководитель французского Института наук о коммуникациях Доминик Вольтон выделяет проблему некоммуникации [1]. Начало третьего тысячелетия, отмеченное технологической революцией, не привело к согласию, количество информации не повлияло на качество общения, не решило межнациональные и внутренние конфликты. Конец второго тысячелетия изменил политическую карту мира. Еще в XX в. большинство народов мира продолжало находиться в колониальной зависимости от одной из европейских империй. Если в 1910 г. существовало лишь 15 независимых государств, то в 2011 году членами ООН является 193 страны. И все эти перемены в значительной степени были результатом борьбы за национальную независимость. Именно эта государственная мозаика сегодня требует особого изучения кросс-культурных коммуникаций, которые призваны стать основой политической стабильности.

В России реализуется несколько федеральных целевых программ, направленных на стратегию развития информационного общества, открытого правительства и другие. Менее года назад утверждена стратегия национальной политики России. Однако общество не стало монолитнее и спокойнее. Обострились межнациональные конфликты, которые потребовали жестких государственных решений.

Россия с самого начала формировалась как многонациональное государство, аналогов которому в мире нет. В отличие от многих других стран, которые занимались денационализацией и искоренением, наши национальности на протяжении веков развивались на территории России и в лоне России, внося свой вклад в формирование российской государственности. Спустя 22 года после развала СССР, мы перестали понимать народы, с которыми жили рядом более 70 лет. До этого в начале прошлого века русский философ Иван Александрович Ильин писал: «Сколько малых племен Россия получила в истории, столько она и соблюла... Ни принудительным крещением, ни искоренением, ни все уравнивающим обрусением она никогда не занималась», «...не задушить иноплеменную жизнь; а дать всем жизнь, дыхание и великую Родину» [2].

Видный государственный деятель России Петр Столыпин еще в начале XX века понимал важность национального вопроса в стране, где всегда проживало много различных наций. Он был сторонником объединения, а не разобщения народов страны; предлагал создать особое министерство национальностей, которое бы изучало особенности каждой нации: историю, традиции, культуру, социальную жизнь, религию – с тем, чтобы наибольшей взаимной пользой они вливались в нашу огромную державу. Столыпин считал, что все народы должны иметь равные права и обязанности и быть верны России. Также задачей нового министерства должно было стать противодействие внутренним и внешним врагам страны, стремившимся посеять межнациональную и религиозную рознь [3].

Спустя 100 лет идеи Столыпина в России остаются актуальными. 19 декабря 2012 года Президент РФ В.В. Путин подписал Указ об утверждении Стратегии национальной государственной политики России на период до 2025 года. Среди приоритетных направлений заявлены:

— совершенствование государственного управления и развитие международного сотрудничества в сфере национальной политики;

- создание условий для социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов;
- развитие системы гражданско-патриотического воспитания;
- совершенствование взаимодействия властей с институтами гражданского общества и др.

В Стратегии определены основными вопросами национальной политики четыре позиции:

- сохранение и развитие культур и языков народов России, укрепление их духовной общности;
- обеспечение прав коренных малочисленных народов и нацменьшинств;
- создание дополнительных социально-экономических и политических условий для обеспечения прочного национального и межнационального мира и согласия на Северном Кавказе;
- поддержка соотечественников, проживающих за рубежом, содействие развитию их связей с нашей страной [4].

Наибольшего внимания заслуживает первая позиция. Культура – это отражение ментальности народа. Концентрация лучших традиций позволяет понять национальные особенности, способствует кросс-культурной коммуникации, снимает психологические и политические проблемы. Безусловно, что социально-экономические условия стабилизирует социальный порядок, но они неустойчивы в межнациональных отношениях. Культурные узы являются фундаментом, а социально-экономические стенами многонационального дома, и не наоборот. При финансовом крахе можно сохранить культурные связи. Во время межнациональных войн экономику сохранить невозможно. Поэтому основой национальной политики должна быть в первую очередь культурная интеграция.

Для понимания роли государства в кросс-культурных коммуникациях важно определиться с разграничением понятий национальная и миграционная

политика. Способно ли государство властными решениями решить межнациональные задачи? Надо ли различать понятия «миграционная политика» и «национальная политика»?

Осуществление фундаментальных прав и свобод человека в международном праве увязывается с правами государства. Правом государства применительно к миграции выступает установление иммиграционных норм и правил, а правом индивида – механизм признания правового статуса иммигрантов и гарантий его реализации в стране пребывания. Статья 14 Всеобщей декларации прав человека предоставляет каждому индивиду право покидать любую страну, включая свою собственную [5].

В 2013 году число международных мигрантов в мировом масштабе достигло 232 миллиона человек. Миграция может приносить существенные выгоды, но может иметь и негативные последствия. Как развитые, так и развивающиеся страны нуждаются в мигрантах для удовлетворения спроса на рабочую силу с разным уровнем квалификации.

Существует множество свидетельств того, что при правильной политике мигранты и диаспора могут вносить значительный вклад в развитие как в странах происхождения, так и в странах назначения за счет денежных переводов, торговли, инвестиций, создания предприятий и за счет передачи технологий, знаний и навыков. В то же время существуют опасения, что эмиграция квалифицированных профессионалов может затруднить достижение целей развития, таких, как Цели развития тысячелетия, особенно в малых развивающихся странах [6].

Многим мигрантам удается переезжать, жить и работать в безопасности и без ущемления их чувства собственного достоинства. При этом другие вынуждены мигрировать из-за нищеты, отсутствия достойной работы, нарушения прав человека, вооруженных конфликтов, преследований и деградации окружающей среды. В отсутствие регламентированных миграционных возможностей мигранты прибегают к нестандартным миграционным каналам, и

на новом месте многие из них подвергаются эксплуатации и дискриминации, страдают от ксенофобии, тогда как польза, которую они приносят обществу принимающей страны, в основном остается непризнанной.

Осуществление фундаментальных прав и свобод человека в международном праве увязывается с правами государства. Правом государства применительно к миграции выступает установление иммиграционных норм и правил, а правом индивида – механизм признания правового статуса иммигрантов и гарантий его реализации в стране пребывания. Статья 14 Всеобщей декларации прав человека предоставляет каждому индивиду право покидать любую страну, включая свою собственную.

Современные тенденции международной миграции включают рост нелегальной миграции (ярко выраженный трудовой характер; государству тоже выгодно: налоги платят, а соц. пособия и льгот не получают); рост вынужденной миграции, увеличение демографической значимости международной миграции.

В этих условиях важна и необходима государственная миграционная политика.

Национальная политика определена в основном законе. В Конституции РФ записано «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству... принимаем Конституцию Российской Федерации» [7]. Статьи 26, 27, и 28 Конституции также отражают межнациональную политику России и касаются культурных основ государства. В этих статьях обозначены основы и вектор развития отношений между народами.

Человечество мигрирует постоянно, но культурные механизмы делают миграцию не разрушающей силой, а созидательной. Интегрируясь в другие

общества, пришельцы обогащают культуру. Чем интенсивнее развитие культуры, тем безболезненнее эта ассимиляция. Там, где замедляется культурное развитие, истончается культурный слой, миграции и этногенез идут быстрее.

Восприятие чужого, человека извне, позволяет реконструировать представления общности о себе, о своих качествах, происхождении, перспективах дальнейшего развития, обозначить точки наибольшей конфликтности и неопределенности в отношениях. Основным фактором, объединяющим наше многоэтничное сообщество, во все времена являлась принадлежность к российской нации, которая никогда не предполагала отказа от других самоидентификаций. Это и наше уникальное отличие, и мощный ресурс развития.

Национальный вопрос – это вопрос кросс-культурных коммуникаций. Миграционная политика находится в плоскости социально-экономических отношений и должно регулироваться государством. Межнациональные отношения отражают уровни развития государства и образования граждан. Культурная интеграция обогащает человека и гражданина, способствует пониманию, а значит коммуникации. Государство, поддерживая межнациональные традиции, способно не только обогатить культуру своего народа, но и упорядочить миграционную политику.

Библиография:

1. Стенограмма публичной дискуссии с участием руководителя французского Института наук о коммуникациях Доминика Вольтона (Dominique Wolton), [Общественно-политический портал Полит.ру](http://polit.ru). <http://polit.ru/article/2012/11/07/communication/>.

2. Сайт Министерства регионального развития. Выступление главы Минрегиона России И.Н. Слюняева на конференции к 130-летию И.А. Ильина http://www.minregion.ru/press_office/terms/2968.html.

3. Аврех А. Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Политиздат, 1991. 286 с.

4. Стратегии национальной государственной политики России на период до 2025 года. Правовая база Консультант

<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base>.

5. Всеобщая декларация прав человека Правовая база Консультант

<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base>.

6. Сайт генеральной ассамблеи ООН. 68-я сессия Диалог на высоком уровне по вопросу о международной миграции и развитии (2013 года)

<http://www.un.org/ru/ga/68/meetings/migration/>.

7. Конституция РФ Правовая база Консультант <http://base.consultant.ru/>.

*Джамбекова Т.Б. – д.ф.н., профессор
Чеченского государственного педагогического института,
г. Грозный*

О теме депортации в чеченской литературе

Тема депортации народов Северного Кавказа, в том числе и чеченцев (1944), в Казахстан и Среднюю Азию долгие десятилетия стыдливо замалчивалась в официальной печати. Власть всеми силами упорно скрывала от граждан великой страны историческую правду об этом геноциде. Даже после развенчания культа личности Сталина на XX съезде КПСС, осуждения деятельности Берии и его преступной клики, власти предрержащие еще долгие десятилетия не решались на откровенный разговор об этом с народом. Надо признать, что творческая интеллигенция, в первую очередь, писатели и публицисты, постоянно искала и находила способы обойти идеологические запреты и доносила до народа правду об этих страшных событиях, стоивших жизни сотням тысячам ни в чём не повинных людей.

Среди чеченских писателей первым, кто сумел пробить брешь и поднять проблему поголовной депортации чеченцев, жизни спецпереселенцев в

Казахстане и Киргизии и возвращения на историческую родину, был поэт и прозаик Магомед Сулаев.

Пятьдесят лет творчества М. Сулаева пришлось на нередкие в истории народа крутые повороты и тяжкие потери. Начало его творческого пути (первое стихотворение он написал в пятнадцать лет) совпало с разгулом кровавых репрессий тридцатых годов, унёсших среди прочих и многих из тогда известных писателей молодой чеченской литературы. Беда не обошла и семью начинающего писателя. В 1937 году был расстрелян его отец Абу Сулаев, который, как и многие другие чеченцы, поверив большевистским лозунгам, с оружием в руках защищал советскую власть...

По горячим следам подвига легендарного Ханпаши Нурадилова, Героя Советского Союза, он написал поэму «Солнце победит». В 1943 году, после опубликования в печати этой поэмы, он был принят в члены Союза писателей СССР. Магомед Сулаев и в мыслях не мог допустить, какие коварные замыслы в это время вынашивал Кремль в отношении его народа. С подачи местных чекистов высшим руководством СССР было принято решение о том, чтобы поголовно выселить в 1944 году целый ряд малых народов Северного Кавказа и Поволжья, в том числе чеченцев, навесив на них ставший к тому времени привычным для слуха обывателя ярлык «враги народа».

Так появился в творческой биографии М. Сулаева, как, впрочем, и других писателей репрессированных народов, пропуск в полтора десятка лет.

К этой трагедии чеченского народа, униженного и оскорблённого «спецпереселением», писатель будет возвращаться в своём творчестве вновь и вновь на протяжении тридцати лет, соизмерно авторским возможностям в разных условиях жизни общества. Впервые он обратился к ней в повести «В Эскиное» (1964), которая вместе с названием стала составной частью романа «Тавсолтан уходит с гор» («Товсолта ломара д'авоьду»), изданного в 1966-м году на чеченском языке.

В зачине романа описывается предвоенное время. Основной конфликт романа ограничен рамками семейной драмы старого горца, возникшей на почве столкновения традиционных нравственно-бытовых устоев чеченцев с «новой моралью» советской власти. Главный герой, Тавсолтан, был противопоставлен родным дочерям Нурседе и Селите, решившим объявить бой «замшелым пережиткам прошлого». Само собой, в подцензурном произведении оказались неразвернутыми сложнейшие проблемы депортации чеченского народа. Но уже одно то, что была затронута сама запретная тема, не могло не вызывать восхищения и всяческого одобрения.

Значимость этого произведения подтверждается теми мероприятиями, которые были организованы в связи с публикацией романа в 1966-м году. Для обсуждения романа были приглашены эксперты из Москвы. Коллеги по писательскому цеху отнеслись в целом благожелательно к своему чеченскому со- брату. В своих формулировках они тщательно остерегались всего того, что могло подвести писателя под политические «упрёки». Члены чеченской делегации вообще не затрагивали переселенческую тему (Х. Ошаев, Х. Эдилов, М. Ясаев). Только Л. Славин (Москва) всё же отметил: «Сам процесс переселения описан со сдержанной силой, с художественной лаконичностью. Не много страниц, но какие потрясающие!». И тут же поспешил успокоить блюстителей идеологической стабильности и предупредить их подозрения: «Смысл романа – в словах учителя: «В нашей стране, в конце концов, всегда торжествует правда». Не будучи уверен в надёжности слов «учителя», Славин берёт защиту коллеги на себя: «В том, что Магомед Сулаев поднял такую тему, сумел её освоить, я вижу очень важное – светлый его талант и смелость. Пушкин говорил, что гений и злодейство – две вещи несовместные. Мне кажется талант и трусость тоже несовместимы» [2: 67].

Писателю понадобилось время, изменение социально-исторической ситуации, чтобы не только открыто сказать об этих проблемах, но и сделать по-

пытку объективного анализа произошедшего. Спустя четверть века был представлен новый вариант романа под названием «Горы молчат, но помнят».

В романе М. Сулаева отразилась новая общественная информация, которая стала достоянием гласности в конце 80-х годов. Писатель в предисловии сформулировал концепцию своего произведения: «В ночь на 23 февраля 1944 года, в три ноль-ноль (в праздничный день – День Красной Армии!), по коварному замыслу «отца народов» Сталина и его послушных холуев Молотова, Берии, Кагановича, около полумиллиона чеченцев были в считанные часы взяты под ружьё, погружены в товарные эшелоны, лишены имущества, домов, скота, вырваны с корнями из родной, исконной своей земли и насильственно вывезены в далёкие края... Около половины переселенных погибло в первые же месяцы изгнания от морозов, болезней и голода» [7: 3 (Предисловие к сборнику)].

В повествовании внимание сосредоточено на судьбах семей Тавсолтана Берсанова, Керима Албастова и Анны Львовны, в которых, как в фокусе, сконцентрирована непростая судьба чеченского народа.

Тавсултан Берсанов из числа тех, кто в молодости защищал Советскую власть, однако со временем происходит разочарование в тех людях, у кого слова расходятся с делами, которые пришли к власти и пользуются незаслуженными благами, нарушают права обычных людей. Одна за другой обрушиваются на Тавсолтана проблемы, которые возникают в семье: известие о гибели на фронте старшего сына Мурада, смерть жены Нурбики, нарушение горских обычаев дочерьми и т.д. Много требуется сил, чтобы выдержать все эти испытания, однако, старый Тавсолтан так и не смог примириться с так называемыми «новшествами власти» – стали играть комсомольские свадьбы, выращивать на плантациях в горах табак. Во всем этом герой видит не только нарушение горских обычаев, а разрушение морально-нравственных основ жизни.

Идейным центром романа М.Сулаева является одна из самых трагических страниц истории чеченского народа – депортация. «Страшные картины переселения, – пишет К. Гайтукаев, – сопровождавшиеся расстрелом на месте, в упор, «нетранспортабельных стариков», больных, детей, – не вымысел автора. За ними – кровоточащая правда, правда о заживо сожжённых в Хайбахе, вероломно умерщвленных врачами-выродками больных в Урус-Мартановской райбольнице. И много другой правды в той же цепи, помноженных на сегодняшний беспредел и бойню в многострадальной Чечне». [2: 68].

Один из главных героев романа, директор местной школы Керим Албастров, одним из первых отправляется на фронт, оттуда возвращается в звании майора и попадает под Указ о выселении. С этого момента начинается процесс его прозрения. Он задаёт себе и другим вопрос: «За что?!». И не находит ответа. «Его и не могло быть, как не было и не могло быть разумного объяснения поголовному обвинению в «измене» всех – от грудных детей и женщин до глубоких стариков, обвинение в массовом пособничестве населения врагу тогда, когда последний никогда не был на территории Чечни...» [5: 78].

Керим так и до конца не поймёт, что причина крылась в природе самой системы и традициях российской государственности решать сложные вопросы «простыми» методами... Происходящее на его глазах он воспринимал как нелепую ошибку, которую исправят, как только об этом узнает «товарищ Сталин». В этом искреннем заблуждении и заключалась историческая правда момента. Только старый коммунист-ленинец, свёкор Анны Львовны, понял и предусмотрительно замолчал.... Это другой момент правды исторического заблуждения.

Чётко разграничивая властей предрержащих от простых людей всех национальностей, М. Сулаев тепло описывает нормальные человеческие взаимоотношения, которые устанавливаются в среде последних, несмотря на оголтелую пропаганду спецорганов. Семье Керима и Тавсолтана помогает в

новых условиях выжить казах Шакен. Немец Эзау честно выполняет свой долг врача. На его счету десятки спасённых от голодной смерти «спецпереселенцев».

За множеством подробных эпизодов романа – трагическая правда чеченского народа, искорёженные судьбы людей. Нельзя не отметить значимости романа М. Сулаева в истории развития чеченской литературы. Не ставя перед собой задачу представления глубокого анализа этого произведения, скажем, что в 90-е годы прошлого века в чеченской прозе возросла тенденция реалистического исследования материала, усилился историко-социальный подход, стали разрабатываться новые темы, позволяющие писателям выйти на совершенно новый уровень осмысления поставленных проблем.

Вторым писателем, смело обратившимся к теме депортации, был Зияуддин Абдулаев, в юношеские годы прошедший все круги ада с билетом «спецпереселенца». Его повесть «Всполохи» буквально пригвоздила к позорному столбу сталинско-бериевскую систему репрессий, дала оценку всем ветвям власти, допустившим такое варварство в XX веке. Попытка шельмования писателя «заступников» – сталинистов в 80-х годах не имела успеха. С воодушевлением принятая массовым читателем, повесть З. Абдулаева подвигла других писателей к обращению к «запретной» теме. Сам же Абдулаев еще долгое время плодотворно работает в этом направлении – результатом явился новый роман «Сокрушение идолов» [1], являющийся продолжением повести «Всполохи», в котором писатель окончательно завешает развенчивание «идолов» от компартии.

Вслед за Абдулаевым в тот период «слово берёт» его товарищ по перу Абдулла Дадашев, замысливший трилогию под названием «Несломленные» [3]. Его первые две книги, вышедшие в печати в последние десять лет, не только открывают завесу «секретности» некогда запретных тем, но и вызывают ностальгические воспоминания у всех тех, кто сполна испытал на себе гнёт несправедливости и жестокости.

Всплеск всеобщего интереса к этой проблеме в конце 80-90-х годов XX века связан, прежде всего, с ростом самосознания чеченского народа. Чеченские писатели, как и их коллеги по писательскому цеху по всему Северному Кавказу и Калмыкии [4; 6], не только глубоко и всесторонне осмысливали тему исторической правды, связанную с депортацией, но и воссоздавали, бережно сохраняя национальную культуру, все традиции, обычаи и обряды, отраженные в народных песнях, преданиях, легендах, составляющих важнейшую и неотъемлемую часть идейно-художественного пространства произведений и определяющих их национальную специфику.

Тема депортации остаётся в центре внимания и у нового поколения чеченских писателей. На эту тему в Чечне регулярно издаются циклы стихов, поэмы, прозаические и драматургические произведения, воспоминания очевидцев [8].

Библиография:

1. Абдулаев З. Сокрушение идиологов. Грозный: Книга, 1992.
2. Цит. по: Гайтукаев К.Б. Писатель и его герои. Грозный: Библиотека журнала «Ичкерия», 1998.
3. Дадашев А. Возвращение. (На чеченском языке). Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012.
4. Манджиев Н.Ц. Калмыцкая проза о депортации: концепция человека: автореф. дисс. ...к.филол.н. Майкоп, 2005.
5. Минкайлов Э.С. Чеченская литература периода депортации (1944-1956 гг.) // Материалы республиканской научно-практической конференции «Депортация чеченского народа: последствия и пути его реабилитации». Грозный, 2006.
6. Отарова М.Б. Художественное осмысление проблемы депортации (на материале литератур народов Северного Кавказа и Калмыкии): автореф. дисс. ...к.филол.н. Нальчик, 2006.
7. Сулаев М. Горы молчат, но помнят. Грозный, 1992.

8. Чанчаев Ш. Дорога в Сибирь. (На чеченском языке). Элиста: ЗАО «НПП «Джангар», 2009.

*Мирзоев О.Р. – аспирант кафедры истории
Дагестанского государственного педагогического университета,
г. Махачкала*

**Об участии союзов сельских общин во взаимоотношениях Дагестана с
Россией в первой половине XIX в. (на примере Ахтыпаринского союза)**

«Что сказать вам о племенах Кавказа?
О них так много вздора говорили путешественники
и так мало знают их соседи русские...»

А. Бестужев-Марлинский

Союзы сельских общин Дагестана, известные в исторической литературе еще и как «вольные общества», «горские республики», «федеративные союзы» и т.д., занимали, как и феодальные владения, приблизительно половину его территории.

Количество союзов сельских общин определить затруднительно. Оно не всегда было постоянным. С. Броневский насчитал в Дагестане 12 «федеративных республик», А.А. Неверовский – 44 «вольных общества», Е.И. Козубский – более 60 «вольных обществ», Р.М. Магомедов – 68, А. Берже в одной Аварии выделил 41 «вольное общество». Высказывалось также мнение, что в Дагестане союзов сельских обществ было свыше 80, и они представляли собой «особый тип территориально-этнических, общественно-политических и хозяйственных структур, появление которых было обусловлено рядом причин и, прежде всего, изменениями, происшедшими в социально-экономическом и политическом развитии общин» [3].

Союзы сельских общин находились в основном в Западном, Центральном и Южном Дагестане и занимали территорию с разнообразными природными условиями. Это, главным образом, горная и высокогорная части Дагестана, где издавна проживали аварцы и народности аваро-андо-цезской языковой группы, даргинцы, а также лезгины и народности лезгинской языковой группы.

Как самодовлеющие политические организации, союзы сельских общин были поставлены в условия постоянных ориентаций и переориентаций на те или иные стороны во внешних политических и экономических связях Дагестана. Изучение этих взаимоотношений представляется немаловажным для исследования как проблемы союзов сельских общин Дагестана, по-прежнему привлекающей внимание исследователей, с одной стороны, так и истории взаимоотношений народов Дагестана и России – с другой.

В настоящей статье вопросы участия союзов сельских общин во взаимоотношениях Дагестана с Россией в первой половине XIX вв. рассматриваются на примере Ахтыпаринского союза (Южный Дагестан). Привлечение материалов этого союза определяется двумя обстоятельствами: тем, что Ахтыпаринский общинный союз являлся одним из крупнейших и наиболее авторитетных союзов сельских общин Дагестана указанного периода, так и тем, что данный союз не получил в дагестанской историографии достаточного освещения.

В 1812 г., после образования Кюринского ханства, Ахтыпаринский общинный союз, в числе других союзов долины реки Самур, вступил в подданство России. Однако самурские союзы сохраняли фактическую независимость от царской России вплоть до 1839 г., дольше, чем другие части Лезгистана. Более того, они приняли участие в боевых действиях с царскими войсками в первой половине 1830-х годов в городе Шеки. В 1837 г. горцы Самурского региона участвовали в известном Кубинском восстании. Позднее, в начале июля 1838 г., по имеющимся сведениям, одним из предводителей со стороны

горцев в сражении при Аджи-Ахуре (ныне в Кусарском районе Азербайджана) с отрядом генерала Фезе был Шейх Мулла Ахтынский [4. С. 181-182].

В 1839 г. в долину р. Самур были двинуты крупные силы царских войск под командованием генерала Головина. Сопrotивление местного населения было подавлено, российские войска вышли к Ахтам, и здесь была заложена крепость. Ахтыпара, как и другие самурские земли, была поставлена под контроль царской администрации в составе образованного ею Самурского округа.

В середине XIX в. жители Ахтыпары были вовлечены в движение под руководством Шамиля. Этот период знаменателен не только для истории исследуемого союза. «Как взоры всей Европы обращены на Севастополь, так и весь Кавказ и в особенности горцы, взволнованные Шамилем, смотрели на укрепление Ахты. Падение Ахты произвело бы на умы горцев самое благоприятное действие, после чего Шамилю не трудно было бы поднять население Баку, Кубы, Дербента и Шемахи, где только ожидали приезда имама, и тогда положение русских было бы вновь столь же невыгодное, как оно было после неудачной в 1845 году экспедиции в Дарго» [8. С. 35]. Кавказское командование придавало ахтынской крепости большое стратегическое значение и поэтому принимало меры для ее защиты.

Судьбу осаждаемой Ахтынской крепости решил произошедший в ней мощный взрыв. «Над крепостью поднялась дымовая завеса, закрывавшая все укрепления. Обе воюющие стороны не знали причину и следствие удара, а когда завеса рассеялась, выяснилось, что в крепости взорвался погреб с четырьмястами пудами пороха и множеством снарядов» [6. С. 571]. Этот взрыв нанес огромный силы урон крепости, разрушил в ряде мест оборонительные стены. По существу, ни одна из стен не осталась целой. «Если бы в эту минуту, – пишет Н. Волконский, – неприятель был подготовлен к штурму и не медля двинулся на укрепление, то участь его была бы решена окончательно и

навсегда» [6. С. 571]. Но время было упущено, «промедление и нерасторопность самих наибов» [9. С.210.] не позволили Шамилю добиться желаемого.

Необходимо вместе с тем подчеркнуть, что взаимоотношения Дагестана и России рассматриваемого периода не ограничивались конфликтными действиями. Имеются достаточно многочисленные сведения о значительном товарообороте между Южным Дагестаном и Россией. Например, в 1807 году из Южного Дагестана в Кизляр было вывезено вина, риса, орехов, свежих и сушеных фруктов, меда, масла, рыбы, марены и других товаров на сумму 184564 руб., а в Астрахань – на сумму 1073300 руб. Ввезено обратно российских товаров в села Южного Дагестана из Кизляра на 160028 руб., из Астрахани на 4762122 руб. [1. С. 454-455]. За май 1818 из городов России в южные районы Дагестана было привезено товара стоимостью 236166 руб. 54 коп. [см. 7. С. 159]. В 1821 году вывоз из нескольких сел Южного Дагестана через Дербент по морю составил 273000 руб. 64 коп., сухопутный вывоз равнялся 54780 руб. 97 коп. [2. С.18].

О роли Ахтыпаринского союза сельских общин в развитии торгово-экономических связей Южного Дагестана с Россией свидетельствуют следующие документы. В сведениях Кизлярской пограничной конторы за 1812 год говорится о привозе в Кизляр купцами товаров из Баку, Кубы, Дербента, Ахты, Докузпаринского общества, Рутула, Хурека шелку-сырца – 4 пуда. В ведомости дербентской таможенной заставы за 1813 год имеются данные о вывозе из трех сел Рутул, Лучек и селения Хнов, входящего в состав Ахтыпаринского союза, большого количества бурок, овчин, паласов, тулупов и других товаров. 14 мая 1814 года дербентская таможенная застава выдала свидетельство ахтынским купцам о получении от них торговых пошлин за провоз товаров морем в Астрахань. В сведениях Кизлярской пограничной конторы за 1832 год говорится о привозе в Кизляр и купцами товаров из Баку, Кубы, Дербента, Ахты, Докузпаринского общества, Рутула, товаров. Многие астраханские и кизлярские купцы, отмечается в ряде источников, в конце XVIII –

первой половине XIX века вели прибыльную торговлю исключительно заграничными товарами. Основными районами их сбыта являлись Дербент, Ахты, Рутул, Курах и т.д. [см. 7. С. 67-68].

Превращению селения Ахты в один из известных торговых центров Дагестана рассматриваемого периода во многом способствовало то, что через Ахты проходил торговый путь, известный под названием Шекинская или Анапская дорога, соединявший Закавказье с Рутулом, Лакией и Аварией. Этот участок трассы Ахты-Шеки через Салатавский перевал был наиболее оживленным и действовал круглый год. По нему были вовлечены во внешнюю торговлю и жители других лезгинских магалов Самурской долины. Интенсивным был путь Нуха – перевал – Ахты-Курах – Усуг – Рича – Чирах и далее на Кумух. Об этом пути писал Беккер, сообщая, что кубачинцы, цудахарцы, андийцы и др., «строго говоря, проезжают только через Ахты, направляясь в Нуху...» [см. 5. С. 40]. Через Ахты проходили другие дороги, соединявшие селения Ахты, Алтыпара, Докузпара, Мискинджи. Попутно заметим, что в 1846 г. русскими войсками на Кавказе было начато строительство Военно-Ахтынской дороги, которая должна была соединить лезгинские районы Дагестана с Закавказьем. «Были проделаны значительные работы (например, пробили туннель на участке от Ахты до Хнова), но дорога эта не стала важным транспортным путем и не повлияла на экономическое развитие Южного Дагестана» (Н. К. З.-ъ. Военно-Ахтынская дорога и Самурский округ// Газета «Кавказ». 1864. № 1. Цитируется по: [10. С. 19-20]). Полагаем, что представленные материалы способствуют привлечению внимания к поставленной проблеме и небезынтересны для более широкого круга лиц, занимающихся исследованием вопросов духовного и культурно-исторического пространства диалога России и Кавказа.

Библиография:

1. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823.

2. Галоян Г.А. Каспийская торговля. Баку, 1976.
3. Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994.
4. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX в. Сборник документов. Махачкала, 1959.
5. З.Л. (Загурский Л.П.) Поездки г. Беккера по Южному Дагестану // Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). Тифлис, 1876. Вып. 9. С 30-51.
6. Кавказский сборник. Вып. VII. – Тифлис, 1883.
7. Магомедов Н.А. Взаимоотношения народов Южного Дагестана и России в XVIII-XIX вв. (экономический, политический и культурный аспекты). Махачкала, 2008.
8. Мужественная защита укрепления Ахты в 1848 г. СПб., 1873.
9. Мухаммед-Тахир ал-Карахи. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах. Ч.2. Махачкала, 1990.
10. Хан-Магомедов С.О. Лезгинское народное зодчество. М., 1969.

*Мусукаев А.И. – д.и.н., профессор кафедры
всеобщей истории
Кабардино-Балкарского государственного университета,
г. Нальчик*

О миграции фамилий у народов Северного Кавказа

Переселение людей с одного места на другое при их природной склонности к оседлому образу жизни первоначально происходило в связи с поисками более удобных и благоприятных мест обитания: лесных и охотничьих угодий, водоемов, защищенных стоянок, затем к этим причинам добавились стихийные бедствия, расширение территорий для занятий хозяйством, военные захваты [1. С.55].

В позднее средневековье и новое время на Кавказе происходил заметный рост производительных сил, совершенствовалась техника и развивалась торговля. Естественно, что наиболее выделяющиеся мастера повышали свои профессиональные навыки, и это служило основанием их разрыва с сельским хозяйством и полным переключением своих сил и возможностей на любимое и прибыльное занятие [2. С.25]. Эти ремесленники часто покидали свои села и даже этническую среду, поселяясь не только в городах, но и вообще в местах скопления поселений и крупных населенных пунктах северокавказского региона. Баловы и Таовы черкесских аулов Зеюко и Кош-хабль обязаны своим происхождением осетинским Каргаевым, братьям Умару и Пыра, прославленным мастерам по обработке кожи. Высокого уровня профессионализма они достигли благодаря урокам их отца Карагы Каргаева. Услугами братьев пользовались кабардинские, карачаевские и ногайские князья и дворяне. Изменявшиеся социально-экономические условия явились причиной того, что Умар и Пыра Каргаевы оказались в черкесском Хабезе. Их гостеприимно приняла знатная семья Касаевых. О мастерах высокого класса и их изысканных изделиях прослышал владелец Зеюко Хатокшуко и пригласил специалистов к себе. Младший брат Пыра принял приглашение, старший же, Умар, остался в Хабезе.

Занятие животноводством, а именно разведением крупного рогатого скота, и плетением на уровне предпринимательства корзин заставили Дудуевых сняться с родных мест в Северной Осетии и уйти в Кабарду, где, как они считали, больше возможностей для их хозяйственных дел. Инициатором переезда был Уважукко Дудуев. Род Дудуевых в Боташево (сейчас Плановское) продолжили Исмел, Лалу, Титу, Масхуд и Бердыко. Живя в кабардинском селе, они сбывали изделия своего производства, а также скот в Моздоке, Прохладном, Владикавказе, Нальчике, Георгиевске и других торговых центрах Кавказа. В наши дни Дудуевы живут в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Турции и Иордании.

Разведением овец, коз и производством на профессиональном уровне разнообразных товаров из шерсти занимались кирджинские и ардонские Замбатовы. Также как и Уважуко Дудуев, Хажбатыр Замбатов решил, что Боташево более перспективное место для занятий хозяйством и ремесленным производством и переехал с семьей в это село. Замбатовы были очень талантливыми и предприимчивыми людьми, все у них ладилось и процветало... Так, уже в Боташево Хурхоко Замбатов освоил пчеловодство и обучил этому делу односельчан. Плетением из крупных прутьев и изготовлением стенок для жилых, хозяйственных построек, а из мелких прутьев – корзин для хранения кукурузы, зерна, муки и т.д. занимались мужчины осетинской семьи Евазовых. Их женщины практиковали плетение из камыша и соломы украшений для дома и предметов быта. Развивая свое производство, на фамильном сходе Евазовы решили, что одна из их семей временно поживет и поработает в Бороково (сейчас Арик). Но жизнь так сложилась, что эти Евазовы продолжили свою историю в качестве уже малокабардинской фамилии.

Сабановы из Чиколы издревле специализировались на разведении породистых лошадей и отборных пород крупного рогатого скота. В XIX веке их хозяйство числилось в списках постоянных поставщиков лошадей в царскую армию. По мере расширения предпринимательского дела Сабановых негативно сказывались нехватка земельных угодий, ревностное отношение местной знати и периодические конфликты с ними и, наконец, поползновения конокрадов. Поэтому Наша Сабанов однажды твердо решил для себя, что будет заниматься этой престижной и прибыльной профессией только в Кабарде, и перебрался со всем хозяйством в Боташево.

Во второй половине XIX века в связи с ростом населения и нехваткой пахотных угодий в горных селах Северной Осетии, многие из семей обратились к начальнику Терской области с просьбой разрешить им переселиться в равнинные села северокавказского региона. В 1866 году начальник Терской области граф М.Т. Лорис-Меликов подписал бумагу о переселении из Лезгора

в Хатуей (ныне Старый Урух) братьев Бетрозовых: Бачира, Джауиша и Джашая.

Крестьяне начинали понимать, что перспектива развития их хозяйства может осуществиться только на равнинной территории Осетии и Центрального Кавказа. В это время уже расширялся ассортимент выращивания сельскохозяйственных культур, менялось качественное и количественное состояние разведения пород крупного рогатого скота и лошадей, созревавший предпринимательский рынок все более отодвигал на второй план примитивное натуральное хозяйство.

В поисках более приемлемых условий жизни в начале XX века из Северной Осетии в Кабарду переехали Кубати Калоев и один из потомков брата Калоя Цока. Таким образом, Цокоевы обзавелись землей в Первом Лескене, Калоевы – в Старом Урухе.

Между тем надо заметить, что ограниченность в земельных угодьях не всегда служила причиной переезда осетинских семей. Известно, что еще с начала XIX столетия царская администрация выделяла горским семьям земли в равнинной части Осетии и всячески уговаривала их туда переселяться. Но поскольку княжеские фамилии часто объявляли себя хозяевами вновь образованных сел, а крестьян – своими подданными, последние (осетины и другие народы Северного Кавказа всегда отличались ярко выраженным свободолобием) уезжали в Кабарду, Черкессию, Адыгею. Так, в связи с подобным давлением Тугановых на Савкуевых из Дурдура, они решили арендовать земли у Анзоровых в районе Первого и Второго Лескенов. Само рождение фамилии Савкуевых связано с языческими верованиями. В одной из осетинских семей долго не рождались дети, и, когда наконец родился мальчик, односельчане посоветовали назвать его Савкуем, то есть «черной собакой» в расчете на то, чтобы избежать влияния дурного глаза и злых духов. И действительно, в народе говорят, что мало того, что Савкуй рос здоровым и счастливым ребенком, в их семье родилось еще два сына, Темра и Занкиши, положивших нача-

ло Темраевым и Занкишиевым. Потомки основателя кабардинских Савкуевых дали начало еще такой кабардинской фамилии, как Казанчевы.

Выходцы из Северной Осетии и старолескенские (Кайсын-Анзорово) Белимготовы. Бабиц Гуадзаров был отменным скотоводом и содержал большое стадо крупного рогатого скота и отару овец. И однажды в непогоду его пастухи не смогли удержать пасшийся скот, и именно Бабиц разыскал в ближайшем лесу и окрестных балках разбежавшихся коров и овец, а по пути параллельно помог собрать и чужой скот. Это обрадовало сельчан, и они, памятуя о том, что Бабиц вообще отличался удачливостью в разведении животных, назвали его Былымгъуэт, то есть Белимготов.

Мастеровыми были и братья Туаевы, которые для своего места жительства избрали Абаево (сейчас Урожайное). Первым делом они построили большой, привлекавший внимание односельчан и приезжих, гостеприимный дом несколько в отдалении от остальных жилищ. И поскольку братья Туаевы первоначально жили без семей, соседи нередко готовили и носили им пищу. Говорят, когда однажды женщину и детишек, несших приготовленную еду, спросили, куда они направились, те ответили: «В Къущхъэунэ», то есть «Осетинский дом». Отсюда и фамилия Кушхауновых.

Фамилии закреплялись за людьми по-разному, и естественно, что неодинаковыми были у людей судьбы, от случая и многих субъективных и объективных факторов зависел выбор ими постоянного места жительства. Мазоковы, что означает «Сын леса», первоначально называли себя Мзоховыми и проживали в Ардоне. Постепенно члены фамилии разных поколений расселились в Алагире, Нарткале, Шапсуге и т.д. А корни этих семей ведут в 60-е годы XIX века к весьма одаренному и рассудительному человеку, служившему у одного из осетинских князей в качестве администратора и распорядителя хозяйства. Владелец с уважением относился к своему подданному и, ценя его личностные качества и ум, дал возможность по собственному желанию определить свою судьбу.

В Плановском живут и Мазоковы, родоначальник которых Батоко происходил из села Бирагжанг. Некоторые члены этой фамилии Мазоковых в прошлом были прекрасными охотниками, одомашнивали диких животных и птиц, заготавливали и продавали лес, занимались сбором лесных ягод, грибов и т.д.

Близкой по терминологической значимости, а именно отношению к лесу, является фамилия Мезовых из Шалушки и Герменчика. Старейшина герменчикских Мезовых Бечмырза относит корни своего рода к четверем братьям, жившим в Осетии где-то около леса. Отсюда и фамильное имя Мэз.

Жанхотовские Экашаовы своим рождением обязаны сорокалетнему Хасину из Северной Осетии, человеку образованному, знавшему языки, умевшему показать себя в любом обществе. Он жил восемь поколений назад. В Жанхотово Хасин продал имевшиеся при нем драгоценности, купил дом, участок земли, женился. Но у Хасина была одна слабость: излишнее увлечение женщинами, за что в селе его прозвали «Ек1э щ1эуэ» – «увлекающийся женщинами». Фамилия Экашаовых распространилась в Зарагиже, Нарткале, Нальчике.

Фамильное имя кабардинских Эльмесовых близко фамильному имени верхнебалкарских Ольмезовых общим понятием «ёлмезлик» («бессмертный»), свидетельствующим о том, что основатели разных по происхождению фамилий много пережили в своей жизни, побывали, проявляя храбрость, в разных передрягах и неординарных ситуациях и тем не менее выжили. Поэтому люди и называли их «бессмертными». Верхнехуламский Ёльмез был также родом из Грузии. Одного генеалогического корня с Ёльмезом (Ольмезовы) являются и Махиевы. Некоторые из потомков Ёльмеза расселились в Урвани и Баксане, став кабардинцами.

Также традиции военных походов обязана фамилия Шокаровых. Кармовский владелец Маршенов славился на всю Кабарду и соседние территории подобными походами. Его знали от Сунжи до Кубани, но однажды он совер-

шил поход и в сторону Грузии. И хотя этот поход был не очень удачным, Маршенов все же привез с собой молодую женщину и подростка. К мальчику он относился как к своему ребенку, воспитал, женил, обеспечивал материально. Парень этот был смуглокожим и черноволосым, да еще любил носить одежду черного цвета – все это закрепило за ним в селе прозвище «Шуей къара» («Черный джигит»), перешедшее в фамилию Шокаров.

Примерно двести лет назад в очередном военном походе группа хуламо-безенгиевцев тоже украла в Сванетии ребенка. И какое-то время скрываясь в горах, они послали информацию отцу мальчика, князю по происхождению, что за солидное вознаграждение ему вернут ребенка. Князь со своей свитой попытался окружить злоумышленников и вымогателей, чтобы отбить ребенка, но те вовремя ушли от погони.

Все время, пока происходили эти события, мальчик крепко спал, не подавая никаких признаков жизни. Старший из членов группы, притронувшись к лобику ребенка, ласково произнес: «Уян, уян» (то есть «проснись, проснись»), – и тот открыл глаза. Так на территории Балкарии началась жизнь основателя Уяновых.

Малочисленность балкарского населения при экзогамном браке ограничивала выбор невест в своей этнической сфере и заставляла балкарцев присматривать их у соседних народов. Одному из жителей Шыкы понравилась девушка в ближайшем селе Сванетии. Надо заметить, что и молодой человек пришелся по душе девушке. Но его нетерпеливый характер и крутой нрав не дали ему выполнить необходимые церемонии предсвадебного и свадебного церемониала. Он просто украл понравившуюся ему с первого взгляда красавицу. Увидев девушку на смотринах в первую же лунную ночь, жители села Шыкы поразились ее красотой и сразу же дали ей имя «Айша-Айча» («Луно-подобная красавица»).

Айша быстро адаптировалась в новой среде, освоила балкарский язык, прекрасно вела хозяйство. Все, казалось бы, шло хорошо, но в один из воен-

ных набегов ее молодой муж погиб, и Айша на долгие годы для сына Бийчоку, внуков Эсеуа и Гебека и подраставших правнуков осталась негласной главой семьи и авторитетом. В память о ней и ее родине дети сделали ее имя фамилией Айшаевых.

Из Месхии Верхней Сванетии произошли Отаровы и Шахмурзаевы. Родоначальник первых Отар Дадешкилиани жил восемь поколений назад, вторых – Эльмурза Гуджеани – семь поколений. Те и другие, как балкарцы, начинали с Верхнего Баксана. В семье Отара родилось двое сыновей: Жаш-бек и Кала-бек, уже при жизни которых за ними закрепилась фамилия Отаровых. Ветка Жаш-бека продолжалась в Кёнделене его сыновьями Ботташем и Дуппуком. Начиная с последних, Отаровы расселились в Гюрхожане, Белой речке, Хабазе, Хасанье.

Эльмурза Гуджеани положил начало трем балкарским фамилиям: Шахмурзаевым, Атмурзаевым и Текуевым, и одной кабардинской – заюковским Черкесовым.

С занятиями хозяйством связывают рождение своих фамилий балкарские Теппеевы и кабардинские Тархановы.

Малоземелье в горной части Грузии заставило родоначальника Теппеевых Тёппе, что означает «макушка головы», перейти перевал и поселиться в Безенги.

По разным причинам и в разное время в Кабарде оказались грузины, родоначальники Анзоровых, Бирсовых, Дикиновых, Кармоковых, Узденовых, Хасановых, Ципиновых и ряда других фамилий, о которых будет рассказано в готовящемся к печати втором томе книги «Века родословий». Свою же статью мы хотим завершить тем, что миграционные процессы в жизни людей – явление закономерное, особенно для народов, живущих на сопредельных территориях и в одном регионе.

Наши предки ценили контакты и взаимодействия между народами Кавказа и соседних регионов, относились к этому с уважением и зафиксировали в

незыблемых законах обычного права, надеясь на то, что эти традиции будут поддерживаться последующими поколениями [4. С.79].

Библиография:

1. Егназаров С.А. Исследования по истории учреждений в Закавказье. // Сельская община. – Казань, 1883-ч.1
2. Леонтович Ф.Н. Адаты кавказских горцев. // Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып.1, – Нальчик, 2002.
3. Мусукаев А.И. Кабардинские и балкарские фамилии грузинского происхождения. // Кавказ, Тбилиси, 2003-№6.
4. Першиц А.И. Традиции и культурно-исторический процесс. // Народы Азии и Африки. – М., 1981-№4.

*Ракачев В.Н. – к.и.н., доцент кафедры социологии
Кубанского государственного университета,
Матвеев О.В. – д.и.н., профессор кафедры дореволюционной
отечественной истории
Кубанского государственного университета,
г. Краснодар*

Образ Абхазии и абхазов в представлении россиян

Состояние и перспективы существующих отношений между Россией и Абхазией сегодня получают противоречивую оценку: от полного позитива до различных фобий относительно перспектив дальнейшего взаимодействия. Кроме того, значительно различаются оценки со стороны экспертов и общественного мнения, в регионах, находящихся в пограничном с Абхазией положении: Краснодарский край, Карачаево-Черкесия и Адыгея, и регионах, непосредственно не граничащих с Абхазией и удаленных от границы с ней.

С этой целью при финансовой поддержке Российского гуманитарного

научного фонда, проект № 11-23-12001a/Abh, нами было проведено социологическое исследование с целью выявления и анализа состояния и перспектив развития абхазо-российских отношений в общественном мнении жителей двух стран. Результаты исследования позволяют увидеть в новом свете проблемы стоящие на пути формирования новых союзнических отношений между двумя странами, могут стать основой для разработки эффективной политики в сфере взаимодействия России и Абхазии.

В рамках поставленной задачи предполагалось выявить отношение жителей российского региона (на примере Краснодарского края) к Абхазии и абхазам; определить содержание и направленность стереотипного образа абхазов и длину социальной дистанции между жителями региона и жителями республики Абхазия. В исследовании, проведенном среди жителей Краснодарского края методом индивидуального тестирования, приняли участие 540 чел.

В числе типичных качеств, присущих, по мнению опрошенных жителей края, представителям абхазского народа упоминались следующие: гостеприимные, дружелюбные, трудолюбивые, гордые, добрые, доброжелательные, темпераментные, уважительны, хитрые, импульсивные, агрессивные, вспыльчивые, радушные, уважение к старшим, щедрые, добродушные, веселые, общительные, предприимчивые, патриотизм, умные, горячие, вежливые, миролюбивые, открытые, приветливые, своенравные, коммуникабельные, ленивые, независимые, сильные, спокойные, скрытные, честные, эмоциональные и т.д.

Основные блоки качеств:

- 1) гостеприимные, щедрые, радушные – 18,4%;
- 2) дружелюбные, добрые, доброжелательные, добродушные, приветливые – 18,4%;
- 3) темпераментные, импульсивные, эмоциональные, горячие, вспыльчивые, взрывные – 15,8%.

Соотношение позитивных, негативных и нейтральных качеств в стереотипе абхазов: «+»– 58,2%, «-»– 31,1%, «0» – 10,7%.

Таким образом, стереотипный образ абхаза содержит преимущественно позитивные качества, что свидетельствует о положительной направленности стереотипа. Доля негативных качеств не превышает трети от всех указанных свойств.

Длина социальной дистанции между жителями края и абхазами замерялась с помощью «шкалы Богардуса». Понятие социальной дистанции характеризует близость (отчужденность) социальных или этнических общностей, групп, отдельных людей. С помощью шкалы социальной дистанции (или шкалы Богардуса) оценивается степень социально-психологического принятия людьми друг друга, поэтому ее часто называют шкалой социальной приемлемости. Она используется для измерения дистанции, связанной с расовой или национальной принадлежностью, возрастом, полом, профессией, религией и т.д. Шкала социальной дистанции показывает степень психологической близости людей, способствующей легкости их взаимодействия.

Максимальная социальная дистанция означает, что человек (или этнос) держится обособленно, автономно. Вежливость и этикет как культурные способы общения позволяют скрывать свою личность, собственную оригинальность и культуру; большинство коммуникаций в таких случаях символично и формально.

Минимальная социальная дистанция способствует конкретизации представлений о других людях, поскольку, когда люди хорошо знакомы, интересуются друг другом, национальной культурой, они вовлекаются во взаимодействие и каждый принимает во внимание оригинальность и индивидуальность друг друга.

Кроме того данная методика позволяет выявить существующий уровень национальной толерантности/интолерантности, подразумевается открытое прямое проявление тех или иных чувств, высказываний, форм поведения. Из-

мерение же ощущения социальной дистанции в сознании индивида позволяет обнаружить скрытые интенции к формированию и проявлению толерантного (или интолерантного) отношения людей к представителям других национальностей.

Числовое значение интегрального индекса национальной дистанцированности по характеру ответов позволяет интерпретировать величину дистанцированности как предпосылку формирования определенного уровня национальной толерантности: идентичность – толерантность – обособленность – изолированность – ксенофобия.

Средний показатель по шкале 4,3 балла, что свидетельствует о желании жителей края сохранять нейтральную дистанцию в отношениях с абхазами.

Доля респондентов желающих иметь более близкие отношения с абхазами составляет 35,2% (это первые три наиболее близкие дистанции: принять как родственников, принять как близких друзей и принять как соседей, живущих рядом). Причем наибольшее число респондентов готовы иметь абхазов в числе близких друзей – более 1/5 опрошенных.

Доля лиц стремящихся установить и поддерживать максимальную дистанцию с абхазами составляет 53,6%, т.е. чуть больше половины респондентов. Здесь наиболее часто указывалась готовность принять абхазов как граждан своей страны и как туристов. 8,7% опрошенных выбрали нейтральную позицию.

Таким образом, при достаточно положительном стереотипном восприятии и отношении к абхазам, жители Краснодарского края в большинстве своем не готовы к более тесным и близким отношениям предпочитают поддерживать нейтральную дистанцию в отношениях.

*Салакая С.Ш. – к.и.н., доцент,
заместитель директора АБИГИ,
г. Сухум*

Изучение вхождения Абхазского княжества в состав Российской империи в абхазской исторической науке

Абхазская историческая наука фактически складывается лишь в советское время. И, конечно, такой переломный момент в истории Абхазии, как присоединение к России, не мог остаться без внимания местных исследователей. Из-за ограниченности объема и времени в докладе упомянуты лишь наиболее важные и характерные работы. Для желающих сделаю отсылку на обзорные работы, где они смогут ознакомиться с библиографией вопроса [1, 3, 10, 13, 14, 17, 19].

Хронологически первыми интересующий нас период рассматривают в своих работах К.Д. Кудрявцев и С.П. Басария. Оба автора традиционно для историографии 1920-х гг. негативно относились к царской России.

Работа К. Д. Кудрявцева «Сборник материалов по истории Абхазии» (1922) – одна из первых попыток подготовить относительно связный материал по истории Абхазии. Присоединение к России он рассматривал в контексте борьбы двух империалистических держав за Кавказ.

Гораздо более радикально написана книга С. П. Басария «Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении». Крайне негативно расценивается вхождение Абхазии в состав Российской империи. Политика царских властей называется бесчеловечной и беспринципной, приведшей к исчезновению многих кавказских народов, в т.ч. большинства абхазов.

В Абхазии на рубеже 1930-х гг. формируется марксистская школа историков. Одним из первых историков-марксистов Абхазии был А. В. Фадеев,

который начал активно печататься с начала 1930-х гг. В своих работах этого времени он показывает, что Абхазия прошла все этапы социально-экономического развития, в духе того времени характеризует русский царизм как военно-феодальный империализм

Главной работой «абхазского периода» научного наследия А. В. Фадеева является «Краткий очерк истории Абхазии». Он написан вполне в духе господствовавших тогда в советской исторической науке теорий. Уже название главы, посвящённой этому периоду, говорит само за себя – «Захват истории русским царизмом». Весьма высокую оценку получает деятельность Келеш-бея. Интересный вывод делает автор о ситуации, наступившей в Абхазии после убийства Келеш-бея: «Междоусобица детей Келеш-бея – Сафар-бея и Аслан-бея – вызывает в стране политический кризис, заканчивающийся захватом Абхазии русским царизмом» [21. С. 145]. Говоря о присоединении Абхазии к России, А. В. Фадеев указал на значительную роль мегрельских князей в этом процессе и отметил, что Л. Дадзариани был союзником Сафар-бея (Георгия) в борьбе с Аслан-беем, сумев захватить при этом Самурзакан в качестве вознаграждения за поддержку [21. С. 149].

В конце 1930-х – нач. 40-х гг. началась научная деятельность крупнейшего абхазского историка Г. А. Дзидзария. Высокую оценку получила его дипломная работа «Завоевание Абхазии русским царизмом» (1939) [9], содержащая богатый фактический материал. Вскоре выходит его первая самостоятельная работа «Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века» (1940). В ней рассматривается борьба ведущих держав за Кавказ и Абхазию в частности. Учёный отмечал, что хотя процесс вхождения Абхазии в Россию принёс немало бед абхазскому народу, нахождение в составе султанской Турции грозило Абхазии физическим уничтожением [7. С. 31-32]

Сталинские репрессии и начавшаяся Великая Отечественная война нанесли науке Абхазии колоссальный урон. Были репрессированы многие учёные, в т.ч. авторы первых книг по истории Абхазии С. М. Ашхацава, С. П.

Басария, А. К. Хашба и многие другие. А. В. Фадеев вынужден был уехать из Абхазии. За годы Великой Отечественной войны не было написано ни одной работы по истории Абхазии [19. С.179]

После Великой Отечественной войны научная жизнь Абхазии стала более интенсивной. Вместе с тем работа историков Абхазии испытывала серьезные трудности, главным образом в связи с политическим курсом руководства Грузии, направленным против истории Абхазии и вообще этнической самостоятельной абхазского народа. Абхазы были объявлены этнографической группой грузин, которая в силу различных исторических причин забыла о своем происхождении. В силу этого изучение истории Абхазии могло проводиться лишь в неразрывной связи и как звено истории Грузии [17. С. 32].

Целый ряд историков Абхазии (Д. И. Гулия, А. А. Олонецкий, И. Г. Антелава и др.) были вынуждены отказаться от своих прежних взглядов. Одна из центральных фигур абхазской истории Келеш-бей Чачба–Шервашидзе был объявлен реакционером, причем одним из главных обвинений против него стал его «сепаратизм», стремление к самостоятельности Абхазии [2. С. 4-5]

После смерти Сталина абхазский народ и его история получают «право» на самостоятельность. Начинается возрождение абхазской исторической науки.

В 1960 г. к 150-летию знаменательной даты выходит капитальная монография Г. А. Дзидзария «Присоединение Абхазии к России и его историческое значение». Это первое специальное издание по данному вопросу. Присоединение Абхазии к России рассматривается в тесной связи с развитием «восточного вопроса» на широком фоне сложной и быстро меняющейся в начале XIX века обстановки в регионе. В данной работе Г. А. Дзидзария придерживается мнения, что присоединение к России являлось единственно правильным решением, избавившим абхазский народ от окончательного порабощения Турцией, этнической раздробленности и междоусобных войн. Тем самым он, не без влияния господствовавшей тогда исторической концепции,

отказался от своих предыдущих взглядов относительно завоевания Абхазии царской Россией. Присоединение Абхазии к России, по мнению Г. А. Дзидзария, несмотря на реакционную колониальную политику царизма, стало прогрессивным явлением абхазской истории [7. С. 268-269].

Теория прогрессивности вхождения Абхазии в состав России, активно разрабатываемая Г. А. Дзидзария, стала господствующей в абхазской исторической науке. Она нашла отражение в целом ряде монографий Г. А. Дзидзария. («Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия», «Формирование абхазской дореволюционной интеллигенции» и др.) и в работах его последователей, а также в «Очерках истории Абхазской АССР» (1960) и первом учебном пособии «История Абхазии» (1986)

В 1990 г. вышла работа историка «новой волны» С.З. Лакоба «Очерки политической истории Абхазии», в которой был отражен новый взгляд на политическую историю Абхазии XIX – начала XX века. Однако в вопросе добровольности вхождения Абхазии в состав России, автор соглашается с общепринятой точкой зрения. Эта же позиция нашла отражение и в новом учебном пособии «История Абхазии» (1991), выход которого вызвал огромный общественный резонанс в республике [11. 15].

После грузино-абхазской войны 1992-1993 гг., нанёсшей колоссальный ущерб Абхазии, историческая наука переживала весьма непростые времена, особенно усугубившиеся в связи с варварским сожжением здания АбНИИ и Центрального Государственного архива Абхазии. Тем не менее, абхазская историческая наука возрождается. Неудивительно, что такой важный вопрос, как присоединение Абхазии к России, вновь оказался в центре внимания историков. В 1999 г. С.З. Лакоба опубликовал работу «Асланбей», в которой пересмотрел свои взгляды на вопрос присоединения Абхазии к России, и связанные с ним события. В ней, в частности, предпринята попытка обелить Аслан-бея. Автор указывает, что в смерти Келеш-бея виноват не Аслан-бей, а русское военное командование на Кавказе и мегрельские князья, заинтересо-

ванные в устранении слишком самостоятельного абхазского владетеля. Исходя из этого, автор ставит под сомнение правомерность притязаний Сафар-бея (Георгия) на владетельскую власть и, следовательно, законность грамоты Александра I от 17 февраля 1810 года и добровольность присоединения Абхазии к России [16. С. 5-6. 17.22-23]. Эти положения С. З. Лакоба были в дальнейшем повторены и усилены в школьном учебнике по истории Абхазии для 10-11 классов и в отдельной монографии (обе совместно с О. Х. Бгажба) [5. 6]. Эта точка зрения разделяется многими абхазскими историками. Вместе с тем по-прежнему в ходу и традиционная точка зрения на образ Келеш-бея и его сыновей, а также на добровольность и законность вхождения Абхазии в состав Российской империи.

Вопрос об убийстве Келеш-бея является весьма трудно разрешимым из-за недостаточности источниковой базы [16. С. 186]. Что касается притязаний Аслан-бея и Сафар-бея на владетельскую власть, то законность обоих вызывает сомнения. Что касается присоединения Абхазии к России, то этот акт можно считать юридически верным, но сама кандидатура, на которой остановились русские власти, оказалась малоудачной. Сафар-бей (Георгий) и его потомки не пользовались популярностью среди населения, и их безоговорочная поддержка со стороны России вызвала рост антирусских настроений. Тем не менее, 1810 год является одной из коренных и переломных дат в истории Абхазии, а само присоединение привело к значительным и даже решающим изменениям в последующем развитии страны, требующим тщательного изучения.

Библиография:

1. Агрба З.А., Хашба А.К. Вместо предисловия // А.В. Фадеев. Краткий очерк истории Абхазии. Ч. 1. Сухум, 1934.
2. Антелава И.Г. Очерки истории Абхазии XVII-XVIII вв. Сухуми, 1951.

3. Анчабадзе З.В., Дзидзария Г.А., Куправа А.Э. История Абхазии. Уч. пос. – Сухуми, 1986.
4. Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум, 1925.
5. Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии. Учебник для 10-11 класса. Сухум, 2006.
6. Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум, 2007.
7. Дзидзария Г.А. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. Сухуми, 1960.
8. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми. 1975. 2-ое изд. 1982.
9. Дзидзария Г.А. Завоевание Абхазии царской Россией. // Труды. Т 3. Сухуми, 2006.
10. Домения И.Х. Историография истории народов Северного Кавказа XIX-XX вв. СПб., 2000.
11. История Абхазии. Учебное пособие. Сухуми, 1991.
12. Кудрявцев К.Д. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум, 1922.
13. Куправа А.Э. Олонекский А.А. Краткий обзор изучения истории Абхазии за 40 лет // Труды АИЯЛИ. Т. XXXII Сухуми, 1961
14. Куправа А.Э. Изучение проблем истории Абхазии за 50 лет. // Абхазскому институту 50 лет. Тбилиси. 1985.
15. Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990.
16. Лакоба С.З. Аслан-бей. Сухум. 1999.
17. Салакая С.Ш. Вопросы истории Абхазии XIX – начала XX века в абхазской советской историографии. Сухум, 2009.
18. Салакая С.Ш. Келешбей в абхазской историографии // Кавказские Научные Записки. № 3. М., 2011

19. Салакая С.Ш. Присоединение Абхазии к России в абхазской историографии // Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 18. М., 2012
20. Фадеев А.В. К вопросу о феодализме в Абхазии. Сухум, 1931
21. Фадеев А.В. Краткий очерк истории Абхазии. Ч.1. Сухум, 1934.

*Тучина О.Р. – к. психол. н., доцент,
кафедры философии
Кубанского государственного технологического университета,
г. Краснодар*

**Традиционные ценности в эпоху глобализации
(на материале исследования адыгских студентов)**

Работа выполнена в рамках реализации госзадания № 10.7079.2013 «Исследование мотивации и разработка системы стимулов формирования толерантности студенческой молодежи»

Кавказ был и остается областью взаимодействия различных народов и культур, в процессе которого происходит взаимопроникновение этнокультурных смыслов и ценностей, формирующее общее метакультурное смысловое поле, которое обеспечивает этнокультурный диалог. Смысловые позиции такого диалога связаны с пониманием носителями культуры своей этнической идентичности, так как этнокультурная традиция – это непрерывный процесс самовоспроизводства в акте понимания, который есть акт самопонимания представителей этой традиции [2].

По мнению А.Ю. Шадже, одним из существенных видов социокода, который регулирует жизнедеятельность человека в кавказской культуре, является этничность [4]. Этническая принадлежность воспринимается «кавказцем» не как одна из иерархических ступеней бытия, а как высшая его ступень. В этничности «кавказец» видит некую идеальную модель своей жизнедея-

тельности, которая является имманентным регулятором деятельности, поведения и общения индивида в кавказской культуре. Ценностно-ориентированное поведение, определяемое принадлежностью к этнической общности, является специфическим признаком человека в данном культурном феномене. В этой ипостаси этничность выступает как ценность, активно влияющая на жизненную ориентацию человека.

В соответствии с концепцией С. Эйзенштадта о традиции и «центральной зоне» культуры, именно последняя упорядочивает символы, ценности и верования. Ядром традиционной культуры адыгов является этнофеномен «адыгагъэ».

Адыгагъэ выступает результатом первичной рационализации мира, осуществляющейся спонтанно по мере столкновения с текущими, изо дня в день повторяющимися реалиями человеческого бытия. В ходе этого процесса закрепляются основные ценности и формируется базовая личность с определяющими ее базовыми культурными характеристиками. Религиозная идентичность адыгов занимает подчиненное этнической идентичности положение: человек в традиционной адыгской культуре, несмотря на то, что она предстает как достаточно сакрализованное и ритуализированное пространство, становится в относительном смысле религиозно индифферентным по мере становления адыгагъэ, поскольку они выступают в качестве своего рода универсальной «религии».

В рамках реализации госзадания № 10.7079.2013 «Исследование мотивации и разработка системы стимулов формирования толерантности студенческой молодежи» было проведено исследование ценностно-смыслового содержания этнического самосознания студентов, принадлежащих к разным этническим общностям. Новизна предлагаемого подхода состоит в том, что исследование проблемы этнокультурной идентичности предполагается в контексте исследования самопонимания личности, самопонимание этнической идентичности рассматривается как субъективная сторона этнокультурного

диалога. В качестве метода изучения самопонимания этнической идентичности была использована модифицированная методика «граф-схем» Б.В. Кайгородова. Испытуемых просили ответить на вопрос «Что для вас значит быть представителем вашей этнической группы?». Ответы респондентов были обработаны методом контент-анализа.

В группе испытуемых-адыгов наиболее значимой смысловой единицей самопонимания этнической принадлежности являются этнокультурные традиции: 39,6% ответов мужчин и 49,2% ответов женщин. Традиция этничности связывается, прежде всего, с языком. Основным маркер принадлежности к этнической группе при этом – умение говорить на родном языке. В данном контексте язык рассматривается исключительно этнически, выступая как фильтр, как визитная карточка, в соответствии с которой производится «узнавание» своих. В полиэтничном пространстве Юга России лингвистическая составляющая дает возможность с меньшей степенью негативных последствий создавать незримый круг благоприятного этнопсихологического окружения. Осознание значимости включенности в языковую среду, сохранения родного языка в широком контексте исторической памяти выявляется в нескольких аспектах: во-первых, опасение за устойчивое функционирование языка как средства этнической коммуникации, особенно в среде молодого поколения более подверженного модернизационным процессам, с его явной тенденцией к унификации, обезличиванию: «...считаю неправильным то, что многие из молодёжи забывают свой язык»; во-вторых, интеллектуализация лингвистического пространства, установление взаимосвязи между владением родным языком и стилем мысли, этнической ментальностью, которая носит тотальный характер: «Я адыгейка, значит, я думаю на своем языке ... у меня свой менталитет, свой образ мышления, своя точка зрения на особые вещи, и все это благодаря тому, что я черкешенка».

Для ряда респондентов важно быть не просто носителями, а хранителями родного языка. В данных ответах прослеживается сакральное отношение к языку, как к ядру и фундаменту культуры.

Значимый для респондентов компонент этнокультурной традиции – ощущение причастности к истории и культуре. Внешней стороной подобной причастности является актуальность знания истории и особенностей культуры: «Знать историю своего народа, его происхождение». Однако актуальность исторических корней носит деперсонифицированный характер, никак не представленный в конкретике лиц, событий, дат. Респонденты растворяются в огромной, не расчлененной массе идеи-истории, которая порождает народ, воспитывает его, удерживает в себе и тем самым сохраняет от ассимиляции при встрече с более масштабным Другим.

Следующий смысловой оттенок данной контент-единицы – это соблюдение традиций через непосредственное участие в их трансляции. При этом характерно обобщенное отношение к истории и культуре. Респонденты указывают на сохранение этического наследия, воплощенного в культе старших: «любить старших», «заботиться о родителях». В приведенных ответах отсутствует взаимосвязь представления о национальной принадлежности и политической составляющей российского мультикультурного пространства: сопричастность к большой истории возможна только в контексте переживания значимости собственного национально-исторического опыта. Адыгское и российское не рассматриваются как безусловно тождественное, общегосударственное может приобрести значимость только через призму этнической модели интерпретации произошедшего или происходящего.

Причастность к истории и культуре тесно переплетается с включенностью в традиции и обычаи народа, на значимость которых указывает значительная часть респондентов. В рамках представлений о личной и групповой идентичности у адыгов этноса ведущая роль принадлежит соблюдению обы-

чаев. При этом верность традициям мыслится как соблюдение норм традиционной морали – социального морального кода.

Трансформирующее воздействие процессов модернизации современного общества на этническую идентичность адыгов сталкивается с мощным коллективным чувством Мы-идентичности. Данное чувство не стало музейным экспонатом, а вплетено в непосредственную ткань повседневной жизни, в сохранении и трансляции которой респонденты принимают личное участие: «... Мне все нравится; и обычай и обряды, и с каким уважением адыгейский народ к ним относится. Например, свадьба, похищение невесты, как люди радуются, желают лучшего».

В сознании адыгской молодежи важен процесс поддержания и передачи традиций и обычаев, что обеспечивает межпоколенную трансмиссию единого этнокультурного пространства. Его утрата воспринимается в категориях катастрофы и саморазрушения: «...обычаи нужно просто поддерживать и передавать из поколения в поколение». Привнесение каких-либо новаций в область функционирования этнокультурных традиций не воспринимается позитивно, так как вторжение в сферу канона чревато невосполнимыми потерями, утратой аутентичности транслируемого.

Таким образом, у адыгской молодежи наблюдается наличие четкой выраженности этнической традиции, которая вместе с тем актуализирует живую личностную передачу ценностей национальной культуры. Существенным при этом является, помимо сохранения и передачи, личное творческое участие в процессе: «... менталитет современных адыгов изменился. Но есть именно такие люди, которые хранят, передают, умножают все положительные качества адыгейской культуры. Но хотя я сам по себе зачастую не являюсь хранителем многих ценностей, я всегда гордился тем, что я адыг, что я живу и дышу на адыгейской земле. Я хочу возносить свою нацию и умножать ее значимость в современном обществе, вызывать доверие к ней и желание взаимного сотрудничества».

Одной из центральных особенностей адыгской этнической культуры является наличие артикулированного национального образца, зафиксированного в нормах Адыгэ Хабзэ (адыгский этикет) – свод неписаных обычно правовых норм, правил поведения, нравственных положений, определяющих необходимые позитивные качества личности в адыгском обществе [1]. Эти своды правил определяет русло самопонимания этнокультурной идентичности адыгской молодежи. Поэтому самопонимание этнокультурной идентичности переплетается с культивируемыми гендерными качествами, происходит отождествление национальной и гендерной идентичности: «если ты адыг – ты должен быть настоящим мужчиной».

В структуре этнокультурных традиций адыгов актуальным элементом представлено уважение к старшим: «...все века мы уважали и чтим старцев». В культуре адыгов это стержневой принцип, на котором строится этикетная и правовая культура горского общества [3]. Следует отметить, что уважение к старшим, являясь основой социальной иерархии, перерастает в универсальную этическую ценность, определяя не только воспитанность, но и человечность человека во взаимоотношениях с другими людьми: «проявлять уважение к окружающим, как старшему, так и младшему, как к другу, так и врагу»; «проявлять уважение ко всем окружающим от мала до велика». При этом коннотации данного утверждения ориентированы на закрепление данного свойства именно за представителями своего этноса как эталонными носителями моральных качеств, культивируемых в соответствующей этнической среде: «С детства нас учат вежливости, быть спокойными, уважать старших».

Вместе с тем наличие этнокультурного образца предполагает особые формы самопонимания, связанные, прежде всего, с различием обыденного уровня бытования и подлинного уровня личностного бытия. Для данных групп респондентов национальность – это не данность, а заданность. В ответах присутствует модальность должностования: этническая идентичность в данном контексте представляется как усилие быть должным образом. Харак-

терно рассмотрение себя на фоне идеального этнокультурного образца: «настоящего горца», «настоящего адыга» и поэтому, «чтобы быть адыгом, нужно быть не просто человеком», а необходимо «быть достойным назвать себя адыгом»; «Адыгейкой может быть каждая, но настоящей не все».

В целом рефлексивный уровень самопонимания этнокультурных ценностей национальной идентичности доктринально архаизирован, что позволяет сделать вывод об устойчивости и архетипичности ценностей

В отношении идентифицирующего потенциала адыгская этническая традиция в сознании респондентов частично связывается с традиционной религией. Основанием представлений об адыгскости является идеализация образа предшествующего поколения, в котором респонденты склонны видеть хранителей этнокультурных ценностей. Подобная идеализация становится материалом для конструирования базы этнической традиции, которая в дальнейшем приобретает онтологическую самостоятельность по отношению к действительности и инструментально преобразует её.

Таким образом, самопонимание этнокультурной идентичности адыгов можно рассматривать как стремление соответствовать этнокультурному идеалу, обретая в этом свою бытийность. Таким образом, даже в условиях глобализации и информационной революции этнокультурный идеал сегодняшней молодежи формируется, прежде всего, под воздействием этнокультурных норм и ценностей, исторически закрепленных в данной культуре. Именно традиционная культура является основой формирования личности, поэтому вопрос изучения самосознания и самопонимания личности должен рассматриваться именно в этнокультурном контексте.

Библиография:

1. Адыгэ Хабзэ (адыгский этикет)

URL:<http://adygi.ru/index.php?newsid=10300> (дата обращения 1.11.12)

2. Аполлонов И.А Национальная идентичность: субъект в контексте этнокультурной традиции // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 2. С. 89-96.

3. Мафедзев С.Х. Адыги. Обычаи, традиции (Адыгэ Хабзэ). Нальчик, 2000.

4. Шадже А.Ю. Российская идентичность на Северном Кавказе в новой парадигме развития // Фундаментальные проблемы пространственного развития Юга России: междисциплинарный синтез. Тезисы Всероссийской научной конференции (28-29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону) / Отв. ред. Акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. 348-351.

*Шовгенов Т.М. – к.э.н.,
Адыгейский государственный университет,
г. Майкоп*

Экономический портрет курдской семьи в Республике Адыгея

По утверждению французских филологов, в мире существуют свыше четырех с половиной тысяч народов и этнических групп, которые говорят более чем на шести тысячах языках и диалектах. Исторически все эти народы и этнические группы объединены в составе около 200 государств. Есть государства, население которых не превышает несколько десятков тысяч человек, а их территория – десятков тысяч кв. км.

Среди этого этнического и языкового разнообразия курды являются самым многочисленным народом (свыше 40 млн.), который лишен государственности и разбросан на различных территориях множества стран.

Республика Адыгея явилась регионом притяжения для курдских мигрантов по следующим причинам: выгодное экономико-географическое по-

ложение, стабильная политическая обстановка, отсутствие межнациональных конфликтов, удаленность от зон экологических катастроф.

В процессе анализа миграционной статистики нами установлено, что основными «поставщиками» курдов явились бывшие республики СССР: Азербайджан, Армения, Казахстан. Привлекательностью региона для граждан указанных республик СНГ в основном является более широкая, чем в их странах, возможность для трудовой деятельности в благоприятных геоклиматических условиях при поддержке этнических диаспор.

В данной статье рассмотрим экономический портрет курдской семьи, проживающей в Республике Адыгея.

Проведенный нами социологический опрос показал, что 22% опрошенных курдов среди факторов, повлиявших на их переезд в Адыгею, отметили экономические, а именно поиск лучших материальных условий для проживания.

Таблица 1. Основные причины переселения, указанные представителями курдов

Варианты ответов	Процент опрошенных
Вынужденные факторы (переехал вместе с родителями в детстве, родился в России)	59%
Экономические факторы (искал лучшие материальные условия)	22%
Политические факторы (война, межэтнические конфликты)	19%

Численный состав курдской семьи в Адыгее состоит, в среднем, из 5 человек: отец, мать и трое детей.

Отец – глава семьи, труженик, зарабатывающий деньги для семьи. Мать, как правило, безработная женщина, воспитывающая детей. Развод с женой у курдов также считается постыдным, позорным делом. Это случается редко.

Опрос респондентов показал, что основная часть проживающих в республике курдов имеет собственное жилье, гораздо реже арендует жилье, либо живет у родственников или знакомых

Таблица 2. Жилищное обустройство курдов в Республике Адыгея

Варианты ответов	Процент опрошенных
Имею собственное жилье	85%
Снимаю жилье у частных лиц	4%
Живу у родственников, знакомых	11%

По прибытии в Адыгею с 1988 г. курды приобретали домовладения по так называемым «ручным сделкам»: сделки купли-продажи заключались в простой письменной форме в присутствии свидетелей. Затем нотариусы не удостоверяли, а местные органы власти отказывались регистрировать эти сделки, ссылаясь на отсутствие у покупателей местной прописки. Позднее многие из курдов добились признания действительности сделок купли-продажи в отношении своих домовладений посредством решения суда. Но далеко не всегда это вело к признанию и оформлению права собственности. Суды длились иногда годами; выносилось положительное решение суда, но в большинстве случаев нет сведений о том, что указанное право регистрировалось в управлении юстиции или в федеральной регистрационной службе, как того требует закон. Для государственной регистрации права собственности требуется большое количество документов, которые курды собрать не могут по вышеуказанным причинам.

Таким образом, у подавляющего большинства курдов, не имеющих регистрации по месту жительства, право собственности на недвижимое имущество не признается органами исполнительной власти. Соответственно, ограничиваются их права на владение, распоряжение и пользование домовладениями и земельными участками. Фактические владельцы не могут получать

разрешения на строительство на своих участках и не могут легально продать свои домовладения. У многих домовладения были оформлены на родственников с местной пропиской, и это оказывается самым легким способом решения проблем, но только для тех, у кого есть такие родственники. Фактические владельцы платят налог на имущество (как правило, от имени прежних, формально признанных владельцев) и выплачивают все коммунальные платежи (чаще уже от своего имени).

Образ жизни курдов, их занятия, их обычаи определяются природными условиями места их проживания. Адыгея – регион, благоприятный для скотоводства и выращивания сельскохозяйственных культур. Именно в климатических условиях и характере местности Адыгеи следует искать ответ на вопрос, почему курды предпочли данные виды деятельности другим. Наиболее характерной для курда является пастушья и земледельческая среда. Он осваивает другие виды деятельности лишь в силу обстоятельств.

Проведенный анализ показал, что представители курдских семей Адыгеи, в большинстве своем не работают, за исключением содержания личных подсобных хозяйств и не платят никаких налогов (кроме налогов на транспортные средства), пользуются в полной мере установленными государством льготами. 42,1% всех детских пособий в Красногвардейском районе получают граждане курдской национальности.

Таблица 3. Характер занятости курдов.

Варианты ответов	Процент опрошенных
Безработные	4%
Ведут домашнее хозяйство	85%
Ведут собственное дело	7%
Временная работа по найму	4%

Проблемы возникают в организации оказания медицинской помощи мигрантам, которые проживают на территории района без регистрации, и поэтому не имеют страховых медицинских полисов, но в соответствии с действующим законодательством экстренная медицинская помощь им должна быть оказана. Затраты на оказание такой помощи полностью ложатся на бюджет Красногвардейской районной больницы и составляют более 800 тыс. руб. в год.

С каждым годом растет предпринимательская активность курдов Адыгеи. Данные Управления Федеральной миграционной службой и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Адыгея подтверждают, что подавляющая часть курдов-предпринимателей заняты в сельском хозяйстве, незначительная часть предпочитают торговлю и сферу услуг (табл. 4).

Таблица 4. Структура занятости курдов по отраслям экономики

Отрасль экономики	Процент занятости
Сельское хозяйство	75%
Торговля	15%
Сфера услуг	6%
Прочие	4%

Опрос коренных этнических групп Адыгеи (адыги, русские) показал, что курдские семьи относят к достаточно зажиточным. Большинство курдских семей помимо недвижимого имущества имеют современные автотранспортные средства, что усиливает мнение других национальных групп о высоком уровне их жизни. Однако опрос самих курдских семей не всегда подтверждает данный факт (табл. 5).

Таблица 5. Оценка курдами своего материального состояния

Варианты ответов	Процент опрошенных
Хорошее: доходов хватает для удовлетворения основных потребностей	33%
Удовлетворительное: доходов хватает на удовлетворение потребностей в питании, оплате раз-	33%

личных услуг	
Плохое: доходов не хватает даже на удовлетворение потребностей в питании, оплате различных услуг	33%

Политика правительства Республики Адыгея заставить курдов вести оседлую жизнь, в целом, привела к хорошим результатам, т.к. осуществлялась с большим тактом и терпением и сопровождалась затратами необходимых финансовых и технических средств. До сих пор курды всегда с недоверием относились, причем вполне обоснованно, ко всем мероприятиям властей, будучи убеждены в том, что они могут нанести им лишь вред. Поэтому необходима длительная разъяснительная работа среди них, если хотят мирными средствами добиться некоторых результатов.

Необходимо, прежде всего, завоевать доверие вождя племени, власть которого остается непререкаемой в племени. Итак, лучшим путем сближения будет сближение курдов при посредстве самих курдов в рамках племени. Всякое принуждение, всякая попытка прибегнуть к силе сопряжены с риском вызвать серьезные осложнения. Разумеется, это только общие замечания. Действительность черевата самыми разнообразными обстоятельствами, каждый отдельный случай потребует серьезного и внимательного изучения всех аспектов вопроса.

Библиография:

1. Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 12-06-00131.

*Щербакова Н.И. – к.ф.н., доцент
кафедры журналистики и издательского дела
Кубанского социально-экономического института,
г. Краснодар*

Россия и Кавказ: метафизика национального сближения

С момента развала СССР и образования суверенных республик кавказская тематика лидирует в политическом дискурсе рубежа XX-XXI вв. Появление концепта «Кавказские врата России» политологи связывают с имперскими временами и используют в своем речевом обиходе как многоуровневую лексему, вобравшую в себя историческую и надысторическую субстанцию нераздельно-неслиянного родства двух несхожих миров (христианского и мусульманского), соприкосновение и взаимодействие которых и являет на сегодняшний день центр мирового геополитического пространства. Шамиль, Ермолов, Сталин, Басаев... – имена исторических деятелей, так или иначе связанных с имперской политикой «покорения Кавказа». Сегодня они как никогда табуированы в речевой практике тех, кто наделен властными полномочиями. Ибо главный историософский урок, преподнесенный событиями Кавказской войны, свидетельствует о непродуктивности таких форм взаимодействия центра России и ее южных кавказских пределов, которые имели своей целью покорение. Умолчание названных выше имен объясняется политикой замирения, невозврата к тем ее политическим стратегиям, которые в глубинах исторической памяти ассоциируются с трагедией межнациональных отношений русского народа и народов Кавказа. Но прав С.Н. Булгаков, утверждающий мысль о том, что «политика не может составить основы трагедии, мир политики остается вне трагического, и не может быть политической трагедии в собственном смысле слова» [1. С. 311]. По мнению философа, политические ценности относятся к миру феноменального, временного, производного, в то

время как «трагедия всегда стремится проникнуть к сверхвременному, глубинному, ноуменальному» [там же]. Именно сверхвременное, запредельное состояние души Нины Чавчавадзе – грузинской аристократки, дочери поэта и общественного деятеля Александра Чавчавадзе, жены русского драматурга и дипломата Александра Грибоедова, страдающей от потери горячо любимого мужа, передано в словах, высеченных на памятнике А.С. Грибоедову: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской. Но для чего пережила тебя любовь моя!» На семнадцатом году жизни надела Нина Грибоедова черное платье и не снимала его 28 лет, до самой кончины. По иронии судьбы, нареченным женихом Нины Чавчавадзе до ее женитьбы с Грибоедовым был Сергей Ермолов, сын «грозного» генерала Ермолова.

Отголоски нравственно-психологических коллизий любовной истории Нины Чавчавадзе и Александра Грибоедова мы не однажды встречаем в русской классике. Нагрузку чрезмерного для земного человека страдания несут в себе и слова черкешенки, обращенной к кавказскому пленнику в одноименной поэме М.Ю. Лермонтова:

...Но ты сказал,
Что любишь, русский, ты другую.
Ее бежит за мною тень,
И вот об чем, и ночь, и день
Я плачу, вот об чем тоскую!..
Забудь ее, готова я
С тобой бежать на край вселенной! [с. 244]

Последний предсмертный крик черкешенки, бросившейся в Терек, был обращен к России: «О русский! Русский!!! – восклицает...»

Главное действующее лицо романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» – русский Печорин, «испорченный светом», кого будоражит «воображение беспокойное и сердце ненасытное», приехав на Кавказ с надеждой на то, что «скука не живет под чеченскими пулями», скажет о юной красавице

черкешенке: «Я ее еще люблю, я ей благодарен за несколько минут довольно сладких, я за нее отдам жизнь...» [4]. И в прощальный для Бэлы час возьмет ее за руку и прошепчет: «Я здесь, подле тебя, моя джанечка...» (выделено – Н.Щ.) [4]. Речь Печорина, вобравшая в себя смесь русского с языком кавказским, родным для умирающей возлюбленной, являет собой семиотику русского сознания, которое, по словам рассказчика, «способно применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить; не знаю, достойно порицания или похвалы это свойство ума, только оно доказывает невероятную его гибкость и присутствие этого ясного здравого смысла, который прощает зло везде, где видит его необходимость или невозможность его уничтожения» [4]. Пророческим в романе является факт того, что Лермонтову – «по эту сверхчеловечества» – удалось посредством отображения любовной трагедии Печорина запечатлеть метафизику родства-сближения двух ментально различных миров. По словам Максима Максимыча, в свой смертный час Бэла «начала печалиться о том, что она не христианка, и что на том свете душа ее никогда не встретится с душою Григория Александровича, и что иная женщина будет в раю его подругой. Мне пришло на мысль окрестить ее перед смертью; я ей это предложил; она посмотрела на меня в нерешимости и долго не могла слова вымолвить; наконец отвечала, что она умрет в той вере, в какой родилась» (выделено – Н.Щ.) [4].

Реализм художественного повествования в романе Лермонтова определяется обусловленностью характеров главных героев – временем, верой, родовой памятью... Именно сакральное переживание родства стало точкой отсчета, от которой пошло внутреннее, духовное сближение Печорина и Бэлы: «<...> Твоя вера запрещает полюбить меня? – Она побледнела и молчала. – Поверь мне, Аллах для всех племен один и тот же, и если он мне позволяет любить тебя, отчего же запретит тебе платить мне взаимностью? – Она посмотрела ему пристально в лицо, как будто пораженная этой новой мыслию; в

глазах ее выразились недоверчивость и желание убедиться» (выделено — Н.Щ.) [4].

Был ли прав и точен Лермонтов, а вслед за ним и Печорин, в этом смысловом допуске, имеющем догматическую подоплеку? Согласно мусульманскому богословию, Мухаммед не был основателем новой религии, но являлся последним пророком. Предшественниками Мухаммада были Иисус Христос, Иоанн Креститель, Моисей, Авраам и другие пророки. В месяц Рамадан 610 года, как утверждают авторы «Сборника хадисов имама аль-Бухари», когда пророку Мухаммеду было 40 лет, во время уединения в пещере Хира к нему явился ангел Джабраил и продиктовал ему первые пять аятов Корана. Этот (610 год) год и принято считать годом возникновения ислама [8].

В библейские времена, именно на Востоке, где царит сегодня ислам, волхвы, пришедшие в Иерусалим поклониться родившемуся Христу, увидели Его звезду. В 15-ом стихе второй главы Евангелия от Мтф. можно прочитать: «Да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: «из Египта возвал я Сына Моего». Не святые земли Иерусалима, где родился Иисус, а мусульманский ныне Египет спасал родившегося Христа. До арабского вторжения в 641 году, Египет был христианской страной, но за 500 лет большинство египтян обратились в мусульманскую веру. Вместе с тем около 10% населения остались христианами, которых называют коптами, что представляет собой искаженный вариант греческого названия Египта (Aigyptos).

Метафизика взаимного притяжения христианского и мусульманского миров, составляющих основу разных цивилизационных проектов, находится в понятийной плоскости Традиции. Гейдар Джемаль определяет традицию как «не человеческий фактор, это не человеческое измерение, это нечто за пределами бытийной, окружающей нас человеческой непосредственности» [2. С. 32]. По мнению мыслителя, последние вопросы духа и последний ответ на самые тайные вызовы содержится именно в понимании абсолютной разницы между бытием и знанием. И потому Г. Джемаль выделяет две традиции: тра-

дицию созерцания и традицию откровения, традицию жрецов и традицию пророков [там же]. Исповедуя Традицию как трансцендентный опыт человеческого бытия, христианский и мусульманский миры стоят перед вызовом гносеологического порядка и в глубине своего «неугомонного метафизического сердца» уповают не на жреческое созерцание, что ориентировано на монизм и тожество, но на пророческое постижение великой тайны и великой истины личностного бытия в его отличии от всего сущего.

Идейно-художественный замысел романа А. Проханова «Идущие в ночи», посвященного событиям Чеченской войны, подчинен именно пророческому постижению «великой тайны и великой истины» быта и бытия тех граждан единой России, кто по воле политиков оказался ввергнут в братоубийственную войну, находясь по разные стороны баррикад. В эпизоде допроса пленного чеченца полковником Пушкивым политический конфликт по мере описания напряженных внутренних переживаний героя – перемещается в плоскость его глубинных метафизических ощущений происходящего: «Что-то умоляюще-детское мелькнуло в глазах чеченца, что-то неуловимо знакомое, повторяющее одно из выражений его собственного сына Валерия, когда тот в болезни, страдая от немоги, тянулся к нему, к отцу, уповая на его волшебную силу, отцовское всемогущество и милосердие, находясь в абсолютной зависимости от его благой воли. Это совпадение остро, больно поразило Пушкина. Скованный наручниками чеченец был чьим-то сыном. У него была мать. Ожидала его, страдала за него, с ужасом ждала его смерти. Судьба молодого чеченца, сидящего перед ним здесь, и судьба его сына, воюющего среди развалин Грозного, оказались вдруг страшно связанными. Не как судьбы истреблявших друг друга врагов, а иной связью, проходящей через его, Пушкина, тайно страдающее сердце. Жизнь одного необъяснимым образом сохраняла жизнь другого, а смерть одного неизбежно влекла за собой смерть другого. Эта связь, обнаружив себя, не исчезала. Пушкин дорожил ею, берег ее, не давал разорваться» [7. С. 19].

Не разрывается связь невидимых нитей, соединяющих православный и мусульманский люд, и в романтически представленной автором истории любви русской Верки к Шамилю Басаеву, которому свойственны и жестокость, и фанатизм, и тупое упорство. «Верка была русской девкой из псковского захолустного городка». Изнасилованная «чернявыми жестокими мужиками», с «безумным сотрясенным разумом, измученной до полусмерти душой, среди войны и близкой, казавшейся неизбежной гибели, она полюбила этого немолодого, покрытого рубцами и ожогами человека, который стал первым мужчиной, что гладил ее нежно ладонью по белым блестящим волосам...» [7. С.47].

С какой целью Александр Проханов облагораживает Шамиля Басаева, наделяя его способностью откликаться на признания Верки в своей душевной привязанности к нему – убийце, предателю, изменнику: «Как же ты, русская, можешь любить меня? Ведь я твоих братьев убиваю. Неужели ты, русская, можешь любить врага своего народа?» [7. С.48]. Думается, прием оксюморона Проханов использует в своем романе не только с целью вынести приговор самому наличному историческому бытию России, которое дало трещину: «Я не русская, я – твоя! Какой у меня там дом и народ, одни мучения! Только тебя люблю» [7. С. 48]. Скрытый и явный смысловой парадокс слов Верки: «Здесь, у тебя под землей, – рай для меня. А там, на земле, под небом, – ад. Лучше день в раю, чем всю жизнь в аду» [там же] – обнаруживает в себе перевернутую символику понятий «верх» – «низ», «рай» – «ад», «земля» – «небо», «родина» – «чужбина» и свидетельствует, с одной стороны, о смещенном сознании героини, с другой, и в этом идейная сердцевина романа, – подтверждает факт того, что теория времени, по убеждению О. Павлова, подчиняется в современном искусстве теории «относительности» [6. С. 100]. Будучи историчным, оно же является и «веществом существования», то есть субстанциально, ибо включает в себе все человеческое бытие, весь предметный и беспредметный мир. Исходя из подобного ощущения времени, включающего в

себя помимо реальности и сверхреальность, для современных авторов, Проханова в том числе, «исследование собственного жизненного опыта переходит в исследование метафизического и всеобщего опыта истории – уже через осознание его значимости. Родилась потребность не в Правде, на чем росла отечественная литература XX века, а в Истине» [6. С. 112]. В чем истина, какую хочет донести до читателя Александр Проханов? По всей видимости, в том, что на рубежах последнего предела, в каком пребывают сегодня потревоженная временем Россия и все мировое сообщество и за которым открывается бездна непознанного, бескрайнего небытия, находят свое оправдание и переживания Звонаря – православного русского парня, с чистыми голубыми глазами, хрупкого здоровьем, который, будучи посланным в Чечню воевать, был преисполнен жалости к чеченским жителям («... Детей и женщин жалеть надо... У них от горя глаза провалились...»). «Мне людей жалко, домов жалко. Столько красивых домов разрушено. Люди их строили, украшали... Хотели жить, семьи свои берегли...») [7. С. 87], и любовь Верки к предводителю головорезов, желающих зла ее Родине... Воспаленная временем, прорвавшаяся наружу всполохами братоубийственной войны кавказская энергия рода-племени, накопленная веками как инерция возврата к первоначальному, к прошлому, продление которого по законам Традиции и есть устойчивость настоящего, совпала, слилась с трансцендентной энергией русскости как особого мира, утратившего свой этнический код во имя прорыва к границам сверхреальности. По мнению Юрия Осипова («Русский мир, и я в нем русский»), в том и заключается магия русскости, что в ней отсутствуют обыкновенные, вполне житейские мотивы. Русскость – это «что-то совершенно идеальное, не приносящее ни внешнего благополучия, ни эзотерической нирваны. У русскости и русских нет настоящего, а если и есть, то лишь как надежда, но не сама по себе реальность. Мир не воспринимается русскостью как настоящий. «Дом, семья, дети, есть, наконец, работа, какое-то занятие – все это имеет ценность лишь в свете ненастоящего, чего нет – что либо в прошлом, либо в

будущем. Акценты не на настоящем – отсюда и удивительная жертвенность, героизм, компромисс с настоящим» [5. С. 7]. «Всем хочется быть свободными в духе, все жаждут выйти за пределы опостылевшего бытия». «А Русь-Россия, – по мнению Ю. Осипова, – и есть беспредельность, но как же ценна эта беспредельность, коли только она позволяет удерживать что-то трансцендентно-сакральное, еще не организованное, еще не направленное, еще возможное» [5. С. 7].

Таким образом, свобода Духа, готовность народов Кавказа жертвовать, выйти за пределы земного во имя сохранения, благополучия рода-племени, и способность русского сознания, чья родовая энергия исторически рассеяна, отречься от реального, нажитого в пользу лишь возможного, несостоявшегося, ирреального, ведущего к встрече с тем, что и Истина, и Свет, и Путь, – в нашем понимании делают метафизически равноценными и равновеликими обращенное к единому Богу: «Господи помилуй!..» и «Аллах акбар!» и вселяют надежду на то, что именно эта метафизика родства двух ведущих цивилизаций позволит уравновесить мировое геополитическое пространство в пользу справедливости и добра.

Библиография:

1. Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. Философия хозяйства. Трагедия философии. М., 1993.
2. Джемаль Г. Революция пророков. М., 2003.
3. Лермонтов М.Ю. Кавказский пленник. / Лермонтов М.Ю. Собр.соч. в 2-х тт. Т. 2. М., 1989.
4. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени / ilibrary.ru
5. Осипов Ю. Русский мир и я в нем – русский! / «Завтра», № 50 (525), 2003
6. Павлов О. Метафизика русской прозы /»Октябрь», № 1, 1998
7. Проханов А. Идущие в ночи. / Роман-газета. № 16. М., 2001
8. «Сборник хадисов имама аль-Бухари» / ilibrary.ru

РОССИЯ И КАВКАЗ В ПРОСТРАНСТВЕ ЕДИНОЙ ДЕРЖАВЫ

Материалы Международной научно-практической конференции

Редактор-составитель: канд. филол. наук, доцент Л.Н. Ефименко
Корректор: канд. филол. наук, доцент О.А. Касьянова

Подписано в печать 22.02.2014

Формат 60×84 ¹/₁₆. Усл. печ. 19,6. Тираж 300 экз.

Издательство Кубанского социально-экономического института

Отпечатано с оригинал-макета в типографии
Кубанского социально-экономического института

НЧОУ ВПО «Кубанский социально-экономический институт»
350018, г. Краснодар, ул. Камвольная, 3